

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

164

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

164

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Г. С. ЛЕБЕДЕВ, И. В. ДУБОВ

СЕВЕРНАЯ РУСЬ

(некоторые итоги археологических исследований)

Последнее десятилетие ознаменовалось качественным сдвигом в изучении древностей северных земель средневековой Руси. В конце 50-х годов археологические исследования концентрировались в немногих крупнейших древнерусских центрах — прежде всего в Новгороде, в меньшей степени — в Пскове. Раскопки тех лет дали первоклассные материалы, накопление их продолжается, но давно уже назрела необходимость увязать древности столиц русских северных земель с материалами округи — сельских и городских центров IX—XVI вв.

Решению этих задач и посвящены усилия археологов. Наряду с систематизацией и обобщением старых материалов в 1968—1969 гг. на территории Ленинградской, Псковской, Новгородской, Архангельской, Ярославской областей развернулись новые широкие полевые исследования. Их организация была теснейшим образом связана с большой работой по охране памятников истории и культуры. Показательно объединение усилий академических институтов, вузов, музеев, общественных и государственных организаций. Отметим здесь три примечательных научно-организационных события. В 1974 г. в составе Ленинградского отделения Института археологии был образован сектор славяно-финской археологии¹. Далее, в 1976 г. кафедра археологии исторического факультета Ленинградского университета провела совещание «Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья»². В 1976 г. Ленинград был избран местом проведения первого Советско-Финляндского симпозиума по археологии на тему «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья»³. Одно перечисление этих мероприятий показывает, какое внимание стали уделять специальному изучению истории и археологии северной части Восточной Европы.

Результат — новые данные о многих сотнях археологических памятников, раскопки более полутора десятков поселений, городов, крепостей, в том числе, как выяснилось, памятников общеевропейского значения. Существенно изменились, стали более конкретными и наши представления о ранних этапах средневековой истории нашей Родины. Археологический материал позволяет все с большим основанием ставить и решать масштабные исторические проблемы.

Следует выделить три взаимосвязанные проблемы ранней русской истории, которые решаются ныне на археологическом материале. Во-первых, это вопрос о расселении славян в северных русских землях, о характере этнических связей и контактов славянских племен с финно-угорским и балтским населением, а также с норманскими пришельцами. Во-вторых, вопросы формирования древнерусской народности, древнерусского государства и его культуры. Наконец, третья группа проблем — пути и этапы формирования древнерусского города, его структура, функции, архитектурный облик, связи с округой.

В разработке каждой из этих групп вопросов ныне достигнуты определенные результаты, краткое изложение которых и составляет содержание настоящей статьи.

Новый этап в разработке проблемы славянского расселения связан, во-первых, с систематизацией старых данных о погребальных памятниках севера Руси (сопки, длинные курганы, курганы южного Приладожья) и, во-вторых, с развернувшимися новыми полевыми работами. Они направлены на изучение могильников и главным образом на выявление и раскопки поселений IX—X вв. и предшествующего времени. Центрами исследований являются Институт археологии АН СССР, его Ленинградское отделение и кафедра археологии Ленинградского университета. Работы организованы совместно с Обществом охраны памятников, музеями Ленинграда, Новгорода, Пскова, Ярославля. Сейчас проведены или завершаются раскопки не только крупных древнерусских центров, таких как Изборск (В. В. Седов) или Белоозеро (Л. А. Голубева), но и ряда периферийных городищ и селищ: Городец под Лугой (Г. С. Лебедев), Городок на Ловати (В. М. Горюнова), погост Камно (К. М. Плоткин), Новые Дубовки и Золотое Колено (Е. Н. Носов) и др.

Материалы с достаточной отчетливостью воссоздают облик раннеславянской материальной культуры VIII—X вв. на северо-западе древней Руси. Она отличалась определенным своеобразием: славянские памятники на севере далеко не тождественны одновременным им в лесостепной зоне, роменско-боршевским и лука-райковецким. Многие черты сближают археологическую культуру славян северо-запада древней Руси с западославянскими культурами, с балтийско-славянским и балтским миром. Эта северо-западная культура формировалась с VIII в. и, что особенно важно, была тесно связана с протогородскими и раннегородскими центрами, такими как Ладога или Рюриково городище под Новгородом — на территории древней Руси, Волин, Колобжег, Аркона, Старгард — в западославянских землях, Бирка и Хедебю — в Скандинавии и др.

Материалы рядовых поселений позволяют проследить, как на протяжении IX—X вв. некоторые из них переросли в административные центры сельской округи, погосты. Расселение славян в лесной зоне несло на север новые формы хозяйственной деятельности, прежде всего папешное земледелие. Это обстоятельство было определяющим фактором как этнических взаимодействий (создавался новый экономический базис для этнокультурных процессов), так и решающих социальных изменений⁴. Можно сказать, что именно значительный перевес экономического потенциала обеспечил активность поселенцев и сравнительно быструю ассимиляцию некоторых чудских и балтийских племен, влившихся в состав древнерусской народности.

Процесс славянского расселения на северо-западе Восточной Европы прослеживается по материалам сопок и длинных курганов. После фундаментальной работы В. В. Седова «Новгородские сопки»⁵ появились новые возможности углубленного изучения сопок VIII—X вв. как могильных сооружений формирующегося древнерусского населения. Обращают на себя внимание новые данные, полученные в ходе недавних исследований В. П. Петренко, Е. Н. Носовым и Г. С. Лебедевым этих памятников⁶. Впервые установлено, что сопки регулярно сопровождали сельские поселения VIII—IX вв. (раньше эти поселения не были выявлены). Много написано о неславянской принадлежности сопок, однако их расположение в районах сплошного сельского населения говорит само за себя. Прояснилась и необычная архитектура самих могильных насыпей. Они предстают перед нами не только как сложные, строившиеся по вертикали сооружения, но и как комплексы, окруженные кольцом внешне незаметных погребений по обряду трупосожжения и трупоположения. Это, возможно, указывает на длительное использование сопок как усыпальниц многих поколений людей. Начало погребальной традиции сопок отодвигается в глубь I тысячелетия — к VI—VII вв.

Исследования П. Н. Третьякова и В. В. Седова подготовили археологов к необходимости более углубленно и более точно определять культурные взаимодействия славян и финно-угров в лесной зоне Восточной Европы. Примечательны результаты исследования курганов XI—XIII вв. на Ижорском плато — плодородной житнице Великого Новгорода. Курганы, сосредоточенные в громадном количестве в этом районе Новгородской земли, считались древнерусскими. Действительно, они полны заупокойными дарами общерусских форм. Спрашивается, где же проживало финское племя воды и где находятся принадлежавшие ему памятники? В результате исследований Е. А. Рябина и В. А. Кольчатова этот вопрос прояснился. Оказалось, что водские земледельцы в XII—XIII вв., действительно, в изобилии пользовались новгородскими вещами и черты своего этноса сохранили лишь в курганной обрядности — в восточной ориентировке погребенных. Раньше на эту черту не обращали внимания (в дореволюционных публикациях она совершенно не фиксировалась). Водская культура формировалась в XII—XIII вв. под сильным влиянием Новгорода, где изготовляли на вывоз даже детали финского костюма⁷. Новгородцы не только крестьянствовали вместе с водой, но и в политическом смысле допускали автономию союзных им финских племен, мирились с их укладом и верованиями, считались с племенной знатью. Элементы такой федеративности улавливаются и археологически.

Племенные финские городки существовали в период зрелого средневековья у воды (три из них обследованы или открыты Е. А. Рябиным) и в Карелии (Тиверский городок).

Особое по характеру взаимодействие между славянами и чудью обрисовалось в последние годы в результате изучения курганов восточного побережья Чудского озера (Н. В. Хвощинская). Здесь выявлена богатая культура финского населения XI в. Только в XII—XIII вв. началась замена местных культурных элементов общерусскими, что было связано со славянизацией коренных жителей. В целом можно констатировать процветающее автономное примерно двухвековое развитие целого окраинного иноязычного района в рамках древнерусского государства⁸.

Похожим образом развивались события и к востоку от Ладоги, на землях юго-восточного Приладожья. Политико-административное включение этих земель в состав Киевской державы отмечается со второй половины XI в., особенно в начале XII в., когда усилилось доминирующее военное положение Ладожской крепости. В предшествующие полтора столетия в южном Приладожье сложилась яркая финно-угорская курганная культура. Новые исследования В. А. Назаренко определили динамику формирования, этнический и социальный облик приладожского общества X—XI вв. Своеобразие этой культуры было обусловлено ее связью с древнерусской Ладогой. Местное население, видимо, активно участвовало в экономической жизни этого центра, сохраняя, однако, определенную самостоятельность. В состав чудского племенного объединения вошли здесь отдельные группы скандинавов, осевших в южном Приладожье в качестве посредников в меховой торговле. Характерно, что ко времени образования подвластного Новгороду Обонежского ряда приладожская курганная культура прекратила свое существование.

Наши представления о культуре, отношениях, судьбах славян и чуды непрерывно пополняются и расширяются. Следует особо отметить открытие под Шенкурском первого финно-угорского могильника, принадлежавшего «чуди заволоцкой». Он исследован в 1977 г. О. В. Овсянниковым при участии В. А. Назаренко.

В последние годы изучены поселения местного и пришлого населения на территории Северо-Восточной Руси (Сарское городище, Тимеревское поселение), могильники аборигенного финно-угорского населения во Владимирской обл., древнерусские курганы в районе Ярославля. Полученные материалы позволяют проследить процесс включения этих земель в состав раннесредневековой Руси. Он развертывался здесь в IX столе-

тии, а не в конце XI в., как считали некоторые исследователи. IX век стал переломным в истории северо-востока Восточной Европы. Первоначально древнерусское население продвинулось лишь в один небольшой, но стратегически ключевой район на великом Волжском пути — в Ярославское Поволжье. Именно этому населению принадлежат памятники IX в. в бассейне Которосли — Волги. Сюда, в районы, занятые финно-угорскими племенами веси, мери, муромы, шло население со стороны северо-запада, из Новгородской земли. Основными участниками этого движения в IX—X вв. были словене новгородские, вместе с которыми в освоении новых земель принимали участие группы чуди и скандинавов⁹. Археологически этот период восстанавливается по материалам Сарского городища, которое перерастало из племенного центра мери в древнерусский городок. Еще более показательны материалы открытого торгово-ремесленного поселения в Тимереве под Ярославлем.

В состав Тимеревского комплекса входят три курганных могильника и два поселения. В последнее время здесь открыты два клада арабских монет¹⁰. Датируется комплекс IX—XI вв. На поселении обнаружены жилые, производственные и хозяйственные постройки. Установлено, что жители Тимерева занимались кузнечным, бронзолитейным, ювелирным и другими ремеслами. Важную роль играла торговля — в постройках и погребениях найдены весы и гирьки, монеты, иноземные вещи из стран Арабского Востока, Византии, Волжской Болгарии, Западной Европы, Ирландии, Скандинавии. Такая культурная многоэтничность — явление, характерное для раннегородских центров, каким и было Тимерево.

Грады VIII—X вв. обеспечивали контроль над сельской (нередко разноэтничной) округой. Равным образом формирующий господствующий класс древней Руси был заинтересован в контроле над новыми видами хозяйственной деятельности — торговлей и ремеслом. Овладение магистральными путями — одна из важнейших социально-политических задач древнерусского государства в IX—X вв. Первичное освоение важнейших магистралей происходило еще в ходе земледельческой колонизации в VIII—IX вв. Уже в середине VIII в. возникают первые транспортные центры на Волховском пути (Ладога, несколько позже — Рюриково городище), в IX в. аналогичные поселения появляются на Волжском пути (Тимерево, летописный Клецин). Становление подобных центров — явление общеевропейское, все они связаны с международной торговлей, охватившей пространство от Урала до Британии и от Скандинавии до Багдада.

Необычный аспект роли торговли в этот период раскрывают граффити на арабских монетах, найденных в Тимереве и в других местах. Выявленная серия граффити многообразна по смысловому содержанию — это подражания восточным надписям, северные рунические знаки и надписи, изображения кораблей, предметов вооружения, различные знаки-символы. Особое место занимают знаки Рюриковичей — тамги Святослава Игоревича и Владимира Святославича. Обнаружение таких знаков позволяет предполагать княжеское клеймение арабской монеты, имевшей хождение на Руси, что в свою очередь означает прямое участие государства в дальней торговле или его контроль над купеческими операциями¹¹.

Чрезвычайно ярко теснейшая взаимосвязь процесса формирования государственности со становлением древнерусского города проявилась в материалах Ладоги. Старая Ладога выделяется находками огромной исторической ценности. Здесь, на мысе, образованном Волховом и Ладожской, оказалось небывалое скопление оборонительных построек из камня и земли, относящихся последовательно к концу IX в., 1114 г., 1490 г. и, наконец, 1585 г. (последние две крепости существуют на поверхности земли). Первая Ладожская каменная крепость — ровесник создания древнерусского государства — претендует на то, чтобы считаться самым древним каменным сооружением русской истории. Начало отечественного каменного дела получило, таким образом, рекордную по давности дату. Ведь ничего подобного не было в то время ни в славянской Восточной

Европе, ни в странах Балтийского бассейна. Редким инженерным феноменом предстала и вторая по счету Ладожская каменная фортификация, возведенная в 1114 г. Ее стены сохранились почти на полную высоту — 8,5 м, что позволяет судить о размерах и устройстве сотен исчезнувших деревянных преград времен Киевской державы¹².

В Старой Ладоге дендрохронологически датированы временем от середины VIII до X в. древнейшие культурные напластования. Начало славяно-русского «градостроения» тем самым получило строгие и точные даты. В Ладоге всё отчетливее вырисовывается примерно столетний этап ее докняжеского протогородского развития. Изучение этого этапа имеет основополагающее значение для характеристики культуры и техники раннефеодального Русского государства. Заслуживает упоминания находка прямо на материке Ладожского поселения комплекса ювелирных и кузнечных инструментов. Эта древнейшая пока в русских городах ремесленная мастерская, а также и другие данные убеждают в том, что Ладога с самого начала своего возникновения была не аграрным, а торгово-ремесленным образованием (данные Е. А. Рябинина).

Монетные находки выдвигают Ладогу и ее округу в число наиболее развитых североευропейских районов. Примерно с 60-х годов VIII в. город на Волхове вошел в систему евразийского товарооборота. В IX — начале X в. Ладога — одна из наиболее мощных государственных крепостей страны, в XII в. — цветущий, наполненный каменными храмами посадский город площадью 16 га и по-прежнему главный северный въезд на территорию Руси.

В ладожских материалах нашла свое решение варяжская проблема. Как это следует и из современного анализа русских летописей, «призвание варягов» — достоверный факт местной ладожской истории. Специфическая обстановка, сложившаяся в середине IX в. в этом центре, выдвинутом далеко на окраину славянских земель, привела к тому, что в Ладоге, по-видимому, на какое-то время, утверждается норманский конунг со своим двором и дружиной. Скандинавские поселенцы оставили после себя особый курганный могильник (в урочище Плакун). Во второй половине IX в. в Ладоге начинается интенсивное нарастание черт древнерусского города. Формируется регулярная уличная застройка, строится каменная крепость. Основное население города — славянские купцы и ремесленники, и заморский военный предводитель с его дружиной выполняет «социальный заказ» именно этих слоев населения, обеспечивая безопасность города и охраняя его судоходство, в том числе и от своих же норманских соплеменников, неоднократно угрожавших Ладоге. С начала X в., по мере укрепления центральной великокняжеской власти, лидирующая роль Ладоги на северо-западе снижается. Первенство переходит к Новгороду, где, естественно, ладожские скандинавы не могли претендовать на какие-либо права. Вплоть до середины XI в. норманны на Руси выступают в качестве наемных воинов в составе великокняжеских войск, либо заезжих купцов, либо мастеров-ремесленников в древнерусских городах.

В целом процесс формирования государственности на севере русских земель базируется прежде всего на прогрессивном развитии экономики восточнославянского населения, не только осваивавшего в VIII—IX и последующих веках обширные пространства, но и активно создававшего новые формы хозяйства, культуры, общественной жизни. Система водных путей и торгово-ремесленных центров, сеть погостов, дальняя международная торговля, дифференцированное ремесло, военная организация — вот археологически уловимые черты древнерусской государственности. Всякого рода внешние связи появляются лишь по мере ее становления.

Древнерусский город на раннем этапе своего существования раскрывается сейчас как естественное средоточие всех этих связей. Данные новых исследований позволяют сделать вывод, что в IX—XI вв. Ладога,

Новгород, Псков, раннегородские поселения в Тимереве, Гнездове, на Юрюиковом городище и др. были тесно связаны с Балтикой.

В эти столетия у восточных и западных славян, балтов, финно-угров, скандинавов разворачивались единые по направленности социально-экономические процессы. Народы Восточной и Северной Европы вступали в период становления классового общества, отмеченный такими явлениями, как выделение военных дружин и вождей, экспансия, дальняя международная торговля, спецификация районов экспорта и импорта, сложные системы коммуникаций, выделение ремесла, формирование города. Единые стимулы порождали и перекрестно действующие факторы. Именно поэтому изделия фризского, каролингского, британского ремесла распространялись при посредстве скандинавов далеко на восток, а монетное серебро арабских халифов — при посредстве славян — далеко на запад Европы. В городской жизни, домостроительстве, фортификации, вооружении, кораблестроении, ремесле Новгорода, Пскова и Ладоги, Волина, Колобжега и Гданьска, Арконы и Любека, Бирки и Хедебу прослеживаются общие закономерности и тенденции. Именно в это время пробивает дорогу необходимость мирных связей народов стран Балтики, необходимость, которая была определяющей, несмотря на все эпизоды набегов, интервенций, феодальных войн. Изучение общеевропейских культурных и торговых связей открывает интереснейшие перспективы международного научного сотрудничества в области археологии.

Постановка проблем, связанных с генезисом древнерусского и шире — европейского средневекового города, — результат систематического изучения целой серии городов Новгородской земли. Раскопки охватили в общей сложности более десятка крупных объектов. Исторические городокрепости северо-запада Руси изучались Ленинградским отделением Института археологии АН СССР совместно с Областным отделением Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, Управлением культуры Ленинградского и Псковского облисполкомов, а также историческим факультетом Ленинградского университета.

Была реализована комплексная программа научного поиска. Обследовались крепостные, культовые, жилые, хозяйственные, гидротехнические, дорожные и другие сооружения, выяснялся характер культурных напластований, проводилась разведка околорадий, определялась территория посадов. Изучение городов-крепостей строилось на использовании не только археологических, но и письменных отечественных и иностранных источников.

При изучении крепостей Новгородской земли в какой-то мере выяснилось их не только оборонительное, но и хозяйственное, транспортно-торговое и, так сказать, волостное значение. В Орешке, Копорье, Кореле, Ямгороде, Порхове открыты остатки домов, каменных храмов, а также части улиц, настилы, позволившие до некоторой степени судить о планировке укрепленных поселений, строительстве крепостей, дорогах, судоходстве, культовой архитектуре.

Изделия, происходящие из надежно датированных городских слоев, позволили определить занятия жителей — рыболовов, лодочников, мелких земледельцев. Материальная культура северо-западных городов в XIV—XV вв. наследовала традиции домонгольской Руси. Посуда, оружие, некоторые украшения по формам частично восходят к предшествующему времени. На первый взгляд, речь идет о замедленном развитии производства, консервативном бытовании архаических образцов. Такая оценка была бы односторонней. Исторически северо-западный регион в условиях монголо-татарского ига выступал на протяжении XIV—XV вв. как хранитель и продолжатель традиций ремесла и культуры XI—XIII вв.

Важнейшие результаты связаны с изучением военной архитектуры. Исследователь оказывается здесь в трудном положении. Почти все крепости, возникшие во времена Великого Новгорода, на втором и третьем веке своего существования были радикально перестроены в связи с появлением артиллерии. Поэтому первоначальные сооружения счита-

лись полностью исчезнувшими. Однако пример Ладого, где на месте одной крепости обнаружены четыре, уже показывает, что это не так. Оборонительные и другие сооружения XIII—XIV вв. (в разной степени сохранности) удалось отыскать или опознать в ряде крепостей. Раскрылась целая архитектурная эпоха. Теперь мы знаем, какими были древненовгородские крепости и каково их устройство¹³.

В Ладого, Орешке, Кореле, отчасти Порхове и Ямгороде открыты долговременные сооружения конца IX—начала XVI в. При этом полностью или частично удалось выявить и реконструировать отдельные постройки и целые архитектурные ансамбли периода русского средневековья и детально представить развитие доогнестрельной фортификации Северной Руси.

В ходе изучения северорусских каменных оборонительных сооружений был сделан вывод, что их строительство должно быть оценено как крупнейшее технико-культурное явление своего времени. К XIII в. изменилась пассивная военная роль городов. Фортификация тогда впервые поднялась до уровня военных задач, которые ранее решались в полевых сражениях. Укрепление (начавшееся с конца XIII в.) северного и западного рубежей страны отражало новую стратегию в оценке городов-крепостей как защитников и охранителей земли и дорог. Строительство городов явилось дальновидным актом Новгородского государства, так как на века закрепило за русскими выход к Балтийскому морю и предотвратило расхищение северорусских земель немецкими и шведскими феодалами в самое трудное время русской истории — период монголо-татарского порабощения. Возведение каменных северных фортификаций явилось признаком стабилизации границ и восстановления Руси, поднявшейся из пепла пожариц к продолжению борьбы с агрессией извне.

В целом изучение северорусских городов-крепостей значительно меняет наши представления о культуре Новгородской земли и в целом древней Руси. Первая каменная крепость в Ладого конца IX в., первоклассная оборонительная постройка в той же Ладого начала XII в., развертывание каменного оборонного строительства на самом передовом уровне в период монголо-татарского ига (Копорье, конец XIII в.), регулярная многобашенная крепость XIV в. в Орешке, переход к зодчеству огнестрельной поры — все эти этапы древняя Русь прошла в те же сроки и на том же техническом уровне, что и самые передовые европейские страны. Значение созданной новгородцами оборонительной системы определяется хотя бы тем фактом, что до самого конца существования феодальной Новгородской республики ее столица — Новгород Великий — ни разу не подвергался осаде и штурму иностранных войск. Каменные крепости надежно прикрыли внешнюю границу Северной Руси.

Археологические изыскания последнего десятилетия не только позволили решить ряд вопросов отечественной истории. Определяются новые задачи как научного, так и организационного порядка. Продолжая широкое исследование памятников северо-запада и северо-востока Восточной Европы, крепостей, городищ, селищ, могильников, археологи принимают активное участие в разработке и реализации мероприятий по охране и реставрации памятников. Решен вопрос об организации в Старой Ладого историко-архитектурного заповедника, который имел бы не только общесоюзное, но и международное значение. Недавно Ленинградское отделение Института археологии АН СССР добилось такого решения. Завершенный цикл исследований в Старой Ладого создал прочную основу для дальнейшей работы. Важным шагом в этом направлении была бы организация здесь производственно-учебной базы студентов исторических факультетов и создание на долгосрочных началах археологической экспедиции.

¹ *Кирпичников А. Н.* О задачах и работе сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1974—1975 гг. — КСИА, 1977, 150, с. 107—111.

² *Шаскольский И. П., Лебедев Г. С.* Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. — Скандинавский сборник, Таллин, 1977, XXII, с. 307—309.

- ³ Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. Первый советско-финский симпозиум по археологии. — ВИ, 1977, № 7, с. 187—189.
- ⁴ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской обл. Л., 1977.
- ⁵ Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970. Ср.: Он же. Длинные курганы кривичей. М., 1974.
- ⁶ Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли. — ВИД, Л., 1974, VI, с. 212 сл.; Петренко В. П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги. — КСИА, 1977, 150, с. 55 сл.; Лебедев Г. С. Новые данные о длинных курганах и сопках. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, в. 1, с. 37 сл.
- ⁷ Рябинин Е. А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 56—61.
- ⁸ Хаощинская Н. В. Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. Л., 1978.
- ⁹ Дубов И. В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 18, 19.
- ¹⁰ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у д. Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и пумизматическим данным). — Вестник ЛГУ, 1975, № 2, с. 65—70.
- ¹¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические надписи и скандинавская символика на кувшинных монетах. — Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Л.; М., 1976, ч. II, с. 61—63.
- ¹² Кирпичников А. Н. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1977, с. 417—434.
- ¹³ А. Н. Кирпичников закончил исследование «Каменные крепости Новгородской земли».

Е. А. ГОРЮНОВ, М. М. КАЗАНСКИЙ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В литературе встречается различное понимание культуры пеньковского типа. С ней зачастую неоправданно связывают разнородные древности лесостепного Поднепровья, датируемые в широких пределах. Так, И. П. Русанова считает пеньковскими комплексы V—VII вв., но фактически не отделяет их от древностей VIII—IX вв., в которых, по ее мнению, заметно «сочетание элементов собственно пеньковской культуры, салтовской и более северной славянской типа Корчак и Луки Райковецкой»¹. Подобные взгляды на пеньковские древности содержатся в работах Л. М. Рутковской², А. Т. Смиленко³ и других.

Такое понимание этих древностей основывается на спорной интерпретации Д. Т. Березовцом некоторых из исследованных им поселений у с. Пеньковка на р. Тясмин как эволюционных звеньев единой славянской культуры VII—IX вв. в Среднем Поднепровье⁴. Наиболее ранним он считал поселение Молочарня, керамика которого представлена обломками лепных биконических и округлобоких сосудов. К более позднему времени Д. Т. Березовец отнес поселения Луг I и II, где лепную керамику, подобную встреченной в Молочарне, якобы постепенно вытесняет типично славянская, в том числе изготовленная на гончарном круге. Поселение Макаров Остров, по его мнению, принадлежит славянской культуре VIII—IX вв., уже лишенной архаических черт⁵.

Согласно Д. Т. Березовцу поселения Луг I и II были однослойными. Этот вывод, однако, основан не на анализе и распределении типов лепной и гончарной керамики по отдельным жилищам. В действительности эти поселения, как отмечал еще И. И. Ляпушкин⁶, содержат разновременные напластования. В том и другом случае можно выделить два различных комплекса — собственно пеньковский и типа Луки Райковецкой,

которые четко обособляются не только по керамике, но и в «горизонтальной стратиграфии» связанных с ними жилищ⁷.

Более правомерно относить к пеньковской культуре только древности третьей четверти I тысячелетия н. э. Они определяются в первую очередь по лепной керамике, для которой особенно характерны биконические и округлобокие сосуды. Такого понимания пеньковской культуры придерживаются, например, В. В. Седов⁸, П. Н. Третьяков⁹, О. М. Приходнюк¹⁰, И. А. Рафалович¹¹.

В литературе пеньковскую культуру обычно рассматривают суммарно, без учета особенностей отдельных комплексов. Это связано с характером имеющегося материала. Он получен главным образом при разведочных обследованиях и нередко не является бесспорно пеньковским, хотя и используется для характеристики этой культуры и определения ее основных черт. Так, не имеет отношения к пеньковской культуре основной слой Стецовки, который, судя по керамике, частично близкой типу ранней керамики Луки Райковецкой, частично «салтоидной», принадлежит более поздней культуре¹². Именно к этому, а не к пеньковскому слою Стецовки относятся жилище-юрта и каменные вымостки, которые находят соответствие в салтовской культуре¹³. Не может быть определено как пеньковское и Пастырское городище, поскольку с ним связывается керамический комплекс, лишенный сколько-нибудь выраженных пеньковских черт и в то же время близкий комплексам салтовского круга¹⁴.

Работы последних лет внесли много нового в изучение пеньковских древностей. В частности, они показали широкое распространение этой культуры в днепровском лесостепном левобережье, где в настоящее время к ней относят около 30 памятников. Среди них выделяется селище Хитцы на р. Удай близ г. Лубны¹⁵. Здесь в 1973—1976 гг. проведены раскопки на площади 1762 кв. м, что составляет около половины общей площади поселения. В процессе работы на основе стратиграфических наблюдений и анализа керамики выявлены три горизонта. Два нижних представляют основные этапы пеньковской культуры, в том числе начальный, который на других поселениях, считая и правобережные, выделяется, как правило, менее четко. Третий горизонт принадлежит культуре волынцевского типа. Различия между пеньковскими горизонтами заметны главным образом в керамике, тогда как жилища их тождественны. К пеньковскому слою поселения относится 11 жилищ: шесть — к раннему горизонту, пять — к позднему. Это полуземлянки, квадратные в плане, с открытым очагом. Стены глиняные, на легком деревянном каркасе, в отдельных случаях, возможно, срубные; длина их 4—5 м. Иногда, чаще — в жилищах первого горизонта, имеется центральный столб. Вероятно, жилища с центральным столбом отличались по конструкции стен и кровли. В таком случае уменьшение их количества во втором горизонте, возможно, следует связывать с хронологическими изменениями в характере жилищ.

Подобные жилища не чужды пеньковской культуре. Они открыты на Южном Буге (Голики, Скибинцы)¹⁶, в Молдавии (Селиште, Ханска II)¹⁷, на правобережье среднего Днепра (Деревка¹⁸, Крещатик¹⁹, Молочарня, Луг I — жилища 2, 19²⁰), в днепровском Надпорожье (Сурская Забора)²¹. Для этой культуры характерны и жилища с печами. Они известны по всему ее ареалу, а не только в западном и юго-западном пограничье, как считает И. П. Русанова²². В Среднем Поднепровье печи открыты на поселениях Домонтово²³, Луг I (жилища 10, 12, возможно, 20)²⁴, Игрень-Подкова I (жилища 2, 4)²⁵. По-видимому, различия в характере жилищ отдельных поселений из числа бесспорно пеньковских следует считать прежде всего локальными и хронологическими.

Одним из определяющих компонентов пеньковской культуры является лепная керамика, ведущие формы которой представляют биконические и округлобокие горшки. Существует мнение, что другие формы керамики не свойственны пеньковским древностям и их присутствие в отдельных комплексах вызвано влиянием со стороны соседних культур. Однако

детальный анализ пеньковской керамики с привлечением ныне известных комплексов всего ареала культуры никем не проводился.

То, что пеньковские комплексы керамики типологически сложны, доказываются работами на поселении Хитцы. Лепная керамика здесь отличается разнообразием форм, известных и по другим пеньковским памятникам Поднепровья, а также Побужья и Поднестровья, что не позволяет считать их атипичными. Различия между двумя пеньковскими горизонтами поселения Хитцы определяются главным образом по типологии керамики, совместной встречаемости форм и распределению их по отдельным жилищам. Связанные с этими горизонтами комплексы керамики имеют много общего между собой. Они представлены одним набором форм: корчагами, горшками, мисками, сковородами и «дисками». В том и другом комплексе среди горшков преобладают биконические (рис. 1, 1—3, 5, 11, 16, 17; 2, 12—14, 19, 20, 22, 24) и округлобокие (рис. 1, 9, 12, 14, 15; 2, 7, 17). Орнамент состоит только из валиков и налепов. Общие элементы позволяют с уверенностью говорить о взаимосвязи комплексов и принадлежности их к одной культуре.

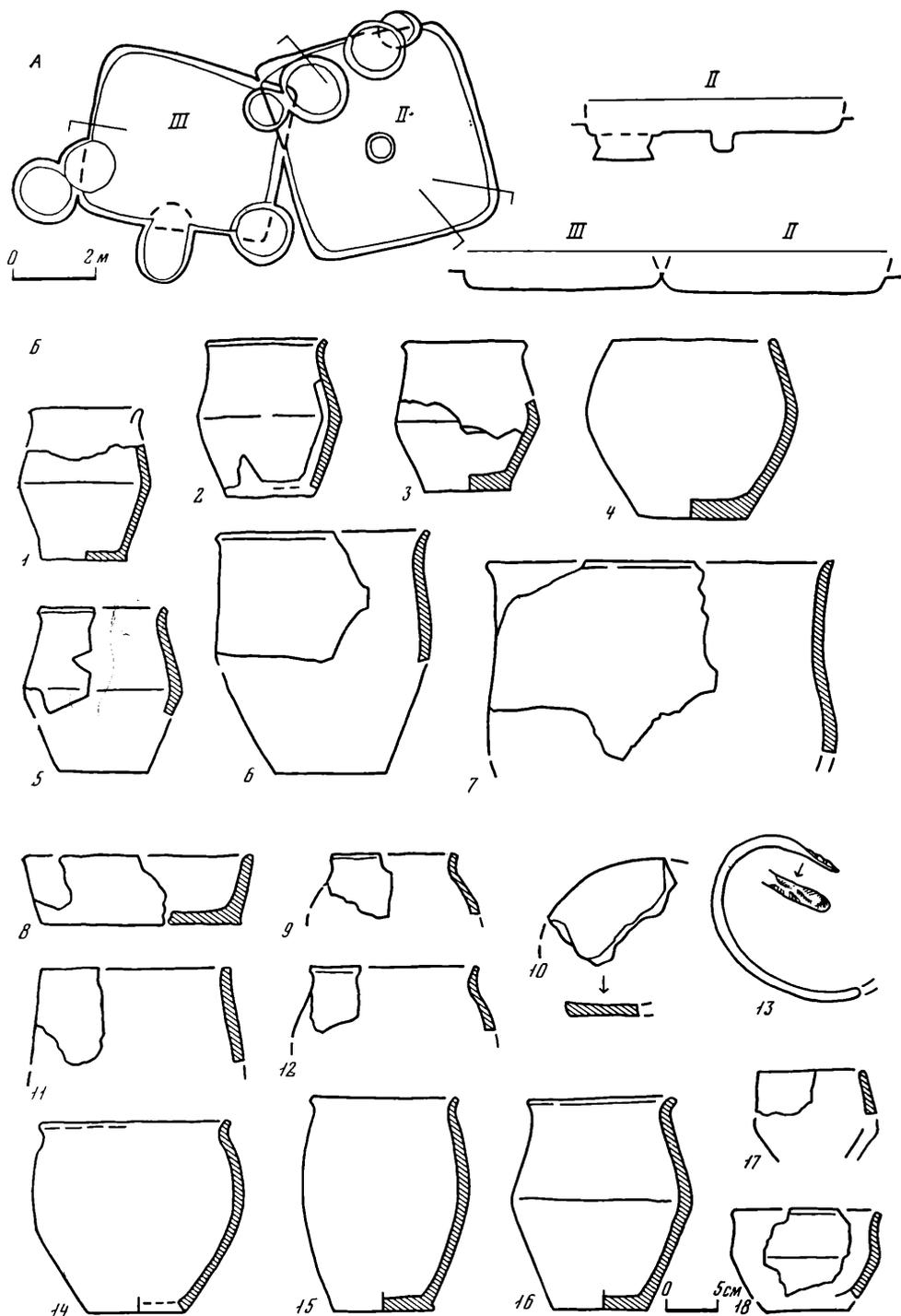
Четко прослеживаются и различия между ними. Среди корчаг первого горизонта имеются близкие к известным в древностях киевского типа. У них слегка суженное горло и высокое пологое плечо (рис. 1, 7). Такие корчаги известны в Абидне, Казаровичах, Обухове III и на деснинских селищах III—V вв.²⁶ Второму горизонту принадлежат корчаги другого вида — биконические с налепным валиком под венчиком. Еще одно отличие заключается в том, что в ранних жилищах всегда присутствуют тюльпановидные горшки (рис. 2, 11, 15, 21), подобные известным по колочинским древностям; в поздних жилищах они встречаются намного реже.

Среди биконических горшков, связанных с обоими комплексами, выделяются варианты, один из которых представляют сосуды с выраженным уступом на месте изгиба тулова. В нижней их части стенки более толстые и слегка выпуклые, в верхней — прямые (рис. 2, 14, 19, 23). По пропорциям и профилировке тулова они напоминают миски черняховских древностей. Горшки этого варианта найдены только в ранних жилищах. С первым комплексом связываются и биконические горшки с оттянутым валиком на ребре (рис. 2, 24), сосуды «корчакской» формы — с наибольшим расширением в верхней части и коротким, почти вертикальным венчиком. Отдельные формы ранней посуды находят соответствия в древностях позднеаримской поры. Это касается прежде всего лепных кубков на кольцевом поддоне (рис. 2, 6) и приземистых сосудов с загнутым внутрь краем, близких германским *Kümpf* (рис. 1, 4). Для второго керамического комплекса характерно в основном устойчивое сочетание разных вариантов биконических и округлобоких сосудов (рис. 1, 8—12, 14—18). Он включает отдельные обломки гончарной «пастырской» посуды. Первый комплекс также содержит гончарную керамику (рис. 2, 16, 18), но иного, черняховского, типа (менее 0,5%).

Своеобразие раннего горизонта поселения Хитцы определяется сочетанием «северных» и черняховских черт, при этом первые присущи не только керамике, но и жилищам этого горизонта, которые почти не отличаются от исследованных в Подесенье²⁷.

Аналогами первого и второго горизонтов селища Хитцы могут служить многие комплексы Среднего Поднепровья и Южного Побужья. Первый горизонт близок некоторым южнобужским памятникам, датируемым П. И. Хавлюком серединой I тысячелетия н. э. Это селища Голики, Кисляк, Куня, Тростянец, Шуровцы, на которых встречены «землянки без печей со следами открытых очагов на полу», с центральным столбом и без него, и керамика, в которой отмечены «северные» элементы²⁸.

В керамике отдельных памятников правобережья среднего Днепра также прослеживаются эти черты. Так, на селищах Молочарня и Луг I найдены обломки горшков, обычных для «северных» комплексов середины I тысячелетия н. э., — тюльпановидных и баночных. Для колочин-

Рис. 1. Поселение Хитцы

А — жилища II и III, планы и разрезы; **Б** — находки из жилищ II и III: 1—7 — лепная керамика из жилища II, 8—12, 14—18 — лепная керамика из жилища III, 13 — бронзовый браслет из жилища III

ских древностей характерен и цилиндроконический сосуд, встреченный на селище Луг I²⁹. Еще один такой сосуд (рис. 2, 2) происходит из могильника 3 у с. Большая Андрусовка³⁰, датирующегося по В-образной пряжке не VI—VII вв., как полагал Д. Т. Березовец, а V в. и, вероятно, началом VI в.³¹ Пеньковскую атрибуцию этого памятника, установленную Д. Т. Березовцом, оспаривает В. Н. Даниленко. Он причисляет памятник к колочинским³², но это вряд ли оправданно, поскольку «северные» элементы нельзя считать чем-то исключительным для ранних комплексов пеньковского типа.

Второй горизонт поселения Хитцы представляет собой дальнейшее развитие первого. Он типичен для пеньковской культуры позднего этапа ее развития. По характеру керамики сюда должны быть отнесены Деревка, Домонтово, Крещатик, Вильховчик, Задонецкое, Волошское — Сурская Забора, Кочуров III, Семенки, Скибинцы, Париевка, Ханска II, Селиште, Хуча, Реча и др.³³ Датировка этой группы концом VI—началом VIII в. устанавливается по находкам на поселениях вещей круга «древностей антов» — фибул различных типов, браслетов, подвесок, деталей поясного набора и пр., а также гончарной керамики пастырского типа.

Хронология «древностей антов», известных также покладам и случайным находкам, в свою очередь может быть определена по южнокрымским могильникам Сууксу и Чуфуткале, в которых найдены фибулы днепровского происхождения. В Сууксу они происходят из погребений «нижнего слоя», отнесенных В. К. Пудовиным к концу VI—первой половине VII в.³⁴ Более поздним временем датирует «древности антов» А. К. Амброс³⁵, хотя и он опирается на те же комплексы Сууксу. А. К. Амброс полагает, что они принадлежат середине и второй половине VII в. н. э., но при этом обходит случаи совместных находок днепровских фибул с вещами, твердо датируемыми концом VI—началом VII в. (погребение 28 с орлиноголовой пряжкой варианта II, по А. К. Амбросу)³⁶. По-видимому, можно говорить о более широких временных пределах «древностей антов», охватывающих и конец VI—первую половину VII в., как считал В. К. Пудовин. Концом VII—началом VIII в. определяют А. К. Амброс, М. И. Артамонов, Г. Ф. Корзухина³⁷ время большинства лесостепных кладов. Наиболее вероятной причиной их закрытия была экспансия хазар, ставших после разгрома ими болгар основной военной и политической силой в Северном Причерноморье. С хазарским вторжением в Среднее Поднепровье, видимо, и следует связывать исчезновение пеньковской культуры в ее основном ареале.

На раннем этапе пеньковской культуры «древностей антов» нет. Следовательно, этот этап предшествовал их появлению, о чем свидетельствуют и находки в отдельных комплексах гончарной керамики черняховского типа, а также некоторых датирующих вещей — двучленной арбалетной фибулы IV—V вв. из Куни³⁸, пряжки V в. из Большой Андрусовки (рис. 2, 4), костяной ложечки аланского происхождения из Жовнина, датируемой Л. М. Рутковской IV—V вв.³⁹ Таким образом, нижняя граница раннего этапа может быть определена временем не позднее первой половины V в. н. э.

Появление «древностей антов» было обусловлено влиянием этнически неоднородной среды Северного Причерноморья и Подунавья. Нельзя исключить и проникновение в Среднее Поднепровье отдельных групп южного населения, с которым связаны верхний слой Пастырского городища и отдельные погребения по обряду ингумации. Южный компонент, однако, не был изначальным и не определял характера пеньковской культуры, и это не согласуется с мнением М. И. Артамонова о принадлежности ее кочевникам⁴⁰. Более правомерно говорить о связи пеньковской культуры с антами, локализация которых письменными источниками совпадает с ее ареалом⁴¹. Это были несомненно славянские, а не ираноязычные племена, как полагает И. П. Русанова⁴², ибо источники, как справедливо писал И. И. Ляпушкин⁴³, подчеркивают близость и единство

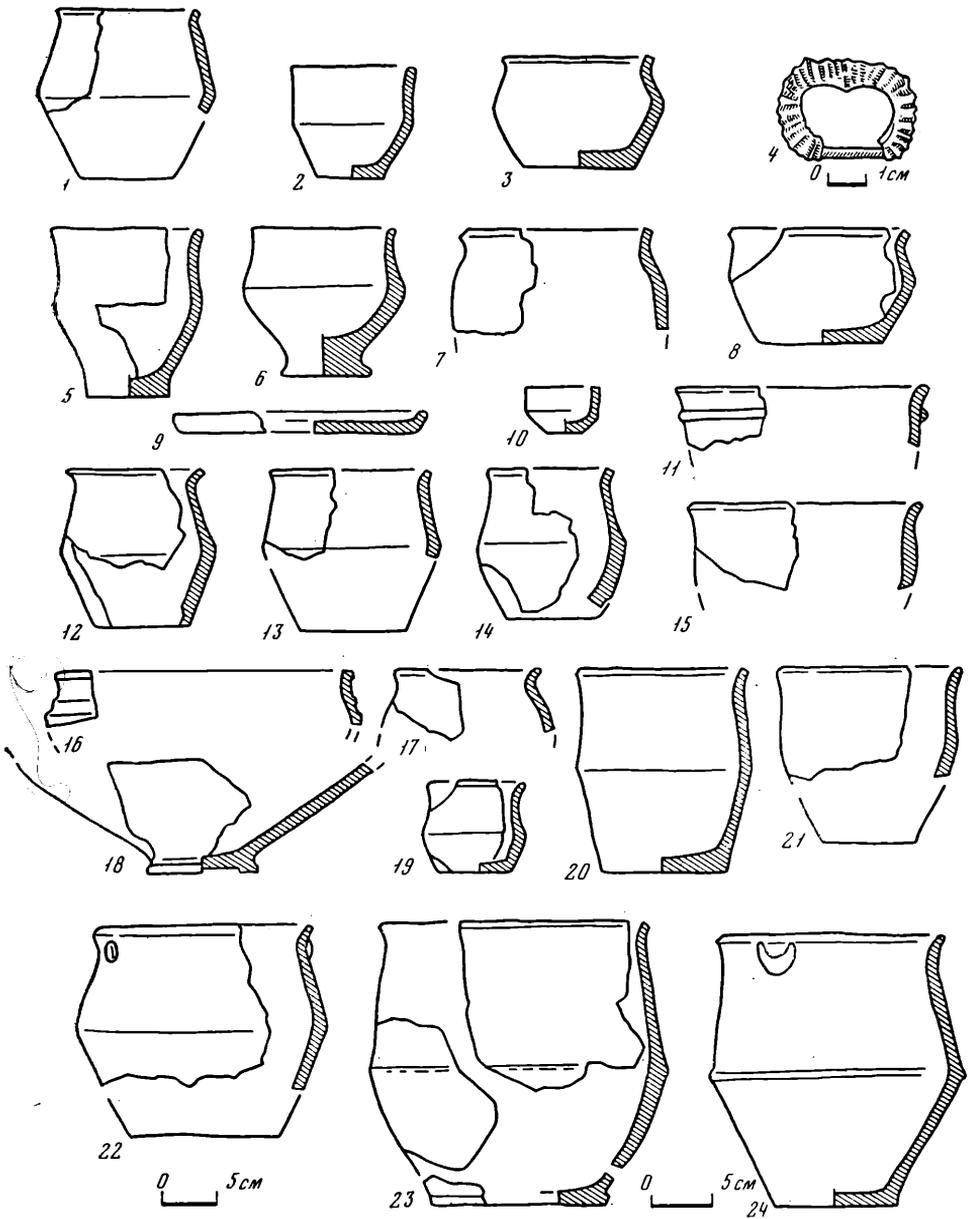

Рис. 2. Раннепеченьковская керамика

1—4 — из могильника 3 у с. Большая Андрусовка; 5—24 — из поселения Хитцы: 5—15 — из жилища VIII, 16—22 — из жилища IX, 23 — из слоя, 24 — из ямы 92

антов с другими группами славян — склавинами и венедами. По Прокопию «некогда даже имя у славян (склавинов. — *Е. Г., М. К.*) и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли спорами»⁴⁴.

Происхождение печеньковской культуры во многом остается неясным. Согласно П. Н. Третьякову распространение ее в Среднем Поднепровье относится к послегуннскому времени и связано с продвижением сюда племен из южной части Верхнего Поднепровья⁴⁵. В пользу этого, по П. Н. Третьякову, свидетельствуют общие черты печеньковской и колочинской культур. Печеньковские древности, по его мнению, отличаются лишь «южные» элементы, появляющиеся под влиянием степного Юга. В действительности различия между этими культурами более существенны, чем полагал П. Н. Третьяков. Кроме того, если по происхождению печень-

ковская культура связана только с «севером», то чем объяснить присутствие в керамике отдельных ее комплексов форм, близких черняховским? Может быть, тем, что истоки пеньковской культуры, как полагают, в частности, В. В. Седов⁴⁶ и И. П. Русанова⁴⁷, находятся в черняховских древностях? Против этого, однако, свидетельствуют резкие различия между этими культурами, которых не могут сгладить некоторые соответствия в лепной керамике и домостроительстве.

Местная подоснова пеньковской культуры все же более вероятна. Но связана она не с черняховскими древностями, а по-видимому, с «киевскими» или родственными им, на основе которых складывается и культура колочинского типа. В этом убеждает не только наличие в ранних комплексах пеньковской культуры «северных» элементов, но и открытие в лесостепной полосе и степном пограничье Поднепровья поселений II—III вв., аналогичных известным для того же времени на Киевщине и в Подесенье. К ним относятся Вовки на р. Грунь, притоке Псла⁴⁸, Чернечина⁴⁹, Осиповка на р. Орель⁵⁰, Пасишна и другие в поречье Трубежа⁵¹. На некоторых из них найдены отдельные обломки черняховской гончарной посуды, что позволяет предполагать отсутствие временного разрыва между этими древностями и пеньковской культурой. Предложенная гипотеза нуждается в проверке, тем более что рассматриваемые древности открыты в самые последние годы и пока остаются неизученными. Окончательное решение вопроса о происхождении пеньковской культуры, как и некоторых других, связанных с ее изучением, возможно лишь на основе дальнейшего накопления и систематизации материала.

¹ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. н. э. М., 1976, с. 85—112.

² Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Степовки на р. Тясмине. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 32—39.

³ Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'і (II—XIII ст.). Київ, 1975, с. 71—103.

⁴ Березовец Д. Т. Поселения улочей на р. Тясмине. — МИА, 1963, 108, с. 145—208. Там же, с. 187—208.

⁶ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА, 1968, 152, с. 38—40.

⁷ Приходнюк О. М., Казанський М. М. Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясміні. — Археологія, 1978, 27.

⁸ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, 163, с. 65—67.

⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966, с. 244—247.

¹⁰ Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. э.). Київ, 1975, с. 43—48.

¹¹ Рафалович И. А. Материальная культура славян в VI—IX вв. — В кн.: Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии (II—XIV вв. н. э.). Кишинев, 1971, с. 62—102.

¹² Петров В. П. Степовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. — МИА, 1963, 108, с. 209—233.

¹³ Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии..., с. 26—28.

¹⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 7; Горюнов Е. А. Некоторые вопросы истории днепровского лесостепного левобережья в V—начале VIII в. — СА, 1973, № 4, с. 111.

¹⁵ Горюнов Е. А. Некоторые вопросы..., с. 105—112; Он же. К истории днепровского левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 15 сл.; Он же. Памятники пеньковского типа в левобережном Поднепровье. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы конференции). Киев, 1975, ч. III, с. 60, 61.

¹⁶ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 184—193.

¹⁷ Рафалович И. А., Лапушняк В. Л. Работы Реутской археологической экспедиции. — АИМ 1972 г. Кишинев, 1974, с. 129—134; Рафалович И. А. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска. — КСИА, 1968, 113, с. 94.

¹⁸ Телегин Д. Я. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. — КСИА АН УССР, 1962, 12, с. 16, 17.

¹⁹ Покровська Г. Ф., Петренко В. Г., Ковпаненко Г. Т. Поселення VIII—VI ст. до н. е. поблизу с. Хрещатик на Канівщині. — Археологія, 1971, 2, с. 108.

²⁰ Березовец Д. Т. Поселения улочей..., с. 150—154, 158, 167.

- 21 *Бодяньский О. В.* Загальний звіт за археологічні дослідження в Надпоріжжі за 1952 р. Архив ИА АН УССР, 1922/22, ф. 1639.
- 22 *Русанова И. П.* Славянские древности. . . , с. 96—100.
- 23 *Березанская С. С.* Отчет о работе в окрестностях с. Домонтово в 1958 г. Архив ИА АН УССР, 1958/1д.
- 24 *Березовец Д. Т.* Поселения улицей. . . , с. 163—165, 167—169.
- 25 *Даниленко В. И.* Раннеславянские памятники на Днепровских порогах. Архив ИА АН УССР, 1953/4а, ф. эксп. № 2102.
- 26 *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 14, рис. 3, 1, 10; с. 16, 17, рис. 4, 7, 8; 5, 1; *Абашина Н. С., Горозовский Б. А.* Керамика пізньозарубинецького поселення Обухів III. — Археологія, 1975, 18, с. 64, 65, рис. 3, 4; 4, 9, 10; *Горюнов Б. О.* Про періодизацію деснянських старожитностей другої та третьої чверті I тисячоліття н. е. — Там же, с. 45.
- 27 *Трегьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 55—68.
- 28 *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 181.
- 29 *Березовец Д. Т.* Поселения улицей. . . , с. 116, рис. 9, 6.
- 30 *Березовец Д. Т.* Могильники улицей в долине р. Тясмину. — В кн.: Слов'яно-руські старожитності Київ, 1969, с. 70, рис. 3—5.
- 31 *Godlowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970, pl. XIII, 22.
- 32 *Даниленко В. Н.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу. — Археологія, 1976, 19, с. 91.
- 33 *Приходнюк О. М., Беллева С. А., Мезенцев В. Ю., Орлов Р. С.* Работы Поросской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 357, 358; *Рафалович И. А.* Славянское селіще Хуча VI—VII вв. — КСИА, 1965, 105, с. 123—128; *Он же.* Раннеславянское поселение VI—VII вв. у с. Реча в Молдавии. — В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 181—185; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 183, 188—196; *Он же.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, 1963, 108, с. 321—342; *Шрамко Б. А.* Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли. — АДУ 1969 р. Київ, 1972, IV, с. 125, 126.
- 34 *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Сууксу. — СА, 1961, № 1, с. 184, 185.
- 35 *Амброс А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 120—122.
- 36 *Амброс А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.). — КСИА, 1968, 113, с. 14. Точно така же пряжка найдена в погребении 77 Сууксу с дупластинчатыми фибулами второй половины VI в. н. э., полиэдрическими серьгами с инкрустациями и монетой 597—602 гг. н. э. См.: *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов. — ИАК, 1906, 19, с. 23.
- 37 *Амброс А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии. . . , с. 122; *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — Доклады ГО СССР, 1970, 15, с. 25, 26; *Кораутина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. — СА, 1955, XXII, с. 72.
- 38 *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 181, 182.
- 39 *Рутковская Л. М.* Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області. — АДУ 1969 р. Київ, IV, 1972, с. 224—229.
- 40 *Артамонов М. И.* Этническая принадлежность и исторического значение на пастырская культура. — Археология, 1969, XI, 3, с. 3—8.
- 41 *Седов В. В.* Анты. — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 164—173.
- 42 *Русанова И. П.* Славянские древности. . . , с. 111, 112.
- 43 *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы. . . , с. 10, 11.
- 44 *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. Перев. С. П. Кондратьева. М., 1950, с. 297.
- 45 *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне. . . , с. 265.
- 46 *Седов В. В.* Анты, с. 172, 173.
- 47 *Русанова И. П.* Славянские древности. . . , с. 103—111.
- 48 *Горюнов Е. А., Казанский М. М., Пескова А. А., Усова Г. А.* Исследования на Полтавщине. — АО 1975 г. М., 1976, с. 319.
- 49 *Юренко С. П., Сухобоков О. В.* Раскопки многослойного поселения в Днепропетровской обл. — АО 1974 г. М., 1975, с. 376, 377.
- 50 *Телегин Д. Я., Беллева С. О.* Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі. — Археологія, 1975, 18, с. 96—101.
- 51 *Савчук А. П.* Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж. — МИА, 1969, 160, с. 82—87.

ВОЛХОВСКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ И ПОСЕЛЕНИЯ КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Особое место среди важнейших водных артерий Восточной Европы в конце I тысячелетия н. э. занимал Волхов. Упомянутый в Повести временных лет при описании пути «из варяг в греки», Волхов постоянно рассматривался исследователями именно в связи с этим путем, начавшим складываться в IX в. и достигшим наибольшего развития в X—XII вв.¹

Как показывает топография кладов куфических монет периода массового поступления серебра из стран Халифата (IX в.—70-е годы X в.), основной маршрут второго крупнейшего торгового пути средневековья, пересекавшего Восточную Европу, — балтийско-волжского, также шел по Волхову, а не по рекам юго-восточного Приладожья (по Сяси с переходом на Мологу) или по Свири—Вытегре—Шексне, как предполагали многие исследователи². На участке от верхней Волги к Ладожскому озеру, где балтийско-волжский путь проходил по рекам, впадавшим в Ильмень (Пола и Мста), по озеру Ильмень и по Волхову, именно Волхов играл особую роль. Так, из восьми кладов конца VIII—IX в., известных в Ильменском бассейне, на Волхове найдено пять, а из 12 кладов X в. — шесть³. Таким образом, волховская водная артерия была освоена в последние десятилетия VIII в., когда началось становление торговых связей между странами Балтийского региона и Арабским Востоком, а в X в. по Волхову пролегали уже маршруты двух крупнейших путей Восточной Европы — балтийско-волжского и «из варяг в греки». По выходе из Балтики они совпадали и расходились лишь в оз. Ильмень.

Сведения об археологических памятниках по течению Волхова были значительно пополнены и уточнены во время раскопок и разведок, проведенных С. Н. Орловым и В. П. Петренко в последние годы, а также наших исследований 1972—1977 гг. Анализ этих сведений в совокупности позволяет выявить отличительные черты размещения населения вдоль интенсивно использовавшейся водной магистрали.

Можно уверенно говорить, что по Волхову население концентрировалось на двух участках реки — в низовьях и верховьях (рис. 1). Скопление археологических памятников в нижнем течении Волхова в свою очередь распадается на две группы. Более значительная из них расположена в окрестностях Старой Ладogi, и ее центром было древнее ладожское поселение. Памятники второй группы зафиксированы несколько выше по течению — у Гостинопольских (волховских) порогов, и среди них выделяется городище Новые Дубовики.

На левом берегу Волхова при впадении р. Ладожка находился крупный центр Северной Руси — Ладога. Географическое положение Ладоги на значительной водной артерии, ведущей в глубь материка, предопределило ее важную роль в качестве торгово-транзитного поселения: с VIII в. — на балтийско-волжском пути, а позднее, с X в., — на пути «из варяг в греки». Ладога была международным торжищем на северной окраине славянского мира, этапным пунктом, где готовились к отправке торговые караваны — с одной стороны, по морю, с другой — в глубь материка, по крупным и мелким рекам Восточной Европы, через волоки и пороги. С. М. Середонин вполне справедливо отметил, что для варягов Нева представлялась «устьем, рукавом Ладожского озера — озера Нево, которое своей обширностью производило впечатление моря больше, чем Финский залив. Очевидно, что только войдя в устье Волхова, варяги поняли, что они давно оставили море»⁴. Расположение Ладоги на Волхове, в 12 км от Ладожского озера, явно не вяжется

с мнением тех исследователей, которые полагали, что путь на Восток шел по Свири или Сяси. В то же время такое положение древнего центра вполне естественно, если допустить, что балтийско-волжский торговый путь шел по Волхову⁵.

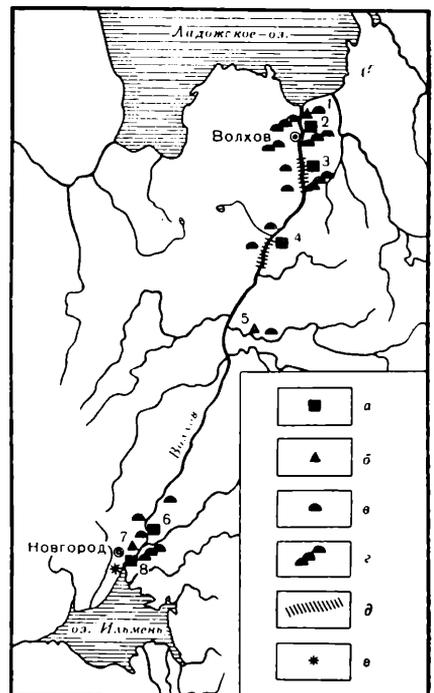
Новейшие исследования советских археологов обнаружили широкие внешние связи Ладоги уже в начальный период ее истории — в VIII—IX вв. О многоэтничном составе ее населения говорит разнообразие типов погребальных памятников в ее окрестностях: грунтовой могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря; около 50 сопок, образующих несколько групп; полусферические курганы в урочище Победище; топографически обособленный скандинавский могильник в урочище Плакун⁶. Значение, которое придавали Ладоге как центру в начале пути в глубь материка, подчеркивается и тем, что в ней обнаружены остатки пока единственной на территории Руси каменной оборонительной стены конца IX—X в.⁷ В 2 км вниз по течению от Ладоги, у д. Любша, на правом берегу Волхова, при впадении ручья находился небольшой укрепленный пункт, который, по всей видимости, осуществлял функции сторожевого форпоста на подходе к Ладоге⁸. Во время раскопок Г. С. Лебедева и В. П. Петренко на городище и примыкающем к нему селище зафиксированы слои рубежа I—II тысячелетий. Еще одно селище исследовано В. П. Петренко поблизости от сопок у д. Горчаковщина, несколько ниже по течению Волхова от городища Любша⁹.

Второе скопление погребальных памятников в низовьях Волхова расположено в 9 км вверх по течению от Ладоги, перед опасными Гостинопольскими порогами. В него входят сопки у деревень Михаил-Архангел (Октябрьское) — 2, Горка — 1, Новые и Старые Дубовики — 7 и 2¹⁰. Рядом с группами сопок у деревень Новые и Старые Дубовики находилось значительное укрепленное поселение. К мысовой части поселка, защищенной с напольной стороны земляным валом и рвом, примыкала обширная неукрепленная часть, тянувшаяся широкой (200 м) полосой вдоль Волхова не менее чем на 300 м. Раскопки, проведенные на окраинной части поселения в 1952 г. Г. П. Гроздиловым, а в 1972 г. — нами, показали, что здесь сохранились слои IX и X вв., а в центре поселка, возможно, и более раннего времени¹¹. Следовательно, поселение Новые Дубовики в течение продолжительного времени существовало одновременно с Ладогой.

Обращает на себя внимание и тот факт, что укрепленное поселение и скопление сопок находятся непосредственно у начала Гостинопольских порогов — одного из опаснейших участков водного пути. Достаточно сказать, что приблизительно $\frac{2}{3}$ общего падения Волхова на всем его протяжении от оз. Ильмень до Ладожского озера (около 9 из 15 м) приходится на участок этих волховских порогов менее

Рис. 1. Археологические памятники по р. Волхов

а — укрепленное поселение; б — неукрепленное поселение; в — погребальные памятники; г — скопление погребальных памятников; д — пороги; е — славянское языческое святилище Перынь; 1 — Горчаковщина; 2 — Любша; 3 — Новые Дубовики; 4 — Городище; 5 — Серебряницы; 6 — Холопий Гордок; 7 — Мыза Сметанина; 8 — Новгородское (Рюриково) городище

9 км, где река стремительно мчится между отвесными берегами высотой до 30 м¹². Преодоление порогов с древности и вплоть до их затопления при строительстве Волховской ГЭС представляло значительные трудности. Здесь перегружали товары на плоскодонные суда, привлекали специальных лоцманов. Условия и правила перехода через пороги подробно охарактеризованы в латинской редакции договора 1270 г. Новгорода с Ганзейским союзом городов¹³. Любопытное описание порогов оставил нам известный русский художник и археолог Н. К. Рерих, предпринявший в начале XX в. специальное путешествие по северному отрезку пути «из варяг в греки»¹⁴.

Возникновение в конце I тысячелетия н. э. укрепленного поселка у порогов не случайно. Он был местом последней остановки перед трудным рубежом, местом перегрузки товаров и подготовки судов к переходу, контрольным пунктом на водной магистрали. Вероятно, значительная часть населения поселка была занята на проводке судов через пороги.

Весьма показательно, что и позднее, в XII—XIII вв., именно у наиболее сложных участков водного пути находились обслуживавшие и контролировавшие его поселения. В уже упоминавшемся договоре 1270 г. Новгорода с Ганзой отмечается пристань Гостинополье (Gestevelt), располагавшаяся в 1 км вверх по течению от порогов и служившая местом остановки судов и уплаты пошлины¹⁵. Вполне естественно было предположить, что и в более ранний период с этой стороны порогов также находилось поселение. К сожалению, во время предпринятых поисков отчетливых следов поселения конца I тысячелетия н. э. мы не обнаружили. К тому же, здесь нет погребальных памятников (поблизости известна лишь одна сопка у д. Вындин Остров)¹⁶.

Далее на протяжении 30 км от Гостинопольских порогов вверх по течению Волхова никаких археологических памятников нет. Они зафиксированы лишь в районе Пчевских порогов. Эти пороги тянутся на 9 км, но имеют почти в 10 раз меньшее падение, чем Гостинопольские. Тем не менее, их преодоление представляло также значительные трудности, главным образом из-за узости фарватера и кривизны поворотов. Для проводки судов здесь, как и в Гостинополье, требовалась помощь местного населения, в том числе лоцманов¹⁷. И действительно, перед Пчевскими порогами, на правом берегу реки у д. Городище, также располагалось укрепленное поселение¹⁸. Почти напротив него, на левом берегу Волхова, находились три сопки у д. Подсопье¹⁹, а одна насыпь — несколько выше по течению, у д. Оснички²⁰. В отчете о разведке 1929 г. Н. Н. Чернягин отмечал, что южнее городища «существовали прежде курганные насыпи, теперь исчезнувшие»²¹. Укрепленное поселение у д. Городище, следовательно, также служило одним из этапных перевалочных пунктов на волховской магистрали перед очередным сложным участком водного пути.

Подобный же характер имели древние поселения IX—X вв. и в верховьях Волхова, в районе Новгорода. Во всяком случае и здесь их расположение было непосредственно связано с особенностями волховской магистрали. В 14 км вниз по течению от оз. Ильмень Волхов раздваивался. К Ильменю можно было плыть и по Волхову и по его рукаву Волховцу. Именно здесь находилось поселение Холопий Городок. По местоположению это холм с крутыми склонами, возвышающийся среди низменной волховской поймы. Во время паводков он обычно превращался в остров, окруженный водой и заболоченными пространствами. Такое расположение поселка делало его естественно защищенным.

В договоре 1270 г. Новгорода с Ганзейским союзом городов пристань Drelleborch (буквально Холопий Городок) упомянута как место последней остановки на Волхове перед Новгородом²². Во время исследований, проведенных М. М. Аксеновым и С. Н. Орловым, а также нами, на поселении были обнаружены слои с лепной и раннегончарной кера-

микой, относящиеся к IX—X вв.²³ Еще В. С. Передольский в 1893 г., оценивая расположение Холопьяго Городка, отметил, что «холм этого городка насыпан для сторожевого поселения, наблюдавшего за плаванием по Жилотугу» (т. е. Волховцу. — *Е. Н.*)²⁴. Таким образом, В. С. Передольский указал на главную топографическую особенность поселения, на его размещение в пункте, контролировавшем движение судов при раздвоении водной артерии.

С другого конца раздвоения волховского водного пути, при истоке Волховца из Волхова, находится известное Новгородское (Рюриково) городище. Поселение располагалось на всхолмлении, которое вместе с окружавшей его низменной территорией представляло собой остров, ограниченный Волховом с запада, Волховцом с юга и востока и Жилотугом с севера. Систематизация всей совокупности данных о стратиграфии Рюрикова городища на основе результатов наших раскопок 1975 и 1977 гг., изучение характера лепной и гончарной керамики из его слоев, стеклянных и каменных бус, роговых односторонних гребней, а также отдельных находок показали, что нижние слои памятника на раскопанных участках датируются последними десятилетиями IX в. Возможно, на поселении имелись и более ранние слои²⁵. По топографическому положению Рюриково городище явно сближалось с поселением Холопий Городок и так же, как и последнее, служило своеобразным замочком на ключевом месте Волховской магистрали. Между Рюриковым городищем и Холопьем Городком известны группы сопок у деревень Вологово, Ушерска, Родионово, Хутын²⁶.

Таким образом, прослеживается определенная топографическая взаимосвязь поселений, имевших укрепления или находившихся на естественно защищенных местах, с наиболее сложными участками Волховской водной магистрали. Поблизости от этих поселений обычно сооружались погребальные памятники и располагались неукрепленные поселки. В среднем течении Волхова его берега были по существу не заселены. Весьма симптоматично, что единственное известное здесь неукрепленное поселение и примыкавшая к нему сопка находились не на самом Волхове, а в стороне от него — на р. Пчевжа у д. Серебряницы²⁷.

Клады восточного серебра концентрируются на Волхове там же, где было население, и образуют два скопления — одно в низовьях реки близ Ладоги (четыре клада), другое — в ее верхнем течении (семь кладов)²⁸. Нам кажется, что все эти особенности в размещении на Волхове населения и укрепленных поселков обусловлены тем, что Волхов с конца VIII в. стал оживленной торгово-военной дорогой.

Средневековая торговля зачастую граничила с грабежом. Купец-воин не расставался с мечом не только для того, чтобы защитить себя и свои товары, но и для того, чтобы при случае самому силой захватить новую добычу²⁹. Жители небольших лесных поселков не ждали добра даже от незначительных отрядов вооруженных купцов, и поэтому сельское население, конечно, старалось избегать оживленных торговых магистралей. В районах, через которые проходили торговые пути, возникали прежде всего укрепленные поселения. Они служили защитой для населения близлежащей округи, а также опорными и контрольными пунктами на водных дорогах. Обычно именно такие поселения становились центрами ремесла и торговли, в них сосредоточивалась местная власть и социальная верхушка общества, и именно такие поселения развивались в сторону превращения в города.

Все изложенное выше теснейшим образом связано с проблемой происхождения важнейшего центра Северной Руси — Новгорода, возникшего, в отличие от Ладоги, контролировавшей начало водного пути в глубь континента, у истоков Волхова, где сходились широкие водные системы рек Ильменского бассейна. В данной статье мы не имеем возможности коснуться проблемы происхождения Новгорода во всем ее объеме, но считаем необходимым отметить следующее.

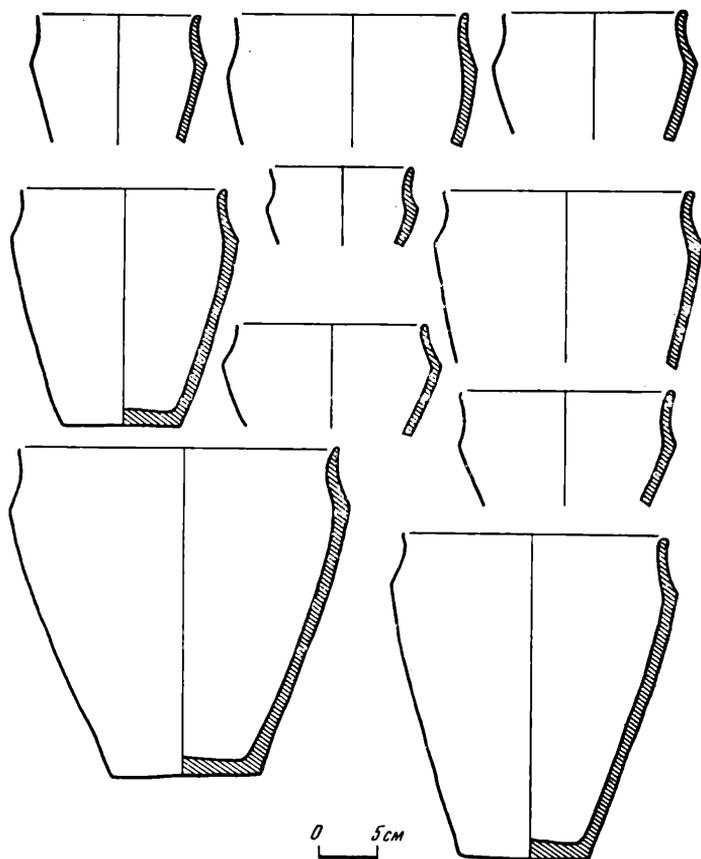

Рис. 2. Новгородское (Рюриково) городище. Лепная керамика «ладожского типа»

В одном из новгородских летописных сводов основание Новгорода отнесено к 859 г.³⁰ Однако слои IX в. в Новгороде пока не обнаружены, если не считать участка культурного слоя на Ярославовом дворище, где, как свидетельствует А. В. Арциховский, была найдена лепная керамика того времени³¹. На отсутствие достоверных слоев IX в. указывает и В. Л. Янин, который отмечает, что «на протяжении последних лет раскопки были проведены на 14 участках, расположенных как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов), и только на трех из них были обнаружены древнейшие прослойки X в. На остальных, часть которых находится даже в центральных районах, жизнь началась не ранее XI, XII, XIII, а порой и в XIV в.»³² Остается пока открытым и вопрос о соотношении Новгородского (Рюрикова) городища и Новгорода.

Материальная культура поволховских поселений VIII—X вв. включает различные предметы, которые свидетельствуют о широких международных связях населения данного района. Это куфические монеты, сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, изделия из янтаря, грецкие орехи, фризские гребни, различные вещи скандинавского происхождения и др. Лепная керамика этих поселений — наиболее массовый бытовой инвентарь — достаточно единообразна. Преобладают горшки, отличительной чертой которых является четко выраженное плечико, часто — ребро при переходе от горловины к тулову. Отдельные сосуды, различаясь в некоторых элементах, сохраняют указанный общий объединяющий принцип. Такая керамика в литературе обычно характеризуется как керамика «ладожского типа».

Вопрос об облике лепной посуды Новгородского (Рюрикова) городища оставался долгое время недостаточно ясным. Если А. А. Спицын считал, что лепная керамика, собранная здесь в 1910 г. Н. Е. Макаренко

и Н. К. Рерихом, подобна посуде, найденной Н. И. Репниковым в Старой Ладогe³³, то А. В. Арциховский полагал, что лепная посуда из нижних слоев представлена баночными формами и ничего общего с ладожской керамикой не имеет³⁴. Во время наших раскопок на Рюриковом городище в 1975 и 1977 гг. была собрана значительная коллекция лепной посуды, которая аналогична керамике из Ладogi (рис. 2). Публикация лепной посуды из нижних горизонтов Новгорода³⁵ показала, что и здесь основную часть керамического комплекса составляют горшки, близкие сосудам Рюрикова городища, Ладogi, Новых Дубовиков и Холлопьево Городка. Этот факт позволяет предположить, что если отдельные поселки VIII—IX вв. будут открыты на территории Новгорода, то по материальной культуре они будут аналогичны рассмотренным поселениям Поволховья.

В поволховских поселках обитало население, оставившее сопки. Об этом говорят расположение сопки рядом с поселениями, синхронность этих обеих групп древностей, а также то, что лепная керамика волховских поселений, включая ладожскую и новгородскую, близка керамике сельских поселений Приильменья³⁶. В VIII—X вв. население Поволховья составляли главным образом славяне при наличии и иных этнических групп. Особенно заметен неславянский элемент среди древних обитателей Ладogi.

- ¹ Среди новейших работ по данному вопросу см.: *Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки. — Вестник ЛГУ, 1975, № 20, с. 37—43; *Седов В. В.* Путь из «варяг в греки». — VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Л.; М., 1976, ч. I, с. 134—136.
- ² Подробный анализ проблемы, а также рассмотрение историографии вопроса см.: *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. — ВИД, 1976, VIII, с. 95—110.
- ³ Там же, с. 101, карта. На опубликованной карте не отмечен клад, обнаруженный в 1901 г. при раскопках на Новгородском (Рюриковом) городище М. И. Полянский (*Полянский М. И.* Новгородская памятка для туристов. Новгород, 1908, с. 6). Приведенная топография волховских кладов не согласуется с утверждением Г. С. Лебедева, что на Волхове монетные клады IX—X вв. редки (*Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки, с. 40).
- ⁴ *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916, с. 225.
- ⁵ *Носов Е. Н.* Нумизматические данные..., с. 109, 110.
- ⁶ Библиографию о ладожском поселении и погребальных памятниках см.: *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли. — ВИД, 1974, VI, с. 238, 239.
- ⁷ *Кирпичников А. Н.* Работы в ладожской крепости — АО 1974 г. М., 1975, с. 18.
- ⁸ Впервые городище было обследовано З. Ходаковским во время его путешествия по Волхову в 1820—1821 гг. (Историческая система Ходаковского. — РИС, 1838, т. I, кн. 3, с. 10; Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуга-Ходаковского. — РИС, 1844, т. VII, с. 9, 104).
- ⁹ Об исследованиях поселений Любша и Горчаковщина см.: *Лебедев Г. С., Назаренко В. А., Петренко В. П., Кольчатов В. А., Плоткин К. М.* Разведки в южном Приладожье. — АО 1970 г. М., 1971, с. 5; *Петренко В. П., Крапивина Г. А., Тербихин Н. М., Лебедев Г. С.* Работы в Ленинградской обл. — АО 1972 г. М., 1973, с. 35, 36.
- ¹⁰ *Носов Е. Н.* Поселение у волховских порогов. — КСИА, 1976, 146, с. 80, 81, примеч. 21, 22.
- ¹¹ Там же, с. 76—80.
- ¹² *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863, т. I, с. 534, 535; *Рихтер Д.* Волхов. — В кн.: Энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон, 1892, т. 13, с. 111.
- ¹³ *Krug P.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. SPb., 1848, II, S. 629, 630; *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, с. 152, 153; *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 144, 145; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. — Известия АН СССР, VII сер., отдел. обществ. наук, 1931, № 2, с. 225.
- ¹⁴ По пути из варяг в греки. — В кн.: Н. К. Рерих. Книга первая. М., 1914, с. 50, 51. См. также: *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перев. Л. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 20, 21; *Озерецковский Н.* Обзорение мест от Санктпетербурга до Старой Русы и на обратном пути. СПб., 1808, с. 95, 96 и др.
- ¹⁵ *Krug P.* Forschungen..., S. 631, 632; *Бережков М.* О торговле..., с. 153; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки, с. 225.

- ¹⁶ *Седов В. В.* Новгородские сопки. М., 1970, с. 44, № 324.
- ¹⁷ *Krig P.* Forschungen..., S. 630; *Семенов П.* Географическо-статистический словарь... СПб., 1872, IV, с. 256.
- ¹⁸ *Самохвасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873, с. 110.
- ¹⁹ *Озерецковский Н.* Обзорение мест..., с. 95. В современных каталогах сопок в данном пункте учитываются лишь две насыпи (*Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 44, № 323).
- ²⁰ Там же, с. 44, № 322.
- ²¹ *Чернягин Н. Н.* Отчет по маршрутной рекогносцировке по р. Волхову в 1929 г. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 128, 129, л. 26—28.
- ²² *Krig P.* Forschungen..., S. 632; *Бережков М.* О торговле..., с. 153; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки, с. 226.
- ²³ *Аксенов М. М.* Древнеславянские поселения Новгородской обл. Архив Новгородского музея, д. № 11894, с. 6, 7; *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — Новгородский исторический сборник, 1961, 10, с. 167, 168.
- ²⁴ *Перебольский В. С.* Бытовые остатки насельников ильменско-волховского побережья и земель Великоновгородского державства каменного века. СПб., 1893, с. 161; *Он же.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 78.
- ²⁵ *Носов Е. Н.* Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 10—14.
- ²⁶ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 43, 44, № 315—318.
- ²⁷ Картотека Управления культуры при Новгородском облисполкоме.
- ²⁸ *Носов Е. Н.* Нумизматические данные..., с. 99—102, 105.
- ²⁹ *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Л., 1924, т. 1, с. 65—71; *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры древней Руси. М.; Л., 1948, т. I, с. 366; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956, т. I, с. 93—96.
- ³⁰ ПСРЛ, 1862, т. IX, с. 8.
- ³¹ *Арциховский А. В.* Раскопки в Новгороде. — КСИА, 1950, XXXIII, с. 8, 9; *Он же.* Археологическое изучение Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 42.
- ³² *Янин В. Л.* Очерки комплексного источникововедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 216.
- ³³ Протоколы заседаний за 1911 г. — ЗОРСА, 1913, т. IX, с. 355.
- ³⁴ *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода, с. 42.
- ³⁵ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, 146, с. 3—10.
- ³⁶ *Носов Е. Н.* Поселения Приильменя..., с. 14—24.

И. К. ЛАБУТИНА

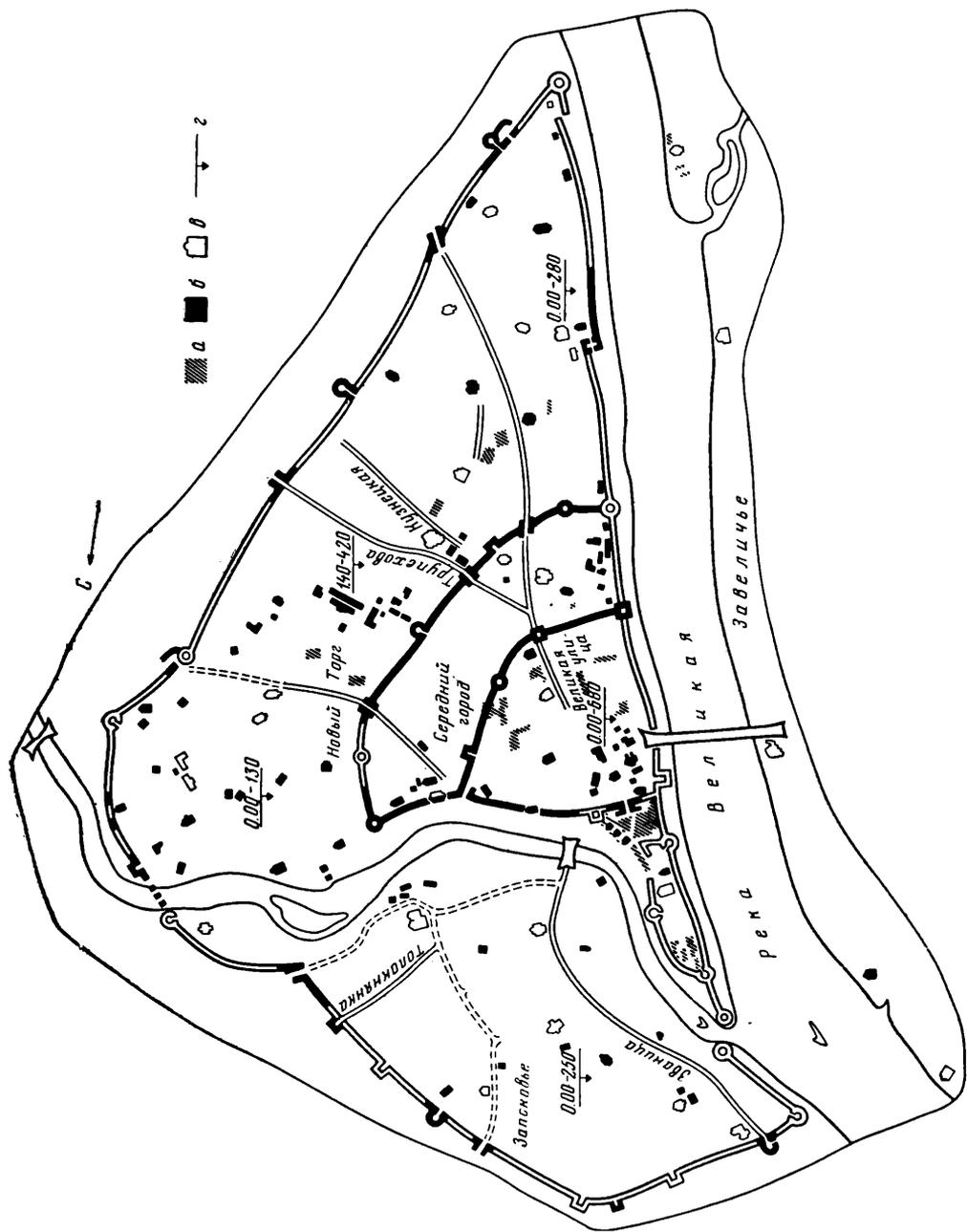
ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПСКОВА

Культурный слой средневекового Пскова в границах крепостной стены Окольного города и прибрежной части Завеличья отражает историю города от середины I тысячелетия н. э., когда возникло поселение на месте Крома, до наших дней (рис.).

Первые «экспедиции» в культурный слой Пскова относились еще к периоду средневековья, на что в литературе уже обращали внимание¹.

В XIX в. предпринимались специальные наблюдения за культурным слоем Пскова и делались попытки объяснить его происхождение. Наиболее близким к современному пониманию культурного слоя было у Е. А. Болховитинова. Он отмечал остатки средневековой застройки в слое Пскова: «По открываемым мостовым, по большей части деревянным, видно, что древние улицы были тесны, кривы, пересечены многими переулками и неровны»².

Среди псковских краеведов во второй половине XIX—начале XX в. бытовало мнение о существовании обширного болота (или внутреннего озера) на большом пространстве к югу от Довмонтовой стены до церкви Николая на Усохе³. В качестве аргументов упоминали о мощном «насыпном» слое, особенно по Великолудской (Советской) ул., и об остатках болота (озера) в виде пруда, показанного на плане 1740 г. против

Культурный слой Пскова (составитель В. П. Прищепа по материалам Н. С. Рахманиной и И. К. Лабутинной)
 а — раскопки; б — сооружения, находящиеся под землей; в — сооружения над уровнем земли; г — толщина культурного слоя

Пушечного двора. Однако культурный слой, исследованный на ул. Советской, образовывался в течение многих столетий не за счет подсыпок, а путем накопления строительных остатков и других отходов человеческой деятельности. Кроме того, в основании культурного слоя болотные отложения и следы какой-либо болотной растительности не обнаружены. Есть основания считать, что активный отток грунтовых вод из-за уклона рельефа к Великой, с одной стороны, и к Пскове — с другой, не способствовал образованию обширных внутренних водоемов.

Пруд, отмеченный на плане 1740 г. возле Пушечного двора и привлекавший внимание краеведов XIX в. как возможный остаток обширного болота⁴, был искусственным: он вырыт пленными турками, как отмечено в экспликации к одному из планов XVIII в.⁵ Представление о существовании насыпного слоя на месте воображаемого болота, таким образом, устарело.

Наблюдения за культурным слоем в дореволюционный период не были систематическими и целенаправленными.

Специальные археологические работы проводились лишь однажды — в 1912 г. — в ходе строительства электростанции у Мстиславской башни⁶. Мощность слоя (более 5 м), деревянные сооружения, довольно ранние находки (шиферное пряслице) разрешили надеяться на перспективность археологического изучения этой части города.

Хотя накопленные сведения не позволяли судить сколько-нибудь полно о распространении, мощности, содержании и датировке культурного слоя Пскова, они способствовали сложению общего представления об обширности этого археологического памятника и наличии в его составе интересных в научном отношении объектов. Для передовых исследователей Пскова в начале XX в. была очевидна необходимость археологических раскопок для решения спорных вопросов истории города⁷.

Раскопки с научными целями начались в Пскове в советское время. В 30-е годы они носили разведочный характер. Они подготовили широкое археологическое изучение северной части территории Крома в 40-е и затем в 60—70-е годы. С середины 50-х годов в Пскове начала работы экспедиция Эрмитажа. Почти четверть века она посвятила раскопкам в пределах стены 1309 г., Довмонтова города и Крома. В результате такая территория, как Довмонтов город, стала самой археологически изученной в Пскове. Органы охраны памятников организовали охранные раскопки, которыми руководили псковские, ленинградские, московские археологи. Регулярное проведение таких раскопок, начавшееся в 1967 г., позволило изучить культурный слой на различных участках памятника.

Всего к концу 1976 г. археологическими раскопками в Пскове изучено 17 600 кв. м территории (около 17 200 кв. м — в Окольном городе и около 430 кв. м — в прибрежной части Завеличья). К концу 1977 г. площадь изученной территории превысила 1,85 га. По отношению к площади средневекового Пскова в пределах Окольного города это несколько менее 1%. Изученность отдельных частей города очень неравномерна: около 1 га раскопанной территории приходится на Кром и Довмонтов город, 4690 кв. м — на древнейшую часть Среднего города; гораздо меньше исследованы более молодые участки псковского посада в границах Среднего города и на Полонице, не говоря уже о Запсковье и Завеличье. Несмотря на недостаточную изученность памятника, именно благодаря раскопкам, активизировавшимся в послевоенное время, получены важнейшие и достоверные данные не только о мощности культурного слоя, но и о его содержании.

Дополнительные сведения о характере культурного слоя дали археологические наблюдения за земляными работами, производившиеся археологами по собственной инициативе или заданиям различных организаций и нашедшие отражение в публикациях и рукописных материалах⁸.

Культурный слой Окольного города имеет различную мощность, причем значительные колебания отмечаются иногда на близлежащих участках. Мощность культурного слоя в разных частях охраняемой терри-

тории такова: Кром — 1,0—2,8 м (в северной части; насыпь бастиона до 7,5—7,8 м); 0,75—10 м (в южной части); Довмонтов город — 0,7—9,5 м, преимущественно — 2,0—3,5 м; в границах стены 1309 г. (севернее ул. Профсоюзной и Октябрьской площади) — 6,8 м, преимущественно от 2,6 до 5 м, при наибольшей мощности к западу и юго-западу от кинотеатра «Октябрь», у моста Советской Армии, а также у северного крыла и центральной части здания Педагогического института (6,0—6,7 м) и на углу улиц Советской и Профсоюзной (около 5,5 м); в границах Среднего города, между стенами 1309 и 1375 гг. (до улиц Красных Партизан, Пушкина, территории детского парка) — 1,0—6,4 м; в Окольном городе на Полонице (между Великой и Псковой в пределах внешней крепостной стены) — 5,6 м; в Запсковье — 2,5 м; в Завеличье (прибрежная часть) — 3,0 м.

Колебания в толщине культурного слоя на близких участках вызваны перепадами микрорельефа и наличием в составе первоначальной территории Пскова повышенных участков, ныне сравнявшихся с окружающей местностью.

Культурный слой в пределах Среднего и Окольного города существенно отличается от культурного слоя Крома и Довмонтова города, где условия рельефа и особенности застройки XIII—XVII вв. своеобразно отразились в стратиграфии⁹.

Вне пределов Крома и Довмонтова города в границах Окольной стены в слое четко различаются две части: 1 — отложения позднего времени (вторая половина XVII—XX в.), местами весьма значительные (2 м), что объясняется строительством и разрушением поздних каменных зданий с последующей нивелировкой поверхности; 2 — отложения средневекового периода (X—XVII вв.)¹⁰. В культурном слое встречаются фундаменты средневековых каменных построек, углубленных иногда до уровня материка. К наиболее интересным из них относятся остатки фундамента стены 1309 г. в виде валунов, сложенных в два ряда насухо (ширина 3,5 м, протяженность открытого участка 18 м; раскопки 1976 г.), и остатки построек воеводского двора XVII—XVIII вв. (раскопки 1973—1974 гг.).

Деревянные сооружения (остатки жилых и хозяйственных построек, уличные и дворовые замощения, водоотводы, частоколы) многочисленны. Сохранность их различна и зависит от микрорельефа и режима грунтовых вод на каждом конкретном участке. Наилучшее состояние археологической древесины отмечалось в раскопах на ул. Советской (1954—1956, 1958—1960 гг.), на территории Нового Торга (1955 г.), несколько хуже — в раскопах у Педагогического института (1968—1970, 1973—1974 гг.) и на ул. Ленина (1976 г.), плохое — в раскопах между ул. Советской и р. Великой (1972 и 1973 гг.) и на Полонице.

Уличная планировка на территории посада в пределах стены 1309 г. стабилизируется с XI в., сохраняя устойчивость в течение всего средневековья. В раскопах открыты улицы и проулки шириной от 1,8 до 3,5 м, с замощением в несколько ярусов. Некоторые из них служили радиальными магистралями, связывавшими центр города — Кром, Торг — с окраинами посада, как, например, предполагаемая Великая улица, девять ярусов которой прослежено в раскопах 1955, 1958—1960 гг. Перепланировки, судя по раскопаным участкам, были очень редкими и выражались преимущественно в смещении некоторых построек внутри дворов и — еще реже — в небольших переменах междворовых границ.

Материк в Пскове представлен девонскими (известняк) или перекрывающими их послеледниковыми отложениями (песок, песок и глина). При раскопках в границах стены 1309 г. прослежена закономерность: на территориях к западу от ул. Советской, между ней и р. Великой, культурный слой всюду залегал на известняковой скале, в редких случаях перекрытой тонкой (до 0,1 м) прослойкой песка, в то время как в раскопах, располагавшихся восточнее, культурный слой подстилался песком (иногда — глиной, суглинком). В некоторых случаях

слой песка был невелик, как, например, в раскопе 1954 г., где он составлял 0,3—0,4 м и где под ним была скала. В раскопах у Педагогического института и на ул. Ленина мощность песчаного слоя была большей, и скальный грунт, за редким исключением, при контрольных прокопках не прослеживался.

Раскопками 1974 г. у Педагогического института и 1976 г. на ул. Ленина открыты остатки курганного некрополя Пскова¹¹. Курганные насыпи были сильно повреждены или уничтожены позднейшей застройкой, поэтому среди 16 обнаруженных погребений оказались нарушенные и переотложенные. Обряд захоронения был различен. Преобладали трупосождения (на стороне и на месте). В трех случаях в качестве урн использованы лепной и раннегончарные сосуды. Среди погребений по обряду трупоположения два сохранились лучше других: останки погребенных покоились в ямах, обложенных деревом. Остатки курганных погребений датируются X—началом XI в.

Вещевые находки из культурного слоя Пскова исчисляются многими тысячами. Основными местами их хранения являются Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник и Эрмитаж. В Псковском музее на 1 марта 1977 г. насчитывалось около 42 100 единиц хранения, происходящих из раскопок в Пскове, в том числе около 26 900 — из раскопок в Среднем и Окольном городе. Среди вещевых находок — три берестяные грамоты XII в., одна из которых найдена в Довмонтовом городе (1962 г.), а две другие — на раскопах 1958 и 1970 гг. в пределах стены 1309 г. Свидетельствами распространения грамотности среди городского населения служат также буквенные пометки на бытовых вещах, писала, граффити на фресках и штукатурке. Из важнейших археологических дополнений к данным письменных источников о Пскове упоминает о свинцовых вислых печатях, среди которых особое место занимает находка более 500 печатей XIII—XVI вв. в Довмонтовом городе.

В разных частях города и отложениях разного времени найдены замечательные произведения прикладного искусства. Раскопками в Довмонтовом городе при исследовании памятников архитектуры XIV—XV вв. открыта живопись средневековых псковских мастеров, украшавшая стены храмов Николая на Гребле, Покрова.

Хронологические границы культурного слоя Пскова в пределах Окольного города определяются, с одной стороны, временем образования древнего поселения на месте детинца, с другой — нашим временем, хотя собственно археологический интерес ограничивается XVII в. Раскопки показали, что заселенность участков, изученных археологически, была непрерывной. Следовательно, дата нижнего слоя может рассматриваться как время освоения территории. Для детинца это (условно) середина I тысячелетия н. э., для Довмонтова города — X в.¹², для территории в пределах стены 1309 г. — X—XI вв.¹³ Для других участков датировка пока ориентировочна в связи с их слабой изученностью: между стенами 1309—1375 гг. — рубеж XI—XII вв.¹⁴, на Полонище — XIII, XIII—XIV вв.¹⁵, в Запсковье — XIII—XIV вв. Для Завеличья достаточных археологических данных нет.

На основании результатов многолетних раскопок и датировки нижней части слоя раскопов предварительная схема роста территории средневекового Пскова представляется следующей.

Местом первоначального поселения, ставшего центром зарождения города, была территория детинца. Активный рост посада Пскова начался в X в. Направление его роста определялось рядом факторов, в том числе расположением первоначального поселения и магистралей, ведущих к нему; наличием одного или нескольких некрополей.

Как показывают раскопки, западная часть территории к югу от детинца, прилегающая к Великой, заселялась раньше и интенсивнее, чем центральная часть междуречья Великой и Псковы. В пределах стены 1309 г. она была заселена, вероятно, к рубежу X—XI вв. (раскопы 1954,

1972 г.). Юго-восточнее детинца, между позднейшими церквями Михаила Архангела и Петра и Павла, заселение началось во второй половине XI в. В предшествующий период здесь располагалось курганное кладбище (раскопы 1973—1974 и 1976 гг.).

Заселение междуречья Псковы и Великой за границами стены 1309 г. — в Среднем городе и на Полонище — происходило позднее. В Среднем городе оно началось, возможно, в конце XI—XII в. (раскоп 1973 г.). Что касается Полонища, то его центральная и восточная части были заселены не ранее XIII—XIV вв. (раскопы 1947, 1967 гг.); западная же часть, прилегающая в Великой улице и р. Великой, могла быть заселена несколько раньше, хотя предположение это пока не может быть подкреплено достаточным материалом. Однако можно ожидать подобного решения с накоплением материала, так как преимущественное направление роста посада вдоль р. Великой было традиционным с X в.

Вместе с ростом посада изменялось функциональное использование ряда территорий. Детинец и Довмонтов город освободились от жилой застройки и в XIV—XV вв. были центрами государственной и церковной жизни Пскова. Территория курганного некрополя во второй половине XI в. подверглась застройке. Большая часть изученных участков посада с начала освоения до периода позднего средневековья была занята жилой застройкой с сохранением традиционной планировки.

Возможности культурного слоя Пскова как исторического источника далеки от исчерпания. Требуют продолжения археологических раскопок многие нерешенные проблемы истории одного из крупнейших древнерусских городов. Среди них такие, как детализация датировки и топографии первоначального поселения, развитие территории средневекового Пскова, его хозяйство, быт, культура.

¹ Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М., 1972, с. 6.

² Евгений, митрополит Киевский. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова. Киев, 1831, ч. 1-2, с. 22, 23.

³ Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. — ЗРАО, 1898, т. X, в. 1-2, с. 218; Ушаков Ф. Псковский Городец и Мирожь как места первых псковских поселений. СПб., 1902, с. 5, 6, 9, 10; Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913, с. 130.

⁴ Окулич-Казарин Н. Ф. Новые данные по топографии и истории Пскова. — Труды ПАО, 1915, 11, вклейка, между объектами под № 95—97.

⁵ Дело о сносе во Пскове от артиллерийского цейхгауза обывательского деревянного строения, тут же и о дворе майора Назимова (1740—1748). Артиллерийский исторический музей, ф. Крепостной, оп. 8, № 932 (по копии, хранящейся в Псковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, инв. № 219 — старый).

⁶ Крейтон В. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г. — Труды ПАО, 1913, 9, с. 4, 28—34, чертежи.

⁷ Серебрянский Н. И. К вопросу о времени возникновения Пскова (историко-библиографические заметки). Псков, 1907.

⁸ См., например, ПИМК, 1933, № 9-10, Хроника, с. 77—79; Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. — АСГЭ, 1962, 4, с. 10; Он же. К вопросу о топографии древнего Пскова. — АСГЭ, 1964, 6, с. 139. Дневник наблюдений за земляными работами (конец 50-х—начало 60-х годов) — в личном архиве автора; результаты наблюдений последних лет сосредоточиваются в производственной группе по охране памятников Управления культуры Псковского облисполкома.

⁹ Белецкий В. Д. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города в Пскове. — АСГЭ, 1970, 12, с. 77, рис. 6.

¹⁰ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова, с. 15, рис. 4; с. 19, рис. 8; с. 30, рис. 19.

¹¹ Лабугина И. К. Раскопки в Пскове. — АО 1974 г. М., 1975, с. 33; Лабугина И. К., Кильдюшевский В. И., Шапова Ю. Л. Раскопки в Пскове на ул. Ленина. — АО 1976 г. М., 1977, с. 24.

¹² Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова, с. 144, 145; Белецкий В. Д. Топография Довмонтова города. — Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа, ноябрь 1967 г. Л., 1967, с. 22; Он же. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа. — СГЭ, 1968, XXIX, с. 7.

¹³ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова, с. 28, 53, 54, 57; Лабугина И. К. Раскопки в Пскове. — АО 1972 г. М., 1973, с. 21; Она же. Раскопки в Пскове. — АО 1974 г. М., 1975, с. 22; Лабугина И. К., Кильдюшевский В. И., Шапова Ю. Л. Раскопки в Пскове на ул. Ленина, с. 23, 24.

¹⁴ Царькова Л. А. Отчет об охранных раскопках 1973 г. в Пскове на Советской улице. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5243, 5243а, б.

¹⁵ Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова (1945—1947). — КСИИМК, 1949, XXVII; Голунова И. К. Отчет о раскопках в Пскове в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3580, 3580а, б; Овсянников О. В., Царькова Л. А. Раскопки в Окольном городе древнего Пскова. — АО 1974 г. М., 1975, с. 30.

З. М. СЕРГЕЕВА

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ С ПРИБАЛТИКОЙ (по находкам звериноголовых браслетов)

В западнорусских землях, от верховьев Великой до Припяти и от Понеманья до верховьев Днепра, на памятниках X—XIII вв. неоднократно встречались разнообразные вещевые находки, имеющие многочисленные аналогии и прототипы в древностях Прибалтики. Изучение этого материала является важнейшей задачей при исследовании культурных и экономических связей древней Руси с Прибалтикой в домонгольский период.

Наша статья посвящена анализу одной категории прибалтийских находок на территории Западной Руси — звериноголовым браслетам. Всего в рассматриваемом регионе их учтено 96. Звериноголовые браслеты изготовлены из пластин разного сечения; концы оформлены в виде стилизованных голов животных; поверхность часто орнаментирована.

В Прибалтике такие браслеты появляются в конце X—начале XI в. и бытуют до XIII в. Ранние экземпляры происходят из западнолитовских могильников, отличаются массивностью и реалистичным изображением звериных головок на концах¹.

В XI—XII вв. звериноголовые браслеты распространяются по всей юго-восточной Прибалтике. В это время они сделаны из более легких пластин различного сечения, концы несколько заужены, звериные головки на концах оформлены очень схематично². Особенно часто встречаются такие браслеты в западной Литве (около 500) и восточной Латвии (более 300)³.

Звериноголовые браслеты обнаружены также почти на всей территории Западной Руси (рис. 1). Наибольшее их скопление отмечено в верховьях Великой, в междуречье Западной Двины и Березины, в верховьях Птичи, где часто на один памятник приходится по две-три находки, а иногда и больше — до семи. Значительно меньше браслетов найдено по Днепру и его левым притокам. Здесь по две-три находки встречено всего в шести пунктах, а в остальных — в основном по одному браслету.

На памятниках других древнерусских территорий подобные украшения единичны. Они известны на северо-западе Руси (Залахтове, приладожские курганы), несколько находок происходит из Костромского и Ярославского Поволжья⁴.

В западнорусских землях звериноголовые браслеты найдены на поселениях и в курганах. Примерно 5% от общего числа находок происходит из слоев древнерусских городов — Браслава, Витебска, Волковыска⁵, основная же часть — из курганов XI—XII вв.

Звериноголовые браслеты встречены только в женских погребениях, преимущественно с западной ориентировкой. В 23 из рассмотренных 35 комплексов браслеты найдены с такими типично славянскими украшениями, как браслетообразные и перстнеобразные височные кольца.

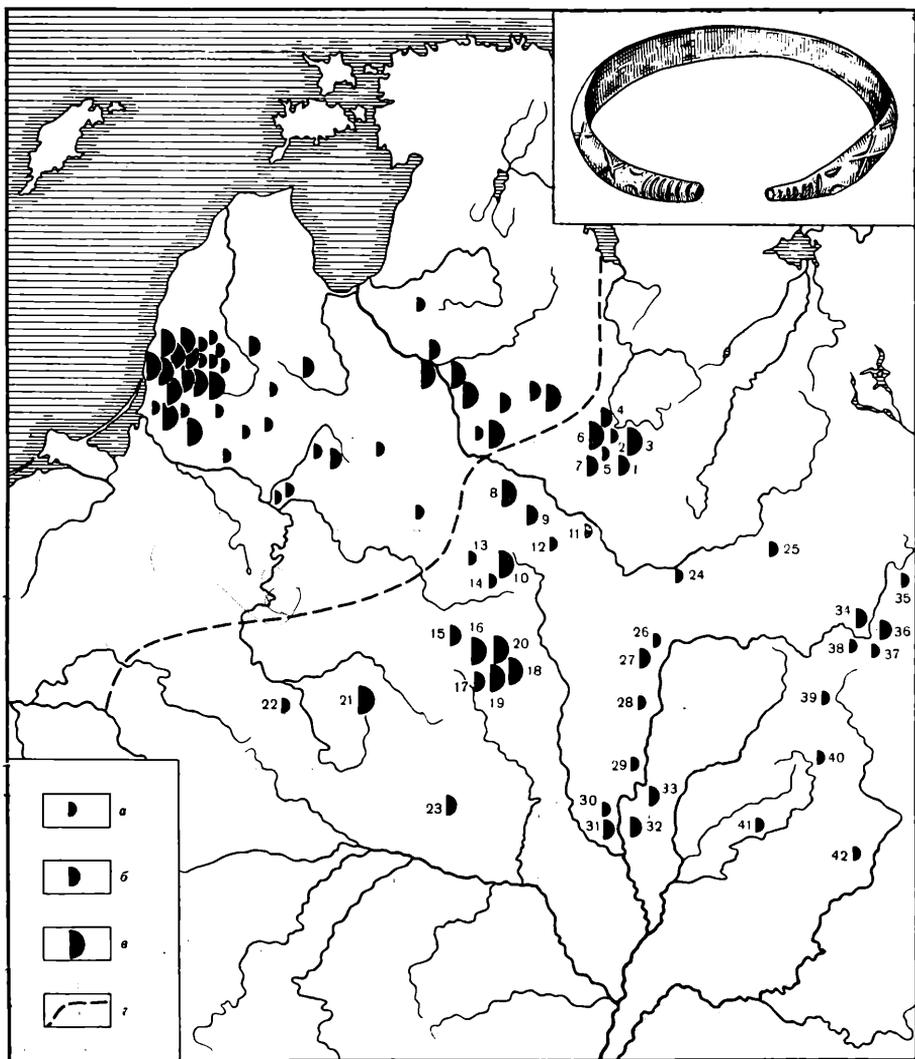

Рис. 1. Распространение звериноголовых браслетов на территории Западной Руси, Литвы (по Л. Вайткусене) и Латвии

а — одна находка; б — две-три находки; в — четыре и более находок; г — приблизительная западная граница древней Руси; 1 — Федотково; 2 — Бычково; 3 — Овсиновка; 4 — Лавицы; 5 — Горбуны; 6 — Остенец; 7 — Шакелево; 8 — Браслав; 9 — Черневичи; 10 — Новоселки; 11 — Плусы; 12 — Кубличи; 13 — Поречь; 14 — Навры; 15 — Янушковичи; 16 — Логойск; 17 — Селище; 18 — Стаховщина; 19 — Видогощ; 20 — Гребень; 21 — Марулино; 22 — Волковыск; 23 — Митяевичи; 24 — Витебск; 25 — Слобода; 26 — Багриново; 27 — Новинки; 28 — Эсмоны; 29 — Проскурня; 30 — Соляное; 31 — Эстермай; 32 — Веточка; 33 — Шапчицы; 34 — Харлапова; 35 — Латвиново; 36 — Волочок; 37 — Березовка; 38 — Бражина; 39 — Волково-Егорье; 40 — Сукромля; 41 — Коваричи; 42 — Лизогубка

В 11 комплексах вместе со звериноголовыми браслетами обнаружены другие находки прибалтийских типов: латгальские головные украшения, шейные гривны с костьювидными концами, витые гривны с петлевыми концами, тордированные гривны с четырехгранными концами, перстни спиральные, трапециевидные подвески. Как видно, $\frac{2}{3}$ находок браслетов встречены со славянским материалом. Комплексы, где браслеты сочетаются с другими прибалтийскими находками, происходят главным образом из западных районов, ближайших к Прибалтике (Видогощ, Гребень, Логойск, Овсиновка, Остенец и др.)⁶, один известен на Друти (Новинки)⁷. В шести из этих комплексов встречены и славянские височные кольца, в том числе дважды — вместе с головными венчиками латгаль-

ского типа (Овсиновка, Остенец). Все это свидетельствует о значительном распространении звериноголовых браслетов у смешанного балтославянского населения западных районов рассматриваемого региона.

Встает вопрос о происхождении западнорусских звериноголовых браслетов. Для его разрешения сравним западнорусские находки с прибалтийскими по ряду признаков, доступных для анализа, — прежде всего по орнаментации и форме сечений. Для сравнения привлечены литовско-латвийские браслеты как наиболее близкие к находкам на западнорусской территории.

Сравнивая типы орнамента и формы сечений 55 западнорусских и 56 прибалтийских браслетов (табл. 1), видим, что для западнорусских

Т а б л и ц а 1

Встречаемость типов орнамента и форм сечений браслетов

Формы сечений	Типы орнамента				Без орнамента	Всего
	штампованный	волнистый	геометрический	смешанный		
З а п а д н о р у с с к и е б р а с л е т ы						
А *	5	1	3		12	21 (38%)
Б	5	6	9		5	25 (45,5%)
В			2		4	6 (11%)
Г					1	1
Д	1					1
Е	1					1
						} (5,5%)
И т о г о	12 (36%)	7 (21%)	14 (43%)		22	55
П р и б а л т и й с к и е б р а с л е т ы						
А	4	1	2		1	8 (14,3%)
Б	3	2	1	1	1	8 (14,3%)
В	2		1			3 (5,5%)
Г	4	2	3			9
Д	12	2	2	1	2	19
Е	4			2		6
Ж	2			1		3 (5,4%)
И т о г о	31 (59,5%)	7 (13,5%)	9 (17%)	5 (9%)	4	56

* А — сегментовидное; Б — треугольное; В — прямоугольное; Г — незаконченное треугольное; Д — незаконченное плосковыпуклое; Е — рельефное; Ж — выпукловогнутое.

находок характерны треугольные и сегментовидные формы сечений (83,5%); очень редки среди них сечения незаконченное треугольное, незаконченное плосковыпуклое и рельефное (5,5%). У прибалтийских браслетов, наоборот, последние формы сечений преобладают (60,5%); браслеты с треугольными и сегментовидными формами сечений здесь встречаются реже (28,6%), чем на западнорусских территориях. На этом основании можно судить о том, что прибалтийские браслеты в своем большинстве изготовлены из более массивных пластин, чем такие же украшения древнерусских памятников. Очевидно, западнорусские браслеты с такими редкими здесь сечениями, как незаконченное треугольное, плосковыпуклое и рельефное, можно считать прибалтийскими.

Анализ орнаментации браслетов (табл. 2) свидетельствует, что некоторые варианты орнамента у западнорусских и прибалтийских браслетов совпадают (1, 5, 7, 11, 13, 14, 15, 16), другие — не совпадают (5а, 16а, 16б, 16в, 16г, 23). Западнорусские браслеты, не совпадающие по орнаментации с прибалтийскими, имеют главным образом треугольное сечение, которое, как было отмечено выше, наиболее характерно для запад-

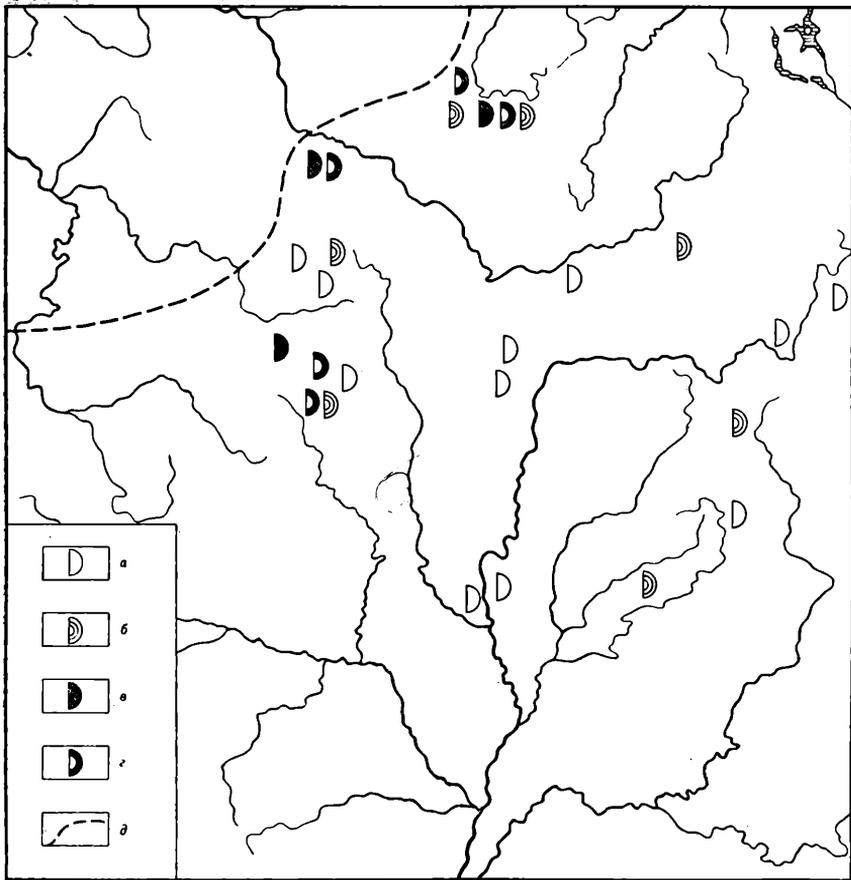

Рис. 2. Распространение звериноголовых браслетов прибалтийского и древнерусского происхождения на западнорусской территории

a — древнерусские браслеты; *б* — предполагаемые древнерусские; *в* — прибалтийские; *г* — предполагаемые прибалтийские; *д* — приблизительная западная граница древней Руси

норусских находок. Это позволяет предполагать, что они изготовлены на месте.

У западнорусских браслетов, орнаменты которых совпадают с прибалтийскими, наблюдается и частичное совпадение сечений. На этом основании их можно относить как к местным, так и к прибалтийским по происхождению. Среди этой группы браслетов часть украшена штампованным орнаментом⁸, который, судя по табл. 1, наиболее часто встречается на прибалтийских украшениях (59,5%). Западнорусские браслеты со штампованным орнаментом найдены в западных районах, ближайших к Прибалтике, и в комплексах с другими прибалтийскими находками (Остенец, Овсиновка, Браслав, Логойск, Видогощ и др.). Все это дает основание предполагать, что они прибалтийского происхождения. Наоборот, западнорусские браслеты с волнистым и геометрическим орнаментом (варианты 15, 16)⁹ по форме сечений редко соответствуют прибалтийским, почему можно допустить их местное изготовление.

В результате получается, что все браслеты из западнорусских памятников, определяемые по орнаментам и формам сечений как прибалтийские, найдены в западных районах, ближайших к Прибалтике (рис. 2).

Браслеты, отнесенные к местным по происхождению, сосредоточены в восточной части западнорусского ареала; в западной они также встречаются, но значительно реже. На долю прибалтийского импорта браслетов рассматриваемого типа приходится 30%; к находкам же местного

Т а б л и ц а 2
Корреляция вариантов орнаментации и форм сечений браслетов

Формы сечений	Типы орна													
	штампованный											волнистый		
	Варианты													
	1	2	3	4	5	5а	6	7	8	9	10	11	12	13
	П р и б а л т и й с к и е													
А *	1	1					1			1	1			
Б		2					1						2	
В		1			1									
Г		2			3		1		1			1	1	
Д	1	4	1					1		1				
Е		1	2	1										1
Ж					2									
Итого	2	11	3	1	6		1	3	1	2	1	2	1	3
	З а п а д н о р у с с к и е													
А	2				2		1						1	1
Б	1					1		3				3	2	
В														
Г					1									
Д														
Е	1													
Итого	4				3	1		4				3		3

* Условные обозначения см. табл. 1.

изготовления относится в два раза больше браслетов — 63%. Место производства остальных браслетов определить не удастся.

По-видимому, прибалтийские звериноголовые браслеты прежде всего оседали среди смешанного балто-славянского населения ближайших к Прибалтике районов западнорусских земель. Распространение импортных браслетов в восточных районах рассматриваемой территории можно связывать с древними торговыми путями по Западной Двине, Днепру и его левым притокам. Судя по топографии находок, они все располагаются вблизи этих рек. Очевидно, усиление контактов в XI—XII вв. с прибалтийскими территориями способствовало проникновению на западнорусские земли как отдельных предметов, так и моды на украшения, которые изготовлялись на месте, но под влиянием прибалтийских образцов. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранение общего облика звериноголовых браслетов западнорусской территории и прибалтийских и повторение отдельных элементов их орнаментации.

¹ Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958, I, N 509—512.

² Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974, lpp. 231; *Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A.* Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, p. 496.

³ Latvijas PSR archeologija, lpp. 231; Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1978, IV, p. 96—98.

⁴ Левашова В. П. Браслеты. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 215, 239.

⁵ Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. — КСИА, 1960, 81, рис. 47; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Минск, 1975, рис. 14, 17. О находке такого браслета в Витебске нам сообщил Г. В. Штыхов.

⁶ Донесение К. П. Тышкевича о раскопках курганов. — ИОЛЕАЭ, Труды антропологического отдела, 1876, т. XX, кн. 2, в. 1, с. 28, 29; Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, с. 131—136; *Спицын А. А.* Отчет о раскопках Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича близ д. Овиновки Витебской губ. — ИАК, 1905, 15, с. 75—77; *Подвигина Н. Л.* Раскопки курганов в Псковской обл. — СА, 1965, № 1, с. 293—296.

⁷ Сергеева З. М. Отчет о работе Витебского отряда в 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5135.

мента																	Всего
геометрический												смешанный					
орнамента																	
15	16	16 а	16 б	16 в	16 г	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	

браслеты

1	1										1					1	7
						1		1	1								7
							1				1						3
1											1						9
							1						1			1	17
													1	1			6
															1		3
2	1					1	1	1	1	1	1		1	1	2	1	52

браслеты

1	1			1													10
	2	1		1	4							1					19
			2														2
																	1
																	1
1	3	1	2	2	4							1					33

⁸ Под условным названием «штампованный тип орнамента» объединен орнамент из мелких треугольников, ромбов, квадратов, кругов, нанесенных чеканкой, и их различные сочетания.

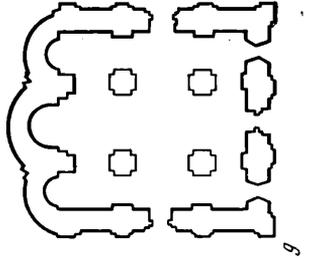
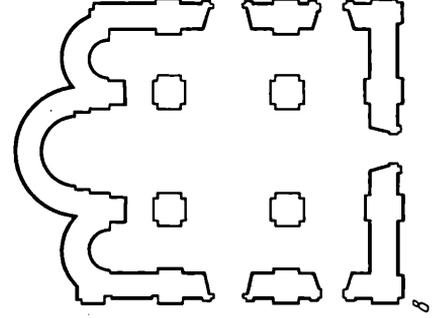
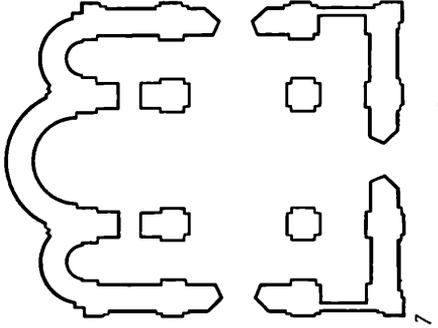
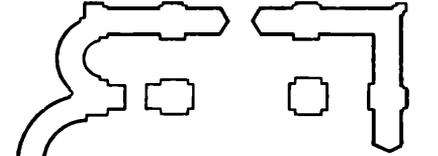
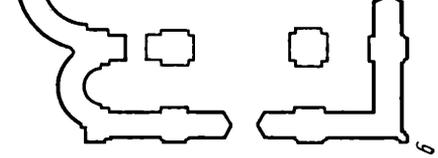
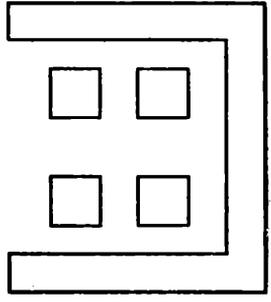
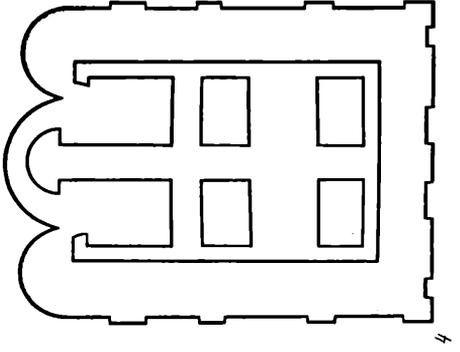
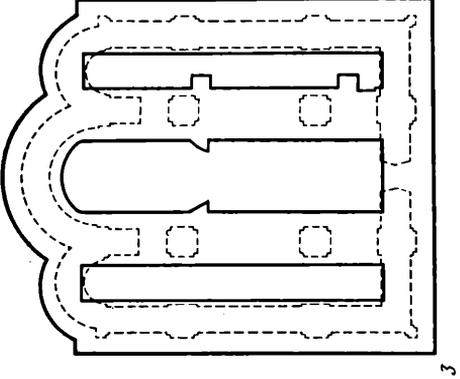
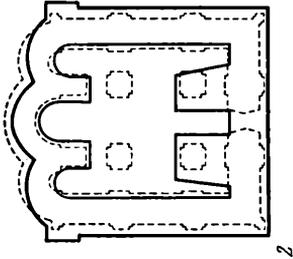
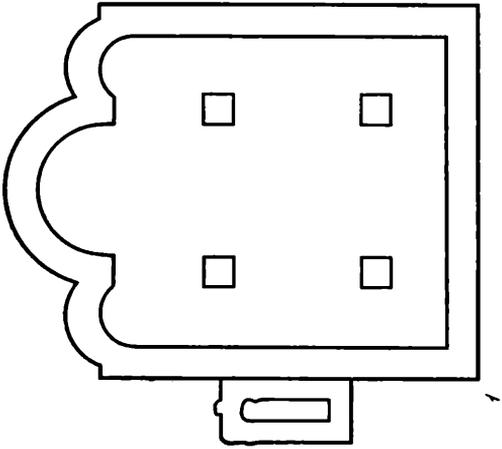
⁹ Волнистый орнамент состоит из двух или нескольких рядов волнистых линий; геометрический — из крупных треугольников, косых крестов, елочки, сделанных способом нарезки или насечки.

О. М. ИОАНИСЯН

О РАННЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГАЛИЦКОГО ЗОДЧЕСТВА

Изучение галицкого зодчества началось еще в 80-е годы XIX в., но картина его развития до сих пор остается невыясненной. На поверхности земли сохранился в перестроенном виде только один памятник — церковь Пантелеймона в с. Шевченково близ Галича. Кроме того, на территории Галицкой земли в разное время было открыто еще 12 построек. Ни одна из них летописно не датирована. Большинство памятников раскопано в 80-е годы XIX в.¹, и кроме довольно схематических планов, воспроизведения (без масштаба) некоторых найденных при раскопках архитектурных деталей² и не очень подробных описаний, мы не располагаем о них более никакими сведениями. Это затрудняет возможность датировать памятники и выделить этапы развития галицкого зодчества.

Еще Н. П. Кондаковым³ и независимо от него М. Грушевским⁴ была выдвинута гипотеза о переходе галицких мастеров к Юрию Долгорукому. Она была развита в работах В. Д. Бережкова, Д. В. Айналова, И. Пеленьского, Я. Пастернака, А. Г. Чивякова, М. К. Каргера и осо-

0 5m

бенно Н. Н. Воронина. Следуя этой гипотезе, попытаемся использовать датированные и лучше сохранившиеся памятники владими́ро-суздальского зодчества времени Юрия Долгорукова, имея в виду возможность выявить среди галицких построек близкие к ним сооружения, выделив таким образом в истории галицкого зодчества его ранний период.

Первая из известных нам галицких построек — церковь Иоанна в Перемышле, открытая в 1958—1964 гг. А. Жаки⁵. В первой четверти XII в. Перемышль был столицей княжества, в состав которого входил и Галич. Здесь князь Володарь построил церковь, в которой, по сведениям «Истории Польской» Яна Длугоша, он и был похоронен в 1126 г.⁶ Местная традиция относилa постройку этой церкви к 1119 г.⁷ Если даже не принимать вторую дату как легендарную, то все равно церковь надо датировать временем до 1126 г.

Церковь Иоанна в Перемышле представляла собой почти квадратную в плане (18×22,5 м) четырехстолпную постройку (рис., 1) с пристроенной к ней с северной стороны небольшой часовней. В юго-восточной части интерьера храма уцелел каменный пол, сложенный из небольших белокаменных плит⁸. Под полом сохранилось квадратное (со стороной 1,4 м) основание юго-восточного столба. Сами столбы были скорее всего крещатой формы. Положение остальных столбов легко реконструируется по ширине центральной апсиды. Сторона подкупольного квадрата при этом оказывается очень большой — 6 м. Пропорции плана отличаются статичностью, а широкий подкупольный квадрат заставляет предполагать и приземистый облик храма.

Плохая сохранность памятника не позволяет судить о характере кладки стен. Однако отдельные камни со следами древнего известкового раствора с примесью песка, использованные в более позднее время, после разборки церкви, в качестве надгробных плит, показывают, что здание было сложено из очень крупных прямоугольных блоков камня.

Судя по находкам майоликовых плиток, в убранстве интерьера, кроме каменного пола, были и участки, выложенные керамическими плитками.

К сожалению, публикации А. Жаки не дают ни чертежей, ни описаний конструкции фундамента. В них не упоминаются и находки резных камней. Можно предполагать, что каменная резьба либо была применена очень скупо, либо вообще отсутствовала в убранстве храма. Во всяком случае, на реконструкции (хотя и довольно условной), предложенной автором раскопок⁹, монолитная гладь стены не прерывается никакими резными деталями. Благодаря этому здание приобретает еще большую суровость и величавость, заставляя вспомнить постройки Владимиро-Суздальской земли времени Юрия Долгорукого и прежде всего Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском.

Белокаменная техника, в которой был построен храм, совершенно не характерна для зодчества Киевской Руси, но зато широко применялась в романской архитектуре Запада. Начиная строительство в своей земле, не имея собственных кадров строительных мастеров и находясь во враждебных отношениях с прочими древнерусскими княжествами, Володарь Ростиславич не мог получить в свое распоряжение артели мастеров из других древнерусских земель и был вынужден прибегнуть к услугам западной, по предположению П. А. Раппопорта польской, артели мастеров¹⁰. Эти мастера впервые принесли на Русь романскую технику строительства из камня, но при этом важно, что в романской технике был выстроен типичный для древнерусской традиции крестовокупольный храм.

Планы древнерусских церквей

1 — церковь Иоанна в Перемышле (по А. Жаки); 2 — церковь в Звенигороде на Белке (по А. А. Ратичу, реконструкция); 3—5 — церкви в Галиче: 3 — церковь Спаса (по И. Пеленьскому, реконструкция), 4 — церковь Кирилла и Мефодия, 5 — церковь на Цвинтарисках (4, 5 — по И. Пеленьскому); 6 — Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском; 7 — церковь Бориса и Глеба в Кидекше; 8 — церковь Георгия во Владимире (6—8 — по Н. Н. Воронину); 9 — церковь Положения риз на Золотых воротах во Владимире (по Н. Фон Берку и А. Гусеву)

В 1971 г. А. А. Ратич в Звенигороде на Белке открыл остатки белокаменного храма¹¹. Постройка сохранилась очень плохо. Были прослежены лишь фундаментные рвы и частично кладка фундамента. Здание представляло собой квадратную (со стороной 10 м без учета апсид) четырехстолпную церковь (рис., 2). Ширина фундамента достигает 2 м. Основания столбов квадратные в плане, со стороной 2 м. Западная пара столбов соединена с западной стеной храма ленточными фундаментами. Фундамент сложен из колотых кусков белого камня и булыжника и пролит известковым раствором с примесью песка и угля. Сторона подкупольного квадрата приближается к 3 м, что при ширине храма 10 м позволяет в нем, так же как и в церкви Иоанна в Перемышле, видеть массивное приземистое здание, хотя и небольших размеров.

Резные камни при раскопках не найдены. Резьба скорее всего и не применялась в отделке этого храма.

А. А. Ратич датировал звенигородскую церковь 40—50-ми годами XII в. Однако мы не можем согласиться с этой датировкой. При князе Владимире Володаревиче столицу перенесли из Перемышля в Звенигород, который был стольным городом до 1144 г., когда столица вновь была перенесена, на этот раз в Галич¹². С переносом столицы в Звенигород из Перемышля должны были перевести и артель княжеских мастеров. Разведка, проведенная нами летом 1977 г., не обнаружила в Звенигороде других следов каменного строительства. Церковь, раскопанная А. А. Ратичем, была единственным каменным храмом в городе. Ее могли построить только в тот период, когда Звенигород был стольным городом, т. е. до 1144 г. После переноса столицы в Галич туда должна была направиться и строительная артель¹³.

Следующая известная нам постройка этой артели — придворный храм Владимира Володаревича — Спасская церковь в Галиче. Она упоминается в рассказе Ипатьевской летописи о смерти князя Владимира под 1152 г.¹⁴ как уже существующее здание.

Одна из церквей, раскопанных в 1882—1883 гг. Л. Лаврецким и И. Шараневичем на холме Карпиця, недалеко от церкви Пантелеймона, была определена ими как церковь Спаса (рис., 3)¹⁵. Церковь также представляла собой квадратную в плане со стороной 17 м (с апсидами ее длина достигает 19,7 м) четырехстолпную постройку. С запада на восток ее пересекают два продольных ленточных фундамента, соединяющих северную и южную пару столбов с западной и восточной стенами. Эта церковь также сохранилась только на уровне фундамента. Фундамент необычайно широк — его ширина достигает 2,5 м. К сожалению, крайне схематический план и полное отсутствие разрезов не позволяют судить о конструкции фундамента. Ширина подкупольного квадрата на уровне ленточных фундамента 3,5 м, но на уровне столбов и стен он был, несомненно, шире.

При раскопках церкви Спаса найдено два резных камня — фрагмент зубчатого городчатого пояса и витая колонка¹⁶. Городчатый пояс более нигде в галицких памятниках не встречается. В то же время он широко применялся для украшения карниза барабана в памятниках владимиро-суздальской архитектуры со времени Юрия Долгорукого, когда городчатый пояс вместе с аркатурным пояскочком был по сути дела единственным декоративным элементом здания.

Витая колонка рассчитана на свободную постановку и не находит себе места в декоративной системе самого здания церкви. Скорее всего она происходит из какого-то связанного с ней сооружения, возможно кивория, который мог быть выстроен и позднее. Аналогичная колонка найдена и на месте руин еще не обнаруженной церкви на Гробиськах¹⁷. Судя по находкам на этом же месте капители, аналогичной капителям церкви Пантелеймона, церковь на Гробиськах относилась к концу XII — началу XIII в.

Утверждая, что открытые руины являются остатками дворцовой церкви князя Владимира, И. Шараневич основывался на том, что с их

места хорошо видно село Болшев, куда, по рассказу Ипатьевской летописи, выехал от Владимира посол Изяслава киевского боярин Петр Бориславич¹⁸. И. Пеленьский, помещавший княжеский дворец на Золотом Току, возражал против этого, указывая, что в Галиче было две церкви Спаса¹⁹.

Дворец и церковь на Золотом Току до сих пор не найдены. Однако отдельные обнаруженные там камни покрыты декоративной резьбой, что, как мы увидим несколько ниже, является особенностью уже следующего этапа развития галицкого зодчества. Церковь же, раскопанная на холме Карпица, — несомненно, произведение артели Володаря Ростиславича и Владимира Володаревича. Поэтому у нас нет оснований сомневаться в атрибуции И. Шараневича, и дворец нужно искать вблизи раскопанной им и Л. Лаврецьким церкви. Резные камни, происходящие с Золотого Тока, относятся скорее всего к городскому дворцу, построенному уже Ярославом Осмомыслом, а церковь Спаса находилась в загородной резиденции его отца — Владимира Володаревича. Подобные загородные княжеские резиденции известны и в других городах древней Руси (Кидекша под Суздаlem, Боголюбovo под Владимиром, Рюриково городище под Новгородом, Смядынь под Смоленском и др.). О вероятности существования загородной княжеской резиденции на возвышенности вдоль р. Ломница, где и находятся раскопанные в 1882—1883 гг. руины, высказывался и М. К. Каргер²⁰.

Возможно, с деятельностью той же артели связаны еще два памятника. Первый из них — это большой храм, раскопанный в 1880-е годы под лесом Дуброва (рис., 4). И. Пеленьский, основываясь на том, что часть леса, близ которой были обнаружены руины, носила название «Кирилловка», атрибутировал их как остатки церкви Кирилла и Мефодия²¹. Церковь Кирилла и Мефодия также сохранилась лишь на уровне фундамента. Ее фундаменты самые широкие из всех известных нам по другим памятникам — 2,64 м. От фундаментов рассмотренных выше построек они отличаются и тем, что в них несмотря на большую ширину намечены еще и наружные пилястры. Другое отличие церкви Кирилла и Мефодия заключается в наличии бемы. Ширина прямоугольных в плане оснований подкупольных столбов 3,3 м. Глубина заложения фундаментов стен 1,1 м, столбов — 2 м²².

Второй памятник — это раскопанная лишь частично церковь на Цвинтарисках, неверно названная И. Шараневичем церковью Анны (рис., 5)²³. Восточная ее часть не раскопана. Имеющиеся в нашем распоряжении данные об этой церкви противоречивы. И. Пеленьский и Я. Пастернак приводят размеры ее раскопанной западной части 16 × 12 м²⁴. Однако на плане, который публикуют оба исследователя, она показана совершенно квадратной (12 × 12 м) с четырьмя квадратными основаниями столбов в центре. На плане И. Шараневича показано и начало северной апсиды²⁵. Вероятно, церковь на Цвинтарисках была четырехстолпной постройкой, аналогичной церквам в Перемышле, Звенигороде и Спаса в Галиче. При ее раскопках найдена каменная консоль простого профиля, близкая консольям аркатурного пояса церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

Недостаточность данных об этих церквах заставляет нас включать их в группу ранних галицких памятников лишь условно.

Таким образом, мы видим, что галицкие памятники раннего этапа представляли собой почти квадратные в плане массивные приземистые здания, возведенные из блоков белого камня на очень широкой платформе фундамента. Они, вероятно, почти не были украшены резьбой, за исключением городчатого пояса и, возможно, судя по находке консоли, аркатурного пояса. Эти черты делают их очень близкими памятникам начального этапа владими́ро-суздальского зодчества, связанного со строительством Юрия Долгорукого. И это совпадение не случайно.

В литературе уже не раз высказывалось мнение, что начиная строительство на северо-востоке Руси, где не было собственных строительных

кадров, Юрий был вынужден обратиться за мастерами к своему родственнику и союзнику Владимиру Володаревичу галицкому²⁶. Доказывая это положение, Н. Н. Воронин приводит в качестве примера полное совпадение планов церкви Спаса в Галиче и Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском: совпадают и габариты зданий, и сторона подкупольного квадрата (ср.: рис., 1 и 6)²⁷. Собор в Переславле-Залесском и церковь в Кидекше, так же как и галицкие памятники, имеют очень широкую платформу фундамента: ее вынос за внешнюю линию стены в Кидекше составляет 0,5 м, а в Переславле-Залесском — 1,0 м. Учитывая, что толщина стены этих памятников 1,5 м, получаем ширину фундамента — соответственно 2 и 2,5 м. В качестве еще одного совпадения можно указать на такую деталь, как зубчатый фриз, — декоративный элемент, который известен нам и в церкви Спаса в Галиче, и в постройках Юрия Долгорукого. В зодчестве северо-востока Руси этот мотив становится излюбленным украшением карниза барабана и доживает до XV в. (собор Андроникова монастыря), но впервые он пришел сюда из Галича. В свою очередь в Галич этот широко распространенный в романском зодчестве декоративный мотив проник, вероятно вместе с артелью мастеров, из Польши (см., например, костел начала XII в. в Прадоцине²⁸).

Когда же произошел переход галицких мастеров к Юрию Долгорукому? В большинстве летописей все построенные Юрием памятники упоминаются под одним — 1152 — годом. Совершенно очевидно, что за один год силами одной артели невозможно было построить четыре здания, причем в разных местах: церковь Георгия в Юрьеве-Польском, Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском, церковь Бориса и Глеба в Кидекше (рис., 7) и церковь Георгия во Владимире (рис., 8). Н. Н. Воронин справедливо указывал на то, что эта запись носит панегирический характер и является списком построек князя из его некролога²⁹. Дата 1152 г. относится скорее всего к Спасскому собору в Переславле-Залесском, поскольку его постройка упоминается вместе с переносом города «от Клещениа» на р. Трубеж³⁰. Церковь Георгия во Владимире Н. Н. Воронин убедительно датировал 1157 г.³¹, а церковь Георгия в Юрьеве-Польском более точно датируется по сообщению Тверской летописи о строительстве нового собора князем Святославом Всеволодовичем. Под 1230 г. в ней сообщается: «Того же лета Святославъ Всеволодович разруши церковь в Юрие, еже бе обетшала, юже был преже създад дед его Юрий Долгорукий; а стояла та церковь 80 лет без лета»³². Таким образом, мы получаем дату церкви Георгия в Юрьеве-Польском, построенной Юрием Долгоруким, — 1151 г. Очевидно, она и была первой в ряду построек Юрия. Считая, что на строительство каменной церкви должно было уйти приблизительно три строительных сезона, получаем и дату начала строительства в Юрьеве-Польском — 1148 г. Вероятно, этим годом и следует датировать переход галицкой строительной артели к Юрию Долгорукому. Кстати, именно под 1148 г. упоминаются в летописи строительные работы Юрия в Суздале, которые, как считает Н. Н. Воронин, сводились к устройству нового пола из белокаменных плит в старом мономаховом соборе³³. Вспомним, что такой же пол из небольших (20×20 см) каменных плит был и в церкви Иоанна в Перемышле. Нигде больше в памятниках домонгольского зодчества подобные полы неизвестны.

Галицкий князь мог отдать свою артель Юрию Долгорукому только в том случае, если он располагал еще одной группой зодчих. Самый близкий по времени к рассмотренным постройкам памятник — Успенский собор в Галиче (около 1157 г.) — свидетельствует уже об иной стилистической линии в галицкой архитектуре. В нем широко применены скульптурная и орнаментальная резьба, профилированные цоколи, карнизы и базы, при его раскопках найдены блоки от круглых колонн.

Отдавая свою артель Юрию Долгорукому, Владимир Володаревич, вероятно, уже имел в своем распоряжении новую артель романских мастеров. Ее деятельность представляет собой следующий этап в развитии галицкого зодчества. Я. Пастернак относил постройку Успенского собора ко времени около 1157 г., связывая ее с учреждением епископии в Галиче при сыне Владимира — Ярославе Осмомысле³⁴. В таком случае промежуток времени между уходом первой артели на северо-восток Руси и строительством Успенского собора мог быть занят строительством какого-то еще не известного нам здания. Может быть, это и был не найденный пока дворцовый комплекс на Золотом Току, откуда происходят отдельные резные камни, очень близкие камням Успенского собора. Возможно и другое — первой постройкой новой артели стал сам Успенский собор, который мог быть выстроен еще до учреждения епископии, но в предвидении этого события. Тогда его постройку нужно относить не ко времени Ярослава Осмомысла, а к периоду до 1152 г. — года смерти Владимира Володаревича.

Деятельность артели, ушедшей во Владимиро-Суздальскую землю, не прекратилась и после смерти Юрия Долгорукого. Н. Н. Воронин указывал на наличие в сохранившихся древних частях построенных уже при Андрее Боголюбском Золотых ворот во Владимире (между 1158 и 1164 гг.) архаичных черт, связанных со строительной традицией Юрия Долгорукого³⁵. На обмерных чертежах, выполненных Н. фон Берком и А. Гусевым в 1799 г. и представляющих, как доказал Н. Н. Воронин, древний памятник в его подлинном виде, до так называемой реставрации³⁶, мы видим план маленького четырехстолпного храма — миниатюрную копию планов церквей времени Юрия Долгорукого (рис., 9).

Золотые ворота были последним памятником этой артели. После их постройки в зодчестве Владимиро-Суздальской Руси начинается новый этап, выразившийся в эффектных репрезентативных постройках Андрея Боголюбского, в которых виден почерк других мастеров. Возникает вопрос, что же стало с артелью Владимира галицкого и Юрия Долгорукого? Если учесть промежуток времени, прошедший с начала 20-х годов, когда была построена церковь Иоанна в Перемышле, до начала 60-х годов XII в., когда была освящена надвратная церковь на Золотых воротах, можно понять, что зодчий, стоявший во главе этой артели, к моменту завершения строительства владимирских укреплений находился в преклонном возрасте (нужно помнить, что в Перемышль из Польши он должен был придти уже сложившимся мастером), а мог уже и умереть. Поэтому обширная строительная программа Андрея Боголюбского была поручена другому зодчему, пришедшему, вероятно, от Фридриха Барбароссы.

Однако рядовые каменщики и каменотесы артели Юрия Долгорукого, очевидно, влились в новую артель. Об этом говорит совпадение знаков княжеских мастеров на камне Золотых ворот и на камне боголюбовского кивория³⁷.

То же самое произошло и в Галиче. Должно быть, часть мастеров осталась здесь после ухода артели к Юрию Долгорукому и продолжала работать в составе новой артели. Об этом говорит совпадение приемов кладки цоколя и лопаток в Успенском соборе в Галиче и Спасском соборе в Переславле-Залесском.

Подведем итоги. Первый этап развития галицкой школы зодчества связан с деятельностью артели мастеров, пришедших в начале 20-х годов XII в. к князю Володарю, вероятно, из Польши. В конце 40-х годов XII в. эта артель переходит к Юрию Долгорукому. Для ее почерка характерны почти квадратные в плане, массивные приземистые постройки, большая ширина фундаментов, почти полное отсутствие декоративной резьбы, придающее зданиям еще большую суровость и величавость. На смену этой артели приходит другая, также романская группа мастеров, постройки которой отличаются большей декоративностью и эффектностью. Ее деятельности соответствует следующий этап в развитии галицкого

зодчества. С галицкими мастерами начального этапа связан и первый этап владими́ро-суздальской архитектуры. Эта артель положила начало строительству сразу в двух древнерусских землях.

- ¹ *Szaraniewicz I.* Trzy opisy Halicza. Lwów, 1883; *Peteński J.* Halicz w dziejach sztuki sredniowiecznej. Kraków, 1914.
- ² *Peteński J.* Halicz..., s. 70—86; *Пастернак Я.* Старий Галич. Краків—Львів, 1944, с. 75—82.
- ³ РД, 1899, VI, с. 38.
- ⁴ *Грушевський М.* Історія України — Руси. Львів, 1905, III, с. 430.
- ⁵ *Zaki A.* Przemyska cerkiew księcia Wolodara w swietle źródeł pisanych i archeologicznych. — *Nadbitka ze Sprawozdań z posiedzeń komisji naukowych oddziału PAN w Krakowie.* Styczeń — czerwień 1968 r., s. 48—50.
- ⁶ *Joannis Dlugossii srn Longini canonici cracoviensis Historiae Polonicae.* Cracoviae, 1873, libri XII, v. I, p. 533.
- ⁷ *Zaki A.* Przemyska cerkiew..., s. 48.
- ⁸ *Zaki A.* Archeologia Małopolski wczesnośredniowiecznej. — PAN — Oddział w Krakowie, 1974, N 13, гус. 114.
- ⁹ *Zaki A.* Przemyska cerkiew..., s. 50.
- ¹⁰ *Раннопорт П. А.* К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы. — В кн.: *Славяне и Русь.* М., 1968, с. 461.
- ¹¹ *Ратич А. А.* К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI—XIV вв. — В кн.: *Культура средневековой Руси.* Л., 1974, с. 189, 190.
- ¹² *Грушевський М.* Історія України — Руси. Львів, 1905, II, с. 464.
- ¹³ А. А. Ратич считал звенигородскую церковь частью дворцового комплекса. Вопрос этот дискусионен и требует самостоятельного исследования.
- ¹⁴ ПСРЛ, 1962, II, с. 462—464.
- ¹⁵ *Szaraniewicz I.* Trzy opisy..., s. 163.
- ¹⁶ *Peteński J.* Halicz..., s. 47.
- ¹⁷ *Ibid.*, s. 57.
- ¹⁸ *Szaraniewicz I.* Trzy opisy..., s. 163.
- ¹⁹ *Peteński J.* Halicz..., s. 73.
- ²⁰ *Каргер М. К.* Зодчество Галицко-Волинской земли в XII—XIII вв. — КСИИМК, 1940, III, с. 17, 19.
- ²¹ *Peteński J.* Halicz..., s. 76.
- ²² *Пастернак Я.* Старий Галич, с. 77.
- ²³ См. критику этой атрибуции И. Пеленьским (*Peteński J.* Halicz..., s. 76, 77).
- ²⁴ *Peteński J.* Halicz..., s. 49; *Пастернак Я.* Старий Галич, с. 77.
- ²⁵ *Szaraniewicz I.* O rezultatach poszukiwań archeologicznych w okolicy Haliczawr. (1884, 1885). Lwów, 1886, tab. I.
- ²⁶ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 1, с. 107—109.
- ²⁷ Там же, с. 109. На это указывал и А. Г. Чиняков (Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого. — Архитектурное наследство, 1952, 2, с. 60).
- ²⁸ *Swiechowski L.* Znaczenie kościoła w Prandocinie. — *Kwartalnik architektury i urbanistyki*, 1956, t. I, z. 1, гус. 15.
- ²⁹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., с. 55, примеч. 13.
- ³⁰ ПСРЛ, 1921, XXIV, с. 77.
- ³¹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., с. 92.
- ³² ПСРЛ, 1965, XV, с. 355.
- ³³ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., с. 66. Н. Н. Воронин даже датирует эти работы 1147 г., а 1148 г. — новое освящение храма.
- ³⁴ *Пастернак Я.* Старий Галич, с. 121.
- ³⁵ *Воронин Н. Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в. — МИА, 1949, 11, с. 207.
- ³⁶ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., илл. 44, 45.
- ³⁷ Там же, илл. 125, 155.

К ВОПРОСУ О ГАЛЕРЕЯХ БЕЛОКАМЕННЫХ СОБОРОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ЗЕМЛИ

Белокаменные соборы Владимирской земли необычайно выразительны. Совершенством форм с давних пор они удивляют и восхищают людей разного возраста и занятий. И все-таки первоначальный облик соборов был иным, а композиция — сложнее. Некоторые данные помогают нам представить памятники в их первоначальном виде. Для Дмитриевского собора это рисунки XIX в., изображающие его в окружении галерей, а также результаты раскопок Н. Н. Воронина. Фундаменты галерей вокруг церкви Покрова на Нерли были видны еще в XIX в. Н. Н. Воронин подверг их внимательному изучению в процессе раскопок. Но цельность и выразительность памятника в его настоящем виде так велика, что и сейчас нелегко допустить мысль о существовании у его стен высоких пристроек. В недавнее время каменная кладка вокруг стен церкви Покрова получила истолкование как фундамент своеобразной подпорной стенки¹. Эта точка зрения уже встретила критику со стороны П. А. Раппопорта, который основывал ее на анализе фундамента и аналогий². Тем не менее нужны были документальные данные, подтверждающие существование галереи. Вероятно, сейчас мы можем сказать, что они есть.

Изучая характер лицевой поверхности кладки фасадов соборов, мы обратили внимание на крупные, ныне заложенные отверстия в их стенах. Значительные размеры этих отверстий и уровень их расположения на фасадах позволяют думать, что это гнезда балок, некогда служивших для устройства перекрытий примыкавших к памятникам пристроек.

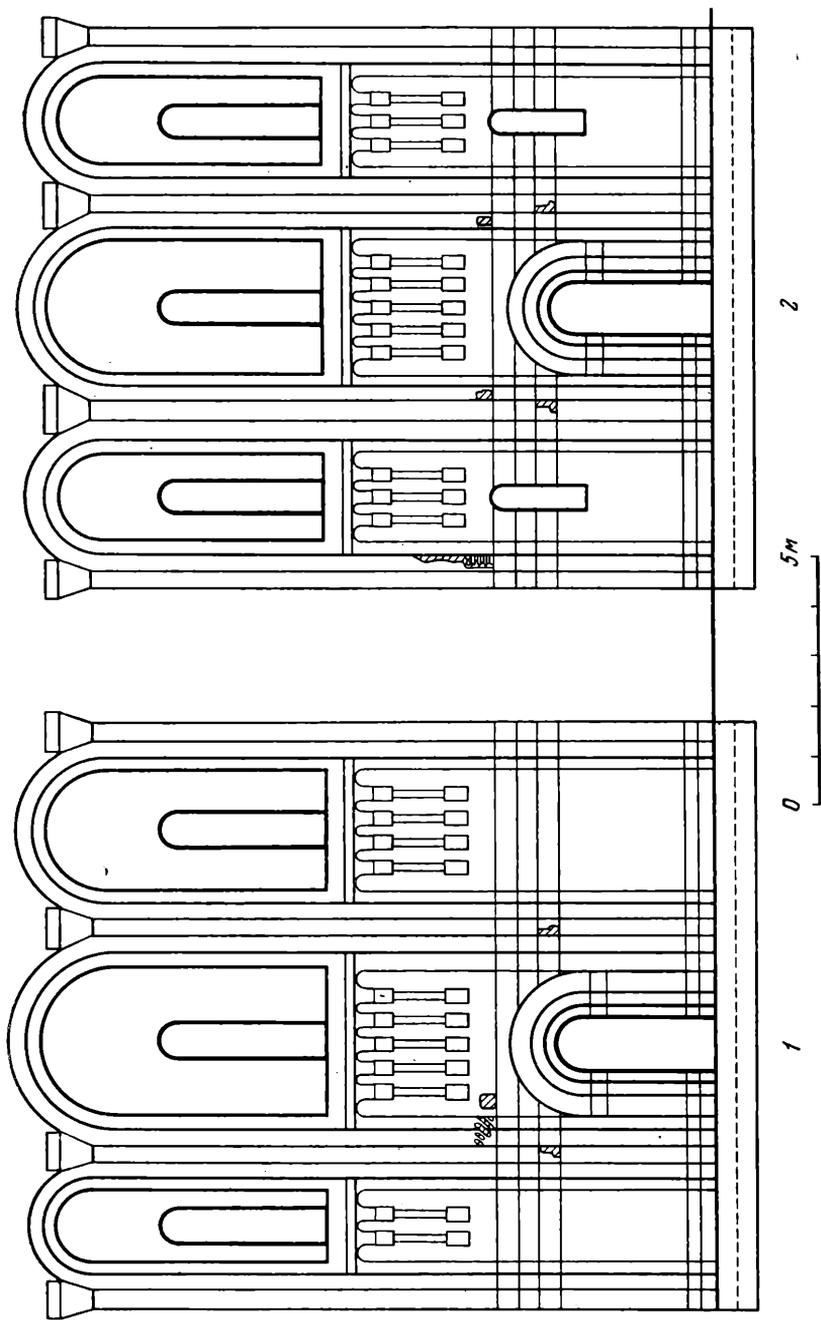
Картина расположения гнезд на стенах церкви Покрова на Нерли запутанна. Они проходят по всем трем фасадам здания. Судя по сложной истории пристроек к церкви в XVII—XIX вв., гнезда могут быть не одновременными. В XVII в. на месте галерей поднялись кирпичные паперти³. На каком уровне их перекрытия примыкали к стенам церкви, неизвестно. Описи Боголюбова монастыря конца XVIII в. упоминают уже деревянные притворы против порталов церкви⁴. А в 1816 г. против северного и западного порталов устроили кирпичные крыльца с навесами и опорой на две колонки⁵. На стенах церкви не осталось обычного следа примыкания кровли — борозд, и значит, навесы над северным и западным крыльцами были деревянными, что подтверждают и источники⁶. Имея опору лишь на две колонки, они должны были крепиться в стену. Видимо, не случайно именно в центральных пряслах северного и западного фасадов есть одинаковые по конфигурации (в виде перевернутой буквы Г с концами, обращенными во внешние стороны) пары гнезд, расположенных на полуколонках пилястр по сторонам от архивольтов порталов (рис. 1, 1, 2).

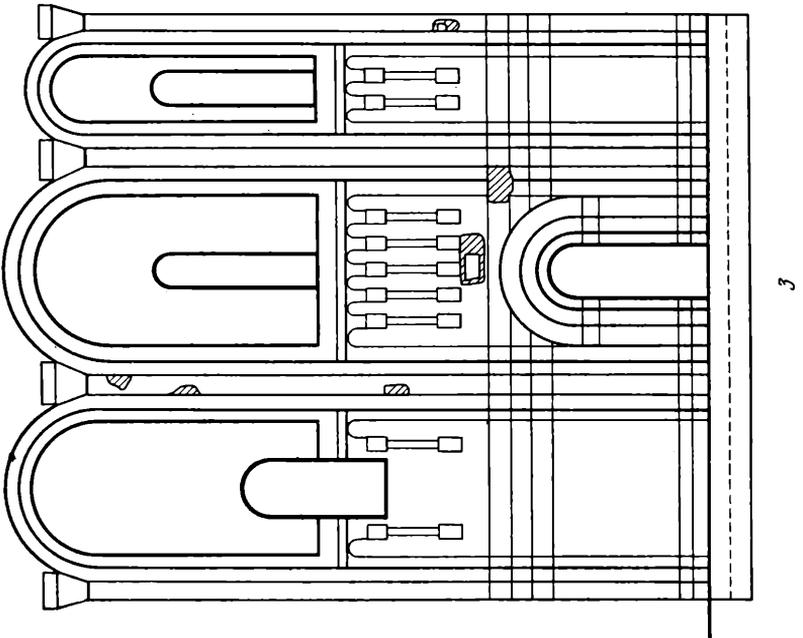
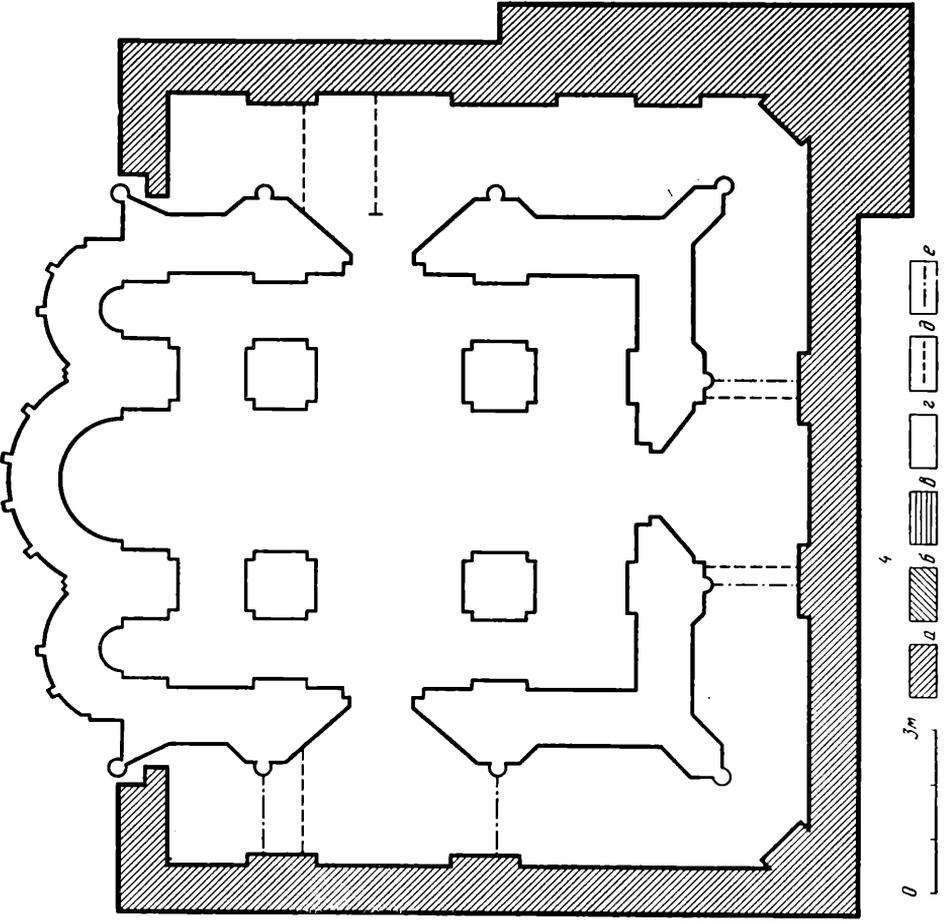
(Подобная форма могла быть придана отверстиям для удобства заведения в них балок деревянных навесов над крыльцами.) Южный портал в это время был вообще заложен кирпичом и превращен в окно (рис. 1, 3)⁷.

Данные гнезда приходятся на уровень второго ряда кладки из четырех, составляющих высоту архивольта. Однако на рисунках Ф. Дмитриева (1849 г.) навесы изображены над архивольтами порталов, т. е. на два ряда выше. Проверить эти изображения невозможно, так как они единственные, а разрез церкви Покрова в издании В. Прохорова в точности (даже масштаб) повторяет изданный в 1849 г.⁸ Однако размеще-

Рис. 4. Церковь Покрова на Нерли

Фасады: 1 — северный, 2 — западный, 3 — южный, 4 — план церкви с галереями; а — заложённые гнезда; б — выбоины; в — кирпич; г — выполненные раствором утраты; д — направление предполагаемых балок перекрытия галерей; е — направление предполагаемых балок для опоры крылец XIX в.

ние гнезд на фасадах памятника заставляет предположить неточность рисунка нижней части навесов. Щипец навесов на рисунке заходит в аркатурно-колончатый фриз, что, очевидно, и повлекло за собой утрату центральных консолей пояса⁹ и замену их новыми, в то время как над южным архивольтом, где навеса не было, в центре уцелела изначальная консоль. Как и края, щипец навеса, возможно, имел опору на стену, но при восстановлении колончатого фриза камни с гнездами могли заменить.

На западном фасаде, кроме названных отверстий, есть пара гнезд, заложенных черным, словно закопченным камнем. Находятся они на обломе лопатки по сторонам архивольта портала, в ряду между архивольтом и консолями пояса. На том же уровне в центральном прясле северного фасада слева, впритык к лопатке, заложено белым камнем и кирпичом квадратное отверстие размерами более 20×20 см. Рядом с ним все три облома пилястры сколоты.

На южном фасаде над замком архивольта (вновь тот же ряд кладки) камни переложены, что отмечал еще Н. Н. Воронин¹⁰. На ряд ниже, справа у пилястры, захватывая и два ее облома, камнем иного оттенка заложено еще одно отверстие, тоже высотой в целый ряд. Кроме того, на полуколонке между левым и центральным пряслами на разных уровнях несколько отверстий неправильной формы заполнено темно-серым раствором.

Одно из них (прямоугольной формы, высотой в один ряд), видимо, не случайно лежит точно на уровне порога входа на хоры.

Таким образом, на всех трех фасадах гнездами выделен ряд кладки, разделяющий верх архивольтов порталов и консоли. На левой угловой лопатке западного фасада в том же ряду находим восполненную кирпичом утрату, на ряд выше частично разрушен камень правой угловой полуколонки южного фасада. Здесь, судя по составленному в 1858 г. Н. А. Артлебенем плану, стена галереи примыкала к стене церкви. Если же на этот план, подтвержденный раскопками Н. Н. Воронина¹¹, нанести проекции найденных на стенах гнезд, то все они, кроме гнезда над архивольтом южного портала и утраты на левой лопатке западного фасада, окажутся как раз против лопаток внутренней поверхности стен галереи, хотя и не всегда против их осей симметрии (рис. 1, 4). Последнее может объясняться тем, что между пилястрами фасадов и лопатками стены галереи нет жесткой согласованности.

Итак, в результате рассмотрения гнезд выяснилось: 1. Большинство гнезд на стенах церкви находится на одном и том же уровне; 2. Выше гнезда расположены только на южной стене — у прясла с проемом входа на хоры; 3. Найденные гнезда приходятся против лопаток внутренней поверхности стены галереи. Сочетание этих обстоятельств не может быть простым совпадением. Отверстия, расположенные между архивольтами и консолями пояса, очевидно, служили гнездами для балок перекрытия галереи. Ни архивольты порталов, ни консоли колончатого пояса не должны были пострадать при примыкании перекрытий к стенам церкви на этом уровне. Именно здесь логически допускал перекрытия Н. Н. Воронин. Расположенные выше отверстия и утраты на полуколонке между центральным и левым пряслами южной стены окажутся понятными, если против входа на хоры в левом прясле южного фасада представить лестничную башню.

Судя по западному фасаду, расстояние между гнездами по горизонтали равнялось 3 м, но оно могло быть и вдвое меньше, так как гнезда могли быть не только по краям, но и в центре прясла, подобно южной стене.

При пролете галереи около 2,5 м и сравнительно небольших размерах гнезд (20×20 см) балкам следовало быть максимально крепкими — дубовыми. Вероятно, такими они и были. Именно дубовые деревянные связи закладывали в плоскости пола хор и пят подпружных арок соборов Владимирской земли¹². У церкви Покрова на Нерли еще в середине

XIX в. со дна озера торчали черные дубы в стоячем положении¹³, а при очистке дна Клязьмы в недавнее время было вынуто много черного морского дуба. Все это говорит о том, что дуб очень долго употреблялся в строительстве во Владимирской земле. При расположении гнезд на стенах Покрова на Нерли на указанном уровне и в один ряд перекрытие должно было быть плоским, а значит, деревянным. Уровень их размещения указывает высоту галереи — около 5,5 м от дневной поверхности XII в.

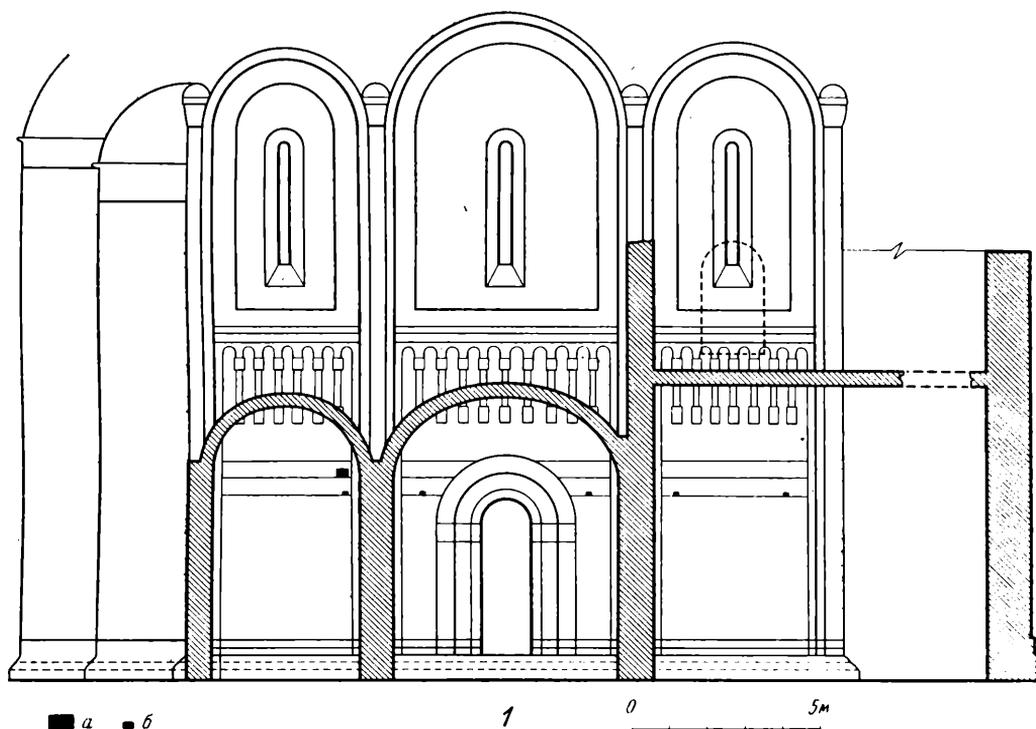
Перейдем к Дмитриевскому собору во Владимире. Как известно, до реставрации 1837—1839 гг. собор окружали галереи, а стены его до верха аркаатурно-колончатого пояса были скрыты их поздней односкатной кровлей. После реставрации, лишившей памятник древних частей, к его стенам уже не примыкали никакие пристройки. Поэтому найденные на Дмитриевском соборе отверстия могут относиться только к галереям. Гнезда эти однотипны, размерами чаще 20×21 см, найдены на одном уровне на всех трех фасадах, заложены белым камнем¹⁴. В отличие от церкви Покрова на Нерли, гнезда Дмитриевского собора 1) найдены как в центральных, так и в боковых пряслах; 2) проходят на другом уровне — на ряд ниже верха архивольтов порталов; 3) иначе размещены на поле стены: гнезда центральных прясел не разнесены к их краям, а приближены к архивольту и симметричны относительно его центра (только справа от западного архивольта гнездо несколько сдвинуто в сторону пилястры); в боковых пряслах, напротив, гнезда тяготеют к пилястрам, но не подходят вплотную, а иногда значительно отстоят от них, как левое отверстие в западном прясле южной стены (рис. 2, 1—3).

Все это позволяет сделать следующие выводы. Галерея с самого начала обходила собор с трех сторон (в боковых пряслах гнезда встречены наравне с центральными), в том числе и с западной (два гнезда в центральном и одно — в правом прясле), а нижние окна западного фасада выходили внутрь галереи. Это вносит поправку в реконструкцию А. В. Столетова, считавшего, что с западной стороны был только притвор у центрального прясла¹⁵.

Поскольку отверстия не связаны с пилястрами, они не служили для деревянных связей стен собора и галереи. Сравнив их местоположение и рисунки XIX в.¹⁶, приходим к выводу, что гнезда близки к уровню, на котором должно было начинаться перекрытие галереи. Оно не могло быть плоским, как в церкви Покрова на Нерли, так как гнезда проходят на один ряд ниже верха архивольтов порталов. Пострадала бы резьба архивольтов. Но даже верхний вал западного архивольта — сплошь резной — не имеет утрат. Расположение гнезд ниже верха архивольтов порталов, с одной стороны, и приближенность их к дугам архивольтов — с другой, позволяют предположить, что перекрытие галереи огибало архивольты порталов, т. е. было сводчатым. Это согласуется с венчавшими стены галереи закомарами (изображены на рисунках и чертежах XIX в.), которые лишь позже были выровнены кирпичом под односкатную кровлю. На плане собора с галереями, выполненном в 1836 г. перед началом реставрации, изображены приложенные к пилястрам собора лопатки¹⁷. На их выступы и могли опираться пять подпружных арок, поддерживавших своды¹⁸. Пролет в 3 м (ширина галереи) вполне мог быть перекрыт сводом. Правда, на стенах собора не видно следов примыкания сводов галереи. Однако конструкция ее не имела перевязи со стенами собора, а была приложена к ним. Это стало одним из оснований для заключения комиссии в 1836 г. о позднем характере галереи и решения о ее сносе¹⁹.

После сноса галереи места соединения ее со стенами собора пришлось заменить новым камнем (например, заменена резьба фриза).

Перекрытию пространств сводом должно было предшествовать сооружение деревянных опалубок, по которым уже непосредственно мог выкладываться свод. Вероятно, найденные на стенах Дмитриевского со-

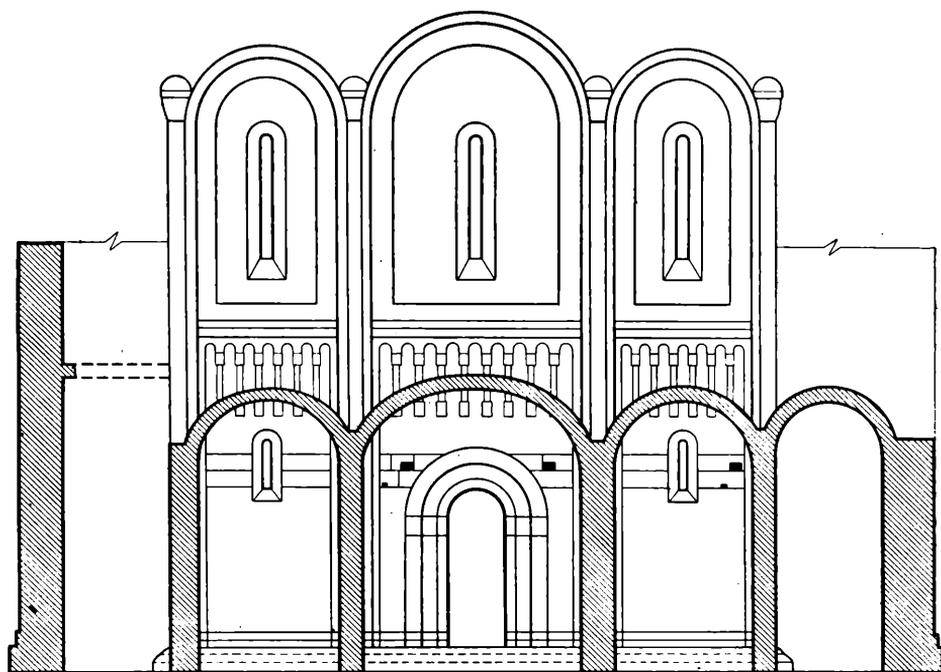

■ а ● б

1

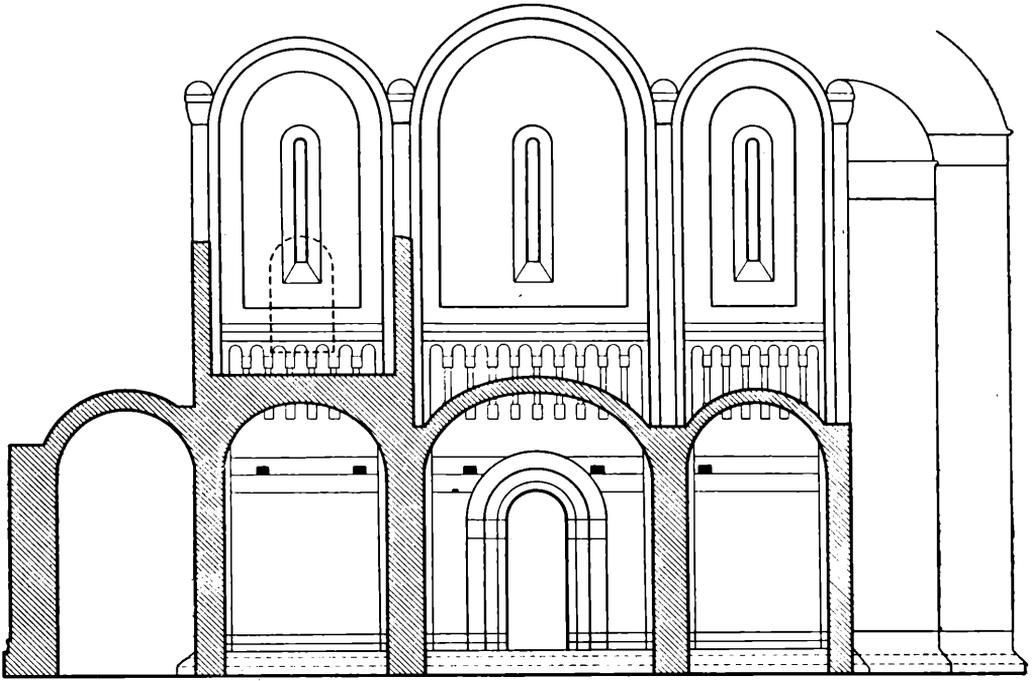
0

5м

2

Рис. 2. Дмитриевский собор во Владимире
 Фасады: 1 — северный, 2 — западный, 3 — южный; а — гнезда балок для устройства перекрытий;
 б — отверстия от пальцев строительных лесов

3

Рис. 2 (продолжение)

бора гнезда и служили для устройства таких опалубок. На вставленные в них балки могли опираться кружала²⁰. Кладка сводов должна была подняться над гнездами. Тем не менее они реально указывают уровень, на котором шло перекрытие галереи²¹. Судя по ним, верхняя граница сводов могла оказаться на высоте около 8 м от уровня дневной поверхности XII в. Следовательно, своды галереи должны были перерезать консоли пояса и часть колонок подобно своду под переходом в Боголюбове. Это объясняет утрату резьбы аркатурно-колончатого фриза фасадов Дмитриевского собора, замененной позднее в реставрацию 1837—1839 гг.²²

Судя по сохранившимся двум гнездам, свод перекрывал и первый ярус башни против левого прясла южного фасада. Тогда вход на хоры мог осуществляться двумя способами: 1) по размещенной в южной стене углового юго-западного объема галереи лестнице (на плане 1836 г. эта стена утолщена, подобно галерее церкви Покрова, и превышает 140 см), выведившей на уровень второго яруса; 2) по переходу, который вел бы к другим сооружениям южной части княжеского двора (к дворцу?). При этом второй ярус южной башни был необходим лишь против западного прясла южной стены, как это и изображено на рисунках в Губернском атласе 1801 г.²³

Второй ярус над угловым юго-западным объемом галереи, зафиксированный чертежами и рисунками 1835—1836 и 1851 гг., мог появиться в 1807 г., когда по условиям реставрации делалась колокольня «в симметрию к старой», т. е. северной²⁴.

В аналогичном прясле северной стены гнезд от балок нет. Стена здесь сложена из камней, сохранивших следы первоначальной тески и, очевидно, не переложенных. К тому же, тут уцелела первоначальная резьба аркатурно-колончатого пояса собора. Из этого следует, что северная башня сразу была задумана двухъярусной и, очевидно, полой, хотя бы в примыкающей к северной стене половине. Площадка-переход на хоры могла быть только деревянной, устроенной с учетом резьбы арочного

пояса, ибо лишь три тимпана и антревольта арочек в центре фризга правого прясла северного фасада заняты рельефами работы 1837—1839 гг. Но и они не заменили утраченные, а заняли место бывшего здесь прежде порога входа на хоры, так как уровень пола хор приходится как раз на эту высоту²⁵. При сводчатом перекрытии резьба фризга неизбежно бы пострадала. Лестница на второй ярус могла размещаться в северо-западном объеме галерей²⁶.

Когда же могли появиться галерея и башни Дмитриевского собора? До сих пор суждения о времени их строительства основывались на изучении изобразительного (рисунки и чертежи XIX в.) и письменного (описания очевидцев) материала. Стратиграфия раскопов Н. Н. Воронина подтвердила принадлежность галерей домонгольскому времени²⁷. Попробуем уточнить их дату. Со стенами галерей неоднократно связывали рельефы деревьев, зверей и птиц из аркатурно-колончатого пояса фасадов²⁸. Действительно, для занимаемого места они велики по ширине (камни значительно стесаны по бокам) и малы по высоте (под ними вставлены узкие блоки с грубыми резными подставками). В то же время во втором ярусе камни такой высоты (в пределах 48—51 см) редки и встречаются преимущественно в рядах 7, 9 и 10, где есть свои рельефы. Поэтому единственное место, которому они могли принадлежать, — стены башен. Очевидно, рельефы не принадлежали южной башне, так как первоначально второй ярус мог быть лишь против левого прясла южной стены. К тому же, не исключено, что он был частью анфилады переходов и лишен резьбы.

На северной башне резьба изображена во втором ярусе восточной (рисунок Ф. Дмитриева) и двух пряслах северной (рисунок В. А. Жуковского) стен. На западном фасаде был только аркатурно-колончатый фриз (рисунок 1801 г.). Поскольку резные камни участвовали в кладке стены, по их размерам можно судить о площади лицевой поверхности стен, которую можно из них выложить. Измерив по плану 1836 г. ширину украшенных резьбой прясел северной башни (без проемов северных окон) и сопоставив ее с первоначальной шириной рельефов между колонками фризга собора, увидим, что все они (исключая рельефы правого прясла северного фасада) могли разместиться в трех-четырех рядах кладки. Хотя чертежи и рисунки XIX в. дают противоречивые сведения о высоте башни, но все же она была достаточной для размещения на ее стенах указанных резных камней. К этой же башне следует отнести и 14 древних колонок с орнаментом плетений, розеток, медальонов, которые вместе с деревьями попали во фриз собора и оказались, за исключением одной, в непосредственной близости к разобранной северной башне — на северном фасаде и в северном прясле западного²⁹. Многие пальметты деревьев и колонок (так называемые крыловидные и др.), а также композиция деревьев с двумя парами отходящих от ствола и круглящихся вверх и вниз ветвей с пальметтой внутри круга, не встречающихся во втором ярусе стен собора, представляют типы, характерные для резьбы Рождественского собора в Суздале (1222—1225) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234). Но пальметты и деревья Дмитриевского собора явно им предшествуют. Да и массивные пропорции колонок с башни, отличные от колонок правого прясла северной стены и апсид, приближаются к колонкам-балясинам поясов суздальского и юрьев-польского соборов. Северной башне принадлежали, очевидно, и древние рельефы сидящих святых, находящиеся ныне не на своем месте, между колонками аркатурно-колончатого пояса западной стены³⁰. Таким образом, все перечисленные особенности рельефов, связанных со стенами северной башни, адресуют нас к дате, приближающейся к 1220 г. (перед строительством Рождественского собора в Суздале). Очевидно, к этому времени и следует отнести строительство галерей и башен Дмитриевского собора во Владимире.

Итак, расположение гнезд на стенах Дмитриевского собора свидетельствует, что галерея обходила собор с трех сторон; имела сводчатое пере-

крытие; верхняя граница ее сводов доходила до высоты около 8 м от уровня дневной поверхности XII в.; конструкция южной и северной башен была различна; первоначально второй ярус южной башни вероятен лишь против прясла с входом на хоры.

Очевидно, картина станет яснее, если гнезда на стенах Дмитриевского собора, а в равной степени и церкви Покрова на Нерли будут исследованы, а последняя освобождена от слоев набелов. Однако уже сейчас найденные гнезда не только документально подтверждают наличие галерей, но даже позволяют определить их высоту, протяженность, характер перекрытия, конструкцию башен (для Дмитриевского собора), т. е. разрешают приблизиться к реконструкции всех этих частей зданий.

- ¹ Информацию о докладе П. Н. Аркатова о новой идее графической реконструкции храма Покрова на Нерли см.: КСИА, 1975, 144, с. 112, 113.
- ² Раппопорт П. А. Письмо в редакцию. — КСИА, 1978, 155. С этим мнением согласен Г. К. Вагнер.
- ³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 1, с. 264.
- ⁴ Там же (без указания местонахождения описей).
- ⁵ Доброхотов В. Древний Боголюбов город и монастырь. М., 1852, с. 75; Строганов С. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849, табл. XXI.
- ⁶ Доброхотов В. Древний Боголюбов город..., с. 75.
- ⁷ Строганов С. Дмитриевский собор..., табл. XXI.
- ⁸ Прохоров В. Археологический обзор древнейших архитектурных памятников во Владимире и Суздале. — В кн.: Христианские древности. СПб., 1875, в. 3, рис. перед с. 33.
- ⁹ Строганов С. Дмитриевский собор..., табл. XXI; Прохоров В. Археологический обзор..., рис. перед с. 33.
- ¹⁰ Воронин Н. Н. Зодчество..., примеч. 48 на с. 535. Средний камень полуразрушен, но хранит следы древней тески.
- ¹¹ Воронин Н. Н. Зодчество..., рис. 135.
- ¹² Столетов А. В. Конструкции владими́ро-суздальских белокаменных памятников и их укрепление. — В кн.: Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1959, в. 1, с. 192.
- ¹³ Воронин Н. Н. Зодчество..., примеч. 36 на с. 534.
- ¹⁴ На ряд ниже на всех трех фасадах и апсидах расположены отверстия от пальцев строительных лесов (10—13×10—13 см), укрупненные, как это часто бывало, на края стены (на восточной около 15×15 см).
- ¹⁵ Столетов А. В. К истории архитектурных форм Дмитриевского собора в городе Владимире. — В кн.: Вопросы охраны и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1975, в. 3, с. 151.
- ¹⁶ Воронин Н. Н. Зодчество..., рис. 197—202; Столетов А. В. К истории..., рис. на с. 144.
- ¹⁷ Воронин Н. Н. Зодчество..., рис. 201.
- ¹⁸ На основании только этой детали плана Н. Н. Воронин счел возможным высказать предположение о сводчатом характере перекрытия галереи Дмитриевского собора. См.: Воронин Н. Н. Зодчество..., с. 423.
- ¹⁹ Столетов А. В. К истории..., с. 115, 116.
- ²⁰ Прием врубания балок в стену использовался и в процессе сооружения подвижей тех же соборов.
- ²¹ Если бы данные гнезда все-таки принадлежали деревянным связям, то и тогда они указывали бы на уровень пят подпружных арок, на которые опирались своды (внутри соборов их прокладывали в уровне пола хор, пят подпружных арок).
- ²² Новаковская С. М. К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире (аркагурно-колончатый пояс). — СА, 1978, № 4.
- ²³ Воронин Н. Н. Зодчество..., рис. 197а. Существование перехода с южной стороны считал возможным Н. Н. Воронин (там же, с. 430).
- ²⁴ На том же основании к 1807 г. относил его и А. В. Столетов. Исходя из рисунков и чертежей XIX в., он считал возможными оба варианта входа на хоры. См.: Столетов А. В. К истории..., с. 119, 128.
- ²⁵ Новаковская С. М. К вопросу...; Казаринова В. И. Архитектура Дмитриевского собора во Владимире. М., 1959, табл. 3, 6.
- ²⁶ По аналогии с собором в Боголюбове именно так и представлял устройство входа на хоры Дмитриевского собора Н. Н. Воронин.
- ²⁷ Воронин Н. Н. Зодчество..., с. 427, 428.
- ²⁸ Там же, с. 425; Вагнер Г. К. Скульптура древней Руси. М., 1969, с. 242.
- ²⁹ Новаковская С. М. К вопросу...
- ³⁰ Вагнер Г. К. Скульптура..., с. 238.

О СИДЯЧИХ ПОГРЕБЕНИЯХ В ДРЕВНЕРУССКИХ МОГИЛЬНИКАХ

Для большинства древнерусских погребений характерно вытянутое положение покойника, лежащего на спине. Но изредка в погребениях встречаются трупы в сидячем положении. Еще в 1873 г. А. С. Уваров колебался, считать ли этот признак погребального обряда «существенным» или «не существенным»¹, а в 1911 г. Л. Нидерле, отметив его необычность для славянских могильников, обратил внимание на распространение сидячих погребений в Северной Руси и отнес их ко времени с XII по XIV—XV вв.²

В. В. Седов составил карту погребений с покойниками в сидячем положении в древнерусских курганах³. Однако большинство таких памятников оказалось вне рассматриваемой исследователем территории, а среди указанных некоторые погребения представляются недостаточно достоверными.

В древнерусских могильниках к настоящему времени насчитывается более 630 погребений в 71 пункте, которые можно уверенно считать сидячими; более 20 местонахождений недостаточно документированы⁴. Территориально памятники распределены неравномерно (рис. 1). Вне новгородских земель и верхней Волги известно лишь 11 могильников с 15 сидячими погребениями. Все остальные сосредоточены в Северной Руси, причем наибольшая их концентрация наблюдается на Ижорском плато (не менее 545 погребений в 33 могильниках), где такие курганы исследовались и в последние годы⁵. Сидячие погребения известны также в Причудье, Верхнем Полужье, к югу от Новгорода и восточнее — вплоть до Костромского Поволжья.

Конструктивно большинство курганов с сидячими погребениями не отличаются от остальных курганов рассматриваемых территорий, обычен и набор инвентаря. В западных районах Северной Руси господствует западная ориентировка погребенных (лицом на восток); в восточных районах в равной мере представлены также северная и восточная.

Обособленную группу составляют камерные погребения Шестовицкого и Тимеревского могильников. Вероятно, им близка и камерная могила III Киевского некрополя.

Погребения по обряду кремации отнесены к сидячим условно. Все они происходят из раскопок Н. К. Рериха (шесть комплексов в четырех могильниках). По определению исследователя, они представляли собой погребения сожженных на месте трупов, находившихся в сидячем положении и ориентированных по оси запад—восток. Основанием для заключения послужило распределение кальцинированных костей на площади кострища и местоположение фрагментов черепа. Хронологически они отнесены предположительно к X в., хотя не исключено как более раннее, так и несколько более позднее время.

Часть сидячих погребений может быть датирована по сопровождающему инвентарю. Датированный инвентарь состоит из предметов вооружения и набора женских украшений. Для датировки использованы типологически-хронологические схемы Я. Петерсена⁶ и прежде всего новгородская хронология⁷. За дату погребения принимается время сосуществования всех входящих в комплекс вещей.

График на рис. 2 дает представление о хронологическом соотношении датированных комплексов. Древнейшими (X в.) являются камерные могилы и предположительно отнесенные к сидячим трупосожжения. К XI в. относятся два комплекса: курган 2 близ Полищ I в Крестецком уезде

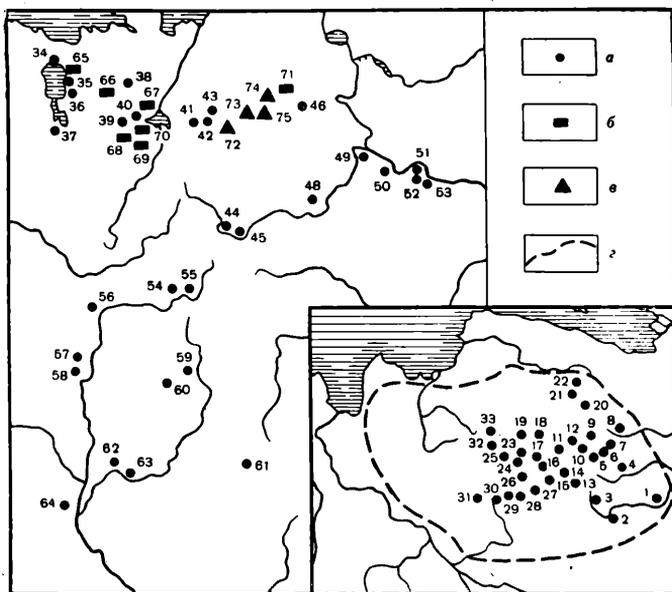

Рис. 1. Распространение сидячих погребений в древнерусских могильниках и на Ижорском плато

а — курганы (ингумация); б — жальники (ингумация); в — курганы (кремация) (?); г — ареал курганов на Ижорском плато

Номера памятников на карте и в списке совпадают

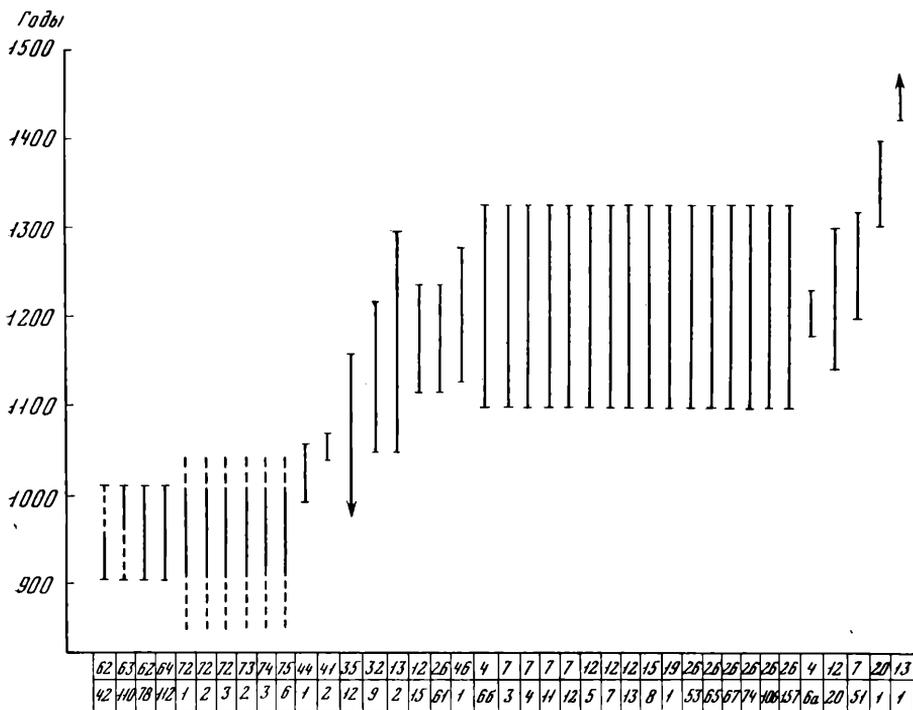

Рис. 2. Хронология сидячих погребений (верхняя цифра — номер памятника, нижняя — номер погребения)

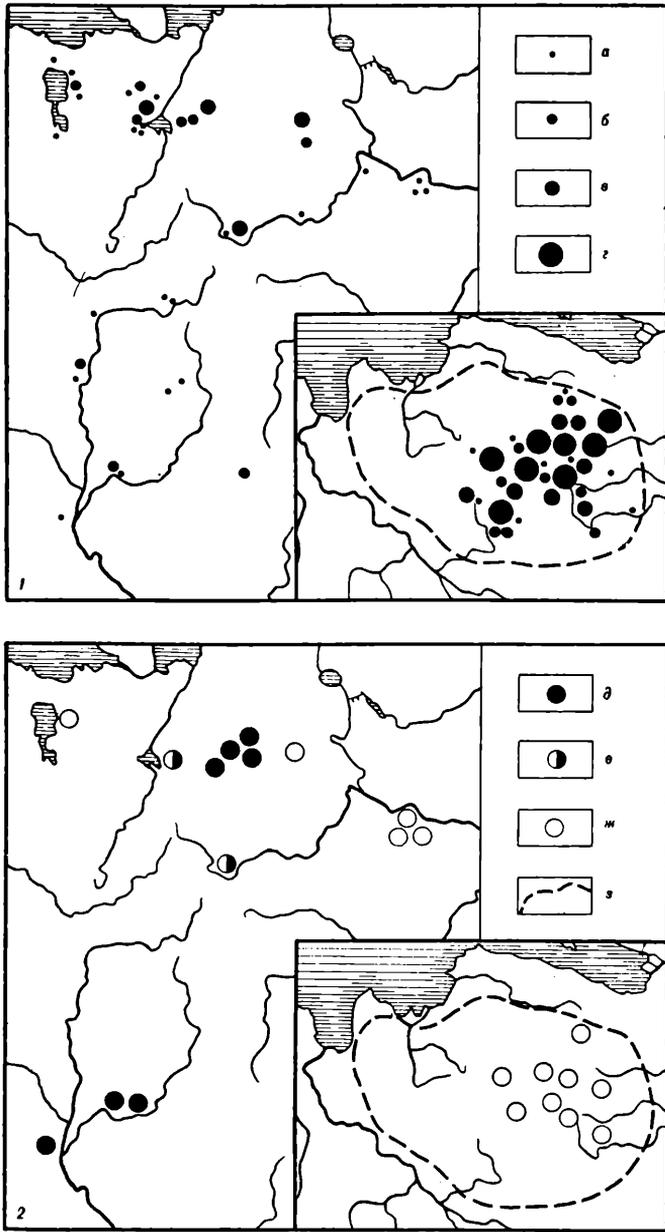

Рис. 3. Распределение могильников по количеству раскопанных сидячих погребений (1) и по хронологии (2)

- а — одиночное погребение;
- б — два—четыре погребения;
- в — 5—20 погребений;
- г — свыше 20 погребений;
- д — комплексы X в.;
- е — комплексы XI в.;
- ж — комплексы XII—XV вв.;
- з — ареал курганов на Ижорском плато

Новгородской губернии (из датирующих находок содержал глазчатую рельефную бусину и монету императора Генриха III 1039—1056 гг.) и курган близ Горок Ржевского уезда Тверской губернии (из датирующих находок содержал полосатую лимоновидную, глазчатую гладкую бусины, грушевидный крестопорезной бубенчик, монеты Иоанна Цимисхия 969—976 гг. и Оттона III и Адельгейды 991—995 гг.). Большинство сидячих погребений относится ко времени с XII по XV в. Таковы все па-

мятники на Ижорском плато, Гдовские курганы, насыпи близ с. Сорогожское Бежецкого уезда Тверской губернии. В это же время сооружено большинство Костромских курганов. Наиболее поздний комплекс — курган 1 близ Глумицы Царскосельского уезда Петербургской губернии (раскопки Н. К. Рериха) — содержал монету 1420 г.

Как видно из карты (рис. 3, 2), наиболее ранние комплексы — камерные могилы — территориально обособлены и в большинстве своем находятся вне основного ареала древнерусских сидячих погребений. В Северной Руси ранние погребения расположены в восточных районах Новгородской земли. Число их невелико. Так, в Валдайском и Крестецком уездах Новгородской губернии известно всего 20 погребений в трех могильниках. Однако в этом районе исследовано лишь несколько десятков курганов с погребениями по обряду ингумации, причем во многих положении покойника не было зафиксировано. Сидячие погребения здесь, судя по стратиграфии курганов, в определенной мере предшествуют вытянутым (Горы, урочище Воскресенский Нос — 13 сидячих погребений перекрыты более чем 30 лежащими; курган 1 близ Любитово — сидячее погребение перекрыто двумя лежащими; аналогичная ситуация зафиксирована в кургане близ Горок; близ Полищ I в курган с четырьмя сидячими погребениями впущено трупоположение в гробовине).

На Ижорском плато, где сосредоточена основная масса сидячих погребений, они достоверно появляются лишь в последней четверти XII—середине XIII в. и в основном распространены в восточной части плато. Судя по новейшим исследованиям, когда раскопки могильника производились широкой площадью, сидячие погребения концентрировались на периферии курганной группы и содержали более поздний инвентарь, чем погребения центральной части, где находились покойники в вытянутом положении⁸.

Все изложенное позволяет осветить происхождение рассматриваемого элемента погребального обряда в древней Руси. В I тысячелетии н. э. сидячие погребения спорадически появляются на широкой территории Восточной и Центральной Европы: в Кантемировском могильнике, в сарматских погребениях Венгрии, в Рязанских и Муромских могильниках, в славяно-аварских могильниках и др.⁹

Они широко распространены в Скандинавии. Компактная группа сидячих погребений в камерных могилах имеет прямые аналогии в скандинавских древностях¹⁰.

В Северной Руси традиция погребения покойников в сидячем положении, широко распространенная в XII—XIV вв., корнями уходит в погребальный обряд предшествующего времени, представленный захоронениями по обряду ингумации XI в. и кремации (?) восточных районов Новгородской земли. Связи этого элемента погребального обряда Северной Руси со скандинавским погребальным обрядом не фиксируются.

В целом представляется, что традиция погребения покойников в сидячем положении как элемент древнерусской курганной обрядности оформилась к XI в. в восточных районах Новгородской земли, а в XII в. распространилась на северо-запад, где стала одной из основ погребального обряда в курганах Ижорского плато, и на восток, где не получила столь широкого распространения.

СПИСОК МОГИЛЬНИКОВ С СИДЯЧИМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ

Курганы: 1. Ново-Сиверская II (Л. К. Ивановский, 1873 г.), курган 3¹¹; 2. Рождественно (Л. К. Ивановский, 1874 г.), курган 13¹¹; 3. Даймище (Г. С. Лебедев и В. А. Кольчатов, 1975 г. и В. А. Кольчатов, 1976 г.), шесть курганов¹²; 4. Вопша II (Л. К. Ивановский, 1873 г.), курган 6¹¹; 5. Большие Борницы (Л. К. Ивановский,

1875 г.), курган 57¹¹; 6. Войсковицы — Большие Борницы (Учхоз) (Л. Н. Целепи, 1903 г.), (В. А. Кольчатов, 1975 г.), курганы 3, 7, 8¹³; 7. Мутаколя (Л. К. Ивановский, 1877 г.), 43 кургана¹¹, (О. И. Давидан, 1968 г.), один курган¹⁴; 8. Алапурсково (Л. К. Ивановский, 1877 г.), 29 курганов¹¹; 9. Рябболово (Л. К. Ивановский, 1875 г.), некоторые из 25 курганов¹¹; 10. Таровицы (Л. К. Ивановский, 1875 г.), многие из 97 курганов¹¹; 11. Гонголово (Л. К. Ивановский, 1875 г.), 10 курганов¹¹; 12. Яскелево (Л. К. Ивановский, 1875 г.), 25 курганов¹⁵; 13. Глумицы (Н. К. Рерих, 1898 г.), курганы 1, 2¹⁶; 14. Холоповицы (Л. К. Ивановский, 1898 г.), 23 кургана¹¹; 15. Калитино (Н. К. Рерих, 1895 г.), курганы 3, 4, 6—8, 12, 16, 17¹⁷; 16. Лисино (Н. К. Рерих, 1896 г.), курганы 1, 3, 4¹⁸; 17. Роговицы (Н. К. Рерих, 1898 г.), курган 3¹⁹; 18. Торосово I — Лесная группа (Н. К. Рерих, 1898 г.), курганы 1, 3²⁰; 19. Торосово II — Полевая группа (Н. К. Рерих, 1898 г.), один курган²¹; 20. Дятлицы I (Н. К. Рерих, 1900 г.), курганы 1, 5, 6²²; 21. Дятлицы II (Н. К. Рерих, 1900 г.), курганы 5, 8²³; 22. Гостилицы — д. Буря (Н. К. Рерих, 1900 г.), два кургана²⁴; 23. Волосово (Л. К. Ивановский, 1876 и 1883 гг.), 20 курганов¹¹; 24. Рогатино (Л. К. Ивановский, 1876, 1877, 1880 гг.), 51 курган¹¹; 25. Ославле (Л. К. Ивановский, 1876 г.), некоторые из 37 курганов¹¹; 26. Рабятицы (Л. К. Ивановский, 1876 г.), 149 курганов¹¹, (Н. К. Рерих, 1896 г.), курганы 2, 4, 7, 8, 10—12, 14, 15²⁵; 27. Введенское (Н. К. Рерих, 1896 г.), курган 3²⁶; 28. Домашковицы I (Н. К. Рерих, 1896 г.), курганы 1, 3, 4²⁷; 29. Домашковицы II (Н. К. Рерих, 1896 г.), курганы 1, 3—5²⁸; 30. Вруда (Л. К. Ивановский, 1876 г.), курган 10¹¹; 31. Прологи (Л. К. Ивановский, 1879 г.), большинство из 54 курганов¹¹; 32. Канарщина (Л. К. Ивановский, 1881 г.), 25 курганов¹¹; 33. Артюшкина (Л. К. Ивановский, 1881 г.), курган 6¹¹; 34. Летепаз (фон Дикхоф, 1869 г.), курганы 1²⁹; 35. Калихновщина (В. Н. Глазов, 1900 г.), курганы 6, 12³⁰; 36. Дубницы (К. Д. Трофимов, 1910 г.), курган 1³¹; 37. Малы (А. А. Заборовский, 1899 г.), одно погребение³²; 38. Подгородье (В. Н. Сергеев, 20-е годы XX в.), несколько курганов³³; 39. Головицы (Н. К. Рерих, 1899 г.), два кургана³⁴; 40. Любитово (Н. К. Рерих, 1899 г.), курганы 1, 2³⁵; 41. Полице I (Н. К. Рерих, 1902 г.), курган 2³⁶; 42. Березовик (Н. К. Рерих, 1902 г.), курган 1³⁷; 43. Горы, урочище Воскресенский Нос (Н. К. Рерих, 1900 г.), один курган³⁸; 44. Горка (Т. М. Чистяков, 1895 г.), один курган³⁹; 45. Петровское (Д. Ф. Щеглов, 1875 и 1878 гг.), курган 1 и 19 насыпей 1878 г., (Н. А. Шульдц и А. Генкель, 1886 г.), один курган⁴⁰; 46. Сорогожское (Н. Ушаков, 1843 г.), пять курганов⁴¹; 47. Рыбинское (В. Д. Мальковский, 1903 г.), курган 1⁴²; 48. Никольское (А. Н. Лодыженский, 1883 г.), один курган⁴³; 49. Кривец II (Я. А. Ушаков, 1887 г.), курган 5⁴⁴; 50. Тимерево (В. А. Мальв, Н. Г. Недошвина, М. В. Фехнер, 1976 г.), курган 348⁴⁵; 51. Левашихи, Сухарева пустынь II (Ф. Д. Нефедов, 1895 г.), курган 12⁴⁶; 52. Обабково II (Ф. Д. Нефедов, 1895 г.), курган 6⁴⁷; 53. «Земля В. И. Королева, верхняя терраса правого берега р. Волги» (Ф. Д. Нефедов, 1898 г.), один курган⁴⁸; 54. Буховка, один курган⁴⁹; 55. Чуфары, один курган⁴⁹; 56. Дымово (Н. М. Турбин, 1885 г.), курган 6⁵⁰; 57. Эсьмоны II (Ф. И. Шимановский, 1887 г. и Н. П. Авенариус, 1889 г.), три кургана⁵¹; 58. Эсьмоны III (Н. П. Авенариус, 1889 г.), курганы 1, 2⁵¹; 59. Пеклино (П. М. Еременко, 1896 г.), курган 3⁵²; 60. Чешуйки (С. А. Гатцук, 1906 г.), курган 1⁵³; 61. Александровка (Д. Я. Самоквасов, 1875 г.), курган 8⁵⁴; 62. Шестовицы I (П. Н. Смоличев, 1925 г., Д. И. Блифельд, 1958 г.), курганы X (42) и 78⁵⁵; 63. Шестовицы II (П. Н. Смоличев, 1925 г.), курган XXV (110)⁵⁶; 64. Киев (С. С. Гамченко, 1927 г.), могила 111⁵⁷.

Жальничные погребения: 65. Малая Каменка (В. Н. Глазов, 1901 г.), жальник 5⁵⁸; 66. Конезерье (Г. С. Лебедев и З. В. Прусакова, 1974 г.), одно погребение⁵⁹; 67. Косицкое III (Н. Г. Богословский, 1878 г.), одна из могил⁶⁰; 68. Боркино (Н. К. Рерих, 1899 г.), погребение 1⁶¹; 69. Малое Станишино (Н. К. Рерих, 1899 г.), погребение 1⁶²; 70. Солоницко (Н. К. Рерих, 1899 г.), «овал» 1⁶³; 71. Новинка (Г. Н. Пронин, 1977 г.), одно погребение⁶⁴.

Трупосожжения (?): 72. Валдайка (Н. К. Рерих и М. П. Путятин, 1904 г.), три кургана⁶⁵; 73. Столбово (Н. К. Рерих, 1902 г.), курган 2⁶⁶; 74. Подол, оз. Пелавино (Н. К. Рерих, 1902 г.), курган 3⁶⁷; 75. Кончанское II (Н. К. Рерих, 1902 г.), курган 6⁶⁸.

- ¹ Уваров А. С. О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей. — Древности, 1873, т. III, в. 3, с. 276.
- ² Niederle L. Život starých Slovanů. Praha, 1911, s. 367, 368.
- ³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 117, рис. 33.
- ⁴ Это следующие могильники: деревни Малые Горки и Озера (Царскосельский уезд Петербургской губернии); д. Бегуницы (Волосовский р-н Ленинградской обл.); имение Горы, «в 4 верст. от ур. Воскресенский Нос», и д. Никитовец (Валдайский уезд Новгородской губернии); Алексеевское (Череповецкий уезд и губерния); д. Абакумово (Вышневолоцкий уезд Тверской губернии); «Жуковское сельское общество» (Угличский уезд Ярославской губернии); пустынь Иорданиха и д. Пеньки, урочище Городины (Нерехотский уезд Костромской губернии); д. Дербуж (Рославльский уезд Смоленской губернии); д. Леоново (на границе Калужской и Смоленской губерний); д. Ядрово (Волоколамский уезд Московской губернии); д. Верхогрязье (Звенигородский уезд той же губернии); д. Смедовка (Каширский уезд Тульской губернии); д. Яновка, урочище Пасека, и местечко Лоево, урочище Грегорево Поле (Речицкий уезд Минской губернии); д. Макаричи I (Бобруйский уезд той же губернии); д. Мицюрны, урочище Высокие Могилы (Мозырский уезд той же губернии); г. Борисов (Минская губерния); д. Лучицы (Могилевская обл.); г. Глухов, курган Могила, и местечко Воронеж, урочище Черные Лозы (Глуховский уезд Черниговской губернии).
- Так, курган 75 близ д. Лучицы содержал, по предположению Я. Г. Рьера, погребение в сидячем положении (Рьер Я. Г. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье. — СА, 1976, № 2, с. 186, 187). Но судя по опубликованному плану, кости скелета находились в беспорядке, а сам курган имел явные следы повреждения.
- ⁵ Давидан О. И. Раскопки кургана у д. Матакюля. — СГЭ, 1971, XXXIII, с. 110, 111; Кольчагов В. А. Работы на Ижорском плато. — АО 1975 г. М., 1976, с. 21 сл.
- ⁶ Petersen I. Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951; Idem. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928; Idem. De norske Vikingesverd. Kristiania, 1919.
- ⁷ Труды Новгородской экспедиции. — МИА, 1956, 55; 1959, 65; 1963, 117; Колчин В. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, с. 92—111.
- ⁸ Лебедев Г. С., Кольчагов В. А., Розов А. А. Раскопки курганов у д. Даймище. — АО 1975 г. М., 1976, с. 28.
- ⁹ Рудинский М. Кантемировські могили римської доби. — ЗВАК, 1930, I, с. 135—156; Pardner M. Denkmäler der sarmatenzeit Ungarns III. — Archaeologia Hungarica, 1950, XXX, 1950, S. 162, 204—208, 227; Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, в. I. — МАР, 1901, 25, с. 75—79; Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. — Древности, 1914, т. XXIV, с. 110, 111, 191, 192; Etsner J. Devinska Nova Ves. Bratislava, 1956, s. 240, 241, 365.
- ¹⁰ Кольчагов В. А. Камерные гробницы Шестовицкого могильника. — Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, ч. 1, с. 18—21.
- ¹¹ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20.
- ¹² Лебедев Г. С., Кольчагов В. А., Розов А. А. Раскопки курганов..., с. 28; Кольчагов В. А., Розов А. А. Работы на Ижорском плато. — АО 1976 г. М., 1977, с. 18.
- ¹³ Архив ЛОИА, ф. 1, 1903, № 43, л. 6, 7; Кольчагов В. А., Розов А. А. Работы..., с. 21.
- ¹⁴ Давидан О. И. Раскопки кургана..., с. 110, 111.
- ¹⁵ Ивановский Л. К. Курганы Водской пятины Новгородской земли. — ИРАО, 1880, т. IX, с. 97, 98.
- ¹⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, 1898, № 117, л. 7, 8, 10.
- ¹⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, 1894, № 74, л. 15—37.
- ¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, № 56, л. 17—19, 36.
- ¹⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1898, № 117, л. 8.
- ²⁰ Там же, л. 8.
- ²¹ Там же, л. 9, 10.
- ²² Штофф Н. А. Отчет о раскопках, произведенных С.-Петербургским Археологическим институтом 13—14 мая 1900 г. — Вестник Археологического института, 1901, XIV, с. 211—213.
- ²³ Там же, с. 211, 215—217.
- ²⁴ Там же, с. 217, 218.
- ²⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, № 56, л. 19—24, 30.
- ²⁶ Там же, л. 28, 29.
- ²⁷ Там же, л. 24, 25.
- ²⁸ Там же, л. 25, 28, 30.
- ²⁹ Monats-Sitzung der Gelehrten Estnisch Gesellschaft zu Dorpat um 3. September 1869. — Sitzungbericht der Gelehrten Estnisch Gesellschaft. Dorpat, 1869, S. 49.
- ³⁰ Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29, с. 97, 98.
- ³¹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1909, № 128, л. 54, 59.
- ³² Доклад члена Псковского археологического общества А. А. Заборовского на заседании 29 октября 1899 г. — Псковские губернские ведомости, 1900, № 3, с. 3.

- ³³ Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, № 106, л. 6.
- ³⁴ *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1899, т. XI, в. 1-2, с. 354, 355.
- ³⁵ Там же, с. 365, 366.
- ³⁶ *Рерих Н. К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, т. V, в. I, с. 27, 28.
- ³⁷ Там же, с. 29—31.
- ³⁸ *Рерих Н. К.* К древностям валдайским и водским. — ИАК, 1901, 1, с. 60, 61.
- ³⁹ *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, с. 81, 82; Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, № 96.
- ⁴⁰ *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888, с. 14—18; Отчет Д. Ф. Щеглова на 26-м заседании Комитета. — ИОЛЕАЭ, 1878, т. 31, с. 246, 247; ГАКО, ф. 103, оп. 1, № 221, л. 257а, 257б.
- ⁴¹ *Ушаков Н.* Древние медали и другие вещи, найденные в курганах Тверской губернии. — Отечественные записки, 1843, т. XXX, кн. 9, с. 10—12 (раздел «Смесь»).
- ⁴² *Мальковский В. Н.* Кто насыпал курганы в селе Рыбинском Бежецкого уезда Тверской губернии. — Труды III Областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире. Владимир, 1909, с. 4.
- ⁴³ *Жизневский А. К.* О раскопках курганов в Тверской губернии в 1882—1883 гг. — ИОЛЕАЭ, 1886, т. 49, с. 503.
- ⁴⁴ *Ушаков Я. А.* Раскопки в Мышкинском уезде 1887 г. — Труды VII АС. М., 1890, т. I, с. 32, 33.
- ⁴⁵ *Мальм В. А., Недошвицина Н. Г., Фелнер М. В.* Раскопки Тимеревского могильника в Ярославле. — АО 1976 г. М., 1977, с. 59, 60.
- ⁴⁶ *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 г. — МАВГР, 1899, т. III, с. 166.
- ⁴⁷ Там же, с. 178.
- ⁴⁸ Там же, с. 213.
- ⁴⁹ Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, с. 116, 117.
- ⁵⁰ *Турбин Н. М.* Раскопки 1885 г. — Древности, 1886, т. XI, в. 2, с. 84.
- ⁵¹ ОАК за 1889 г., с. 45—47; Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, № 42, л. 16, 17.
- ⁵² Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, № 68, л. 72.
- ⁵³ Архив ЛОИА, ф. 1, 1906, № 55, л. 88—94.
- ⁵⁴ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908, с. 212.
- ⁵⁵ *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977, с. 22, 138—141, 160—163.
- ⁵⁶ Там же, с. 175—177.
- ⁵⁷ *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. I, с. 177—179.
- ⁵⁸ *Спицын А. А.* Гдовские курганы. . ., с. 93, 94.
- ⁵⁹ Пользуюсь случаем поблагодарить Г. С. Лебедева и З. В. Прусакову за сообщенные мне сведения.
- ⁶⁰ Отчет уполномоченного в Новгороде Н. Г. Богословского о произведенных раскопках. — ИОЛЕАЭ, 1878, т. 31, с. 206.
- ⁶¹ *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины. . ., с. 359.
- ⁶² Там же, с. 369.
- ⁶³ Там же, с. 370.
- ⁶⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Н. Пронина за сообщенные мне сведения.
- ⁶⁵ *Рерих Н. К.* Каменный век на озере Цирос. — ЗОРСА, 1904, т. VII, в. 1, с. 167.
- ⁶⁶ *Рерих Н. К.* Некоторые древности пятин. . ., с. 33.
- ⁶⁷ Там же, с. 40.
- ⁶⁸ Там же, с. 36.

Ю. А. КРАСНОВ

РАЛО ИЗ ТОКАРЕВСКОГО ТОРФЯНИКА

Среди немногочисленных в Восточной Европе подлинных находок древних пахотных орудий значительный интерес благодаря особенностям конструкции представляет рало, найденное в 1921 г. в торфянике у с. Токари в Сумской обл. УССР¹. Это пахотное орудие неоднократно рассматривалось исследователями, но в его интерпретации и датировке существуют значительные разногласия. Поэтому имеет смысл еще раз вернуться к этому важному для истории восточноевропейских пахотных орудий сюжету.

Кратко напомним основные черты устройства токаревского рала (рис. 1, 1). Его основа изготовлена из одного куска дуба так, что соответ-

ствующим образом оформленная часть ствола образует рабочий орган — полоз, а отходящий в сторону изогнутый, толстый и массивный сук служит грядилем. Эти особенности — объединение в одно целое грядиля и рабочей части, а также искривленный грядиль — позволяют отнести токаревское рало, согласно предложенной нами классификации, к семейству грядильных и входящему в это семейство типу кривогрядильных². К этому же типу принадлежат и другие рала, найденные в восточноевропейских торфяниках, — у с. Полесье в Черниговской обл., у с. Сергеевск в Брянской обл. и у д. Каплановичи в Минской обл. Тип кривогрядильных объединяет и многие пахотные орудия, известные по подлинным находкам и древним изображениям из Западной и Северной Европы.

Полоз токаревского рала довольно длинный (около 0,68 м) и узкий (0,09—0,05 м)³. В передней части он конусообразно заостряется, поперечное сечение его в средней и передней частях неправильно округлое, у пяты — почти прямоугольное. Место, где грядиль переходит в полоз, попадает на задний конец последнего. Несохранившаяся рукоять располагалась непосредственно за местом перехода грядиля в полоз, где в нем для нее было продолблено прямоугольное сквозное отверстие. Вероятно, рукоять закреплялась в этом гнезде клиньями. Грядиль в передней части обломан, так что общую длину его установить невозможно. Расстояние от места его слома до перпендикуляра, восстановленного от заднего конца полоза, составляет всего 0,93 м. Интересен характер изгиба грядиля: первоначально он довольно круто, под углом 65—70°, поднимается вверх от полоза, затем плавно опускается вниз. На обломе грядиля заметны следы прямоугольного отверстия, в месте которого он и был сломан. В начальной части грядиля, на высоте около 0,3 м от нижней грани полоза, имеется еще одно прямоугольное отверстие размерами 0,09×0,04 м, ось которого располагается под углом 45° к горизонтали.

От других кривогрядильных рал из восточноевропейских торфяников токаревское рало отличается, во-первых, расположением места перехода грядиля в полоз у заднего конца последнего (у других рал оно приходится примерно на середину полоза); во-вторых, поперечным сечением полоза (у полесского и сергеевского рал оно имеет вид вытянутого равнобедренного треугольника, у каплановичского рала — форму, приближающуюся к полуовалу); в-третьих, своеобразной формой изгиба грядиля; в-четвертых, более узким полозом; в-пятых, наличием сквозного отверстия в начальной части грядиля.

Расположение места перехода грядиля в полоз у заднего конца последнего и, следовательно, места приложения тяговой силы позади центра тяжести орудия привело к тому, что полоз у токаревского рала при ра-

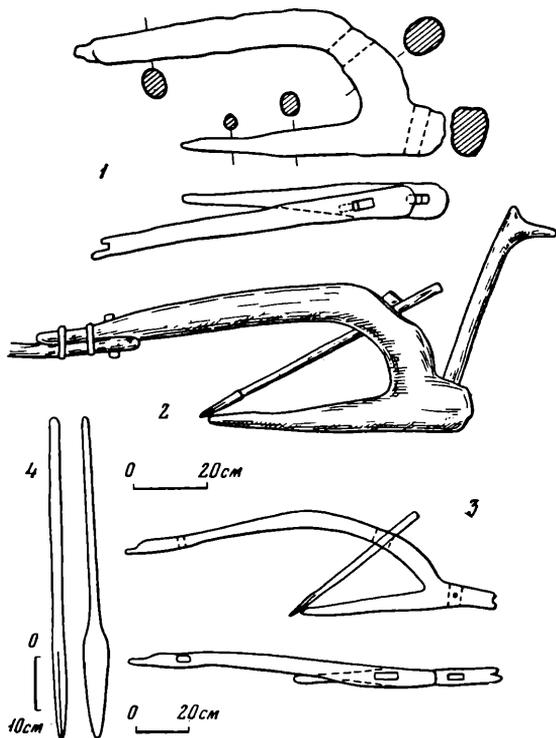

Рис. 1. Токаревское и даберготцское рала

1 — рало из Токаревского торфяника; 2 — опыт его реконструкции; 3 — даберготцское рало; 4 — дополнительный ральник даберготцского рала

боте двигался не вполне горизонтально, а несколько приподняв пяту. Некоторый изгиб грядиля, а также отверстие у места его слома позволяют считать, что грядиль либо был составным, либо к нему при помощи гибкой связи (цепи или веревки) присоединялся валек, к которому припрягались упряжные животные. Все остальные торфяниковые рала из Восточной Европы имели длинный цельный грядиль, соединявшийся, очевидно, непосредственно с ярмом.

Д. Т. Березовец, давший первое, но не совсем точное описание пахотного орудия из Токаревского торфяника, предположил, что оно было снабжено железным широколопастным наконечником и односторонним отвалом и, следовательно, было ранней формой плуга в узком смысле этого слова. Исходя из такой реконструкции, он датировал орудие второй половиной I тысячелетия н. э. и рассматривал в качестве прообраза позднейших украинских плугов⁴. Однако для такой реконструкции нет оснований, на что в свое время уже указывал Б. А. Шрамко⁵. Рабочая часть пахотного орудия из Токаревского торфяника не несет каких-либо следов железного наконечника. Этому не соответствует и форма ее поперечного сечения: из этнографических материалов явствует, что у пахотных орудий, снабженных железными наконечниками, поперечное сечение рабочей части всегда было полуовальным⁶. Нет у токаревского орудия и каких-либо следов крепления отвала, ни одностороннего, плужного, ни двустороннего, симметричного, нередко встречающегося у рал. Вполне очевидно, что пахотное орудие из Токаревского торфяника должно рассматриваться как симметрично работающее пахотное орудие — рало, причем такое рало, которое не имело ни железного наконечника на рабочей части полоза, ни отвальных приспособлений.

Именно таким образом рассматривали его авторы монографии о народных пахотных орудиях украинцев, принимая лишь датировку Д. Т. Березовца⁷. Давая краткую характеристику токаревского рала, которое они без достаточных оснований считали древнейшим на Украине, авторы монографии интерпретировали отверстие в начальной части грядиля как предназначенное для стойки, соединявшей грядиль и полоз. Такое мнение следует, однако, признать ошибочным. Ему противоречит, во-первых, направление указанного отверстия (стойка должна укрепляться либо перпендикулярно к полозу, либо под очень небольшим углом к нему); во-вторых, то обстоятельство, что рала рассматриваемой конструкции благодаря жесткости своей основы совсем не нуждаются в укреплении стойкой и, судя по этнографическим, древним иконографическим и археологическим данным, никогда ей не снабжались; наконец, в-третьих, для нижнего конца такой стойки должно быть гнездо в полозе, отсутствующее у токаревского рала.

Б. А. Шрамко, обстоятельно и вполне справедливо критикуя реконструкцию Д. Т. Березовца, считал токаревское орудие ралом. По расположению вблизи места его находки поселения скифской эпохи (V—IV вв. до н. э.) он отнес токаревское рало именно к этому времени⁸. Такая датировка без оговорок принята рядом исследователей. Нельзя однако, не отметить шаткости подобного основания для датировки. К тому же в непосредственной близости от Токаревского торфяника находится и поселение эпохи бронзы⁹.

Отличительную особенность токаревского рала, выделяющую его по существу из всех находок рал подобной конструкции в Европе, Б. А. Шрамко видел в том, что оно снабжено железным череслом, которое помещалось в уже упоминавшемся отверстии, продолбленном в начальной части грядиля¹⁰. В качестве косвенного доказательства указанного положения Б. А. Шрамко привел случаи находок на скифских поселениях и в могильниках довольно крупных ножевидных предметов, которые интерпретированы им в качестве чересел¹¹.

Если бы приведенные положения Б. А. Шрамко оказались справедливыми, это в значительной мере меняло бы устоявшиеся представления об истории пахотных орудий в Европе, отодвигая на несколько столетий

время появления чересел и указывая на совсем новый район их введения в сельскохозяйственную практику¹². Однако с предложенной им реконструкцией токаревского рала и интерпретацией в качестве чересел ножевидных орудий из скифских памятников согласиться трудно.

Судя по этнографическому и иконографическому материалу, чересла у пахотных орудий никогда не располагались в грядиле так далеко позади рабочего конца полоза, как это предполагает Б. А. Шрамко для токаревского рала. Это и понятно. Назначение чересла — разрезать сверху пласт земли, перед тем как он будет поднят горизонтальным полозом и раздвинут им по обе стороны орудия — у рал — или отвала на одну сторону — у плугов, имевших односторонний отвал. Поэтому чересло должно устанавливаться в грядиле впереди рабочей части пахотного орудия или непосредственно у его рабочего конца. Оптимальные размеры угла, под которым чересло входит в разрезаемую землю, составляют около 120° ¹³. У токаревского рала, согласно реконструкции Б. А. Шрамко, чересло должно было разрезать слой почвы, входя в него под углом более 150° , что исключает нормальное разрезание дернового пласта.

Применение чересел приобретает смысл лишь вместе с наконечником, имеющим широкую лопасть,двигающимся практически горизонтально, подрезающим снизу широкий пласт земли. Токаревское рало было не таким. Наконец, по предложенной Б. А. Шрамко реконструкции, длина чересла у токаревского рала должна была превышать 65—70 см. Чересла таких размеров в восточноевропейском археологическом материале неизвестны. Длина чересел черняховского времени, когда они впервые появляются на рассматриваемой нами территории, составляет 32—42 см, из материалов второй половины I тысячелетия н. э. — 36—45 см, из древнерусских домонгольских памятников — 36—55 см. Лишь у самых крупных плугов недавнего прошлого длина чересел изредка достигает 65—70 см.

Что касается интерпретации ножевидных предметов из скифских памятников, то признать их череслами трудно прежде всего из-за небольших размеров (общая длина 19—25 см при длине режущей части 10—15 см). Они были значительно меньше, чем самые маленькие чересла из археологических материалов как Восточной Европы, так и других районов, где были известны эти принадлежности пахотных орудий. Такими череслами не могли оснащаться не только кривоградильные орудия, у которых грядиль относительно высоко поднят над землей, но и самые небольшие прямоградильные рала. Естественно, что ни один из таких предметов не мог быть установлен на токаревском рале. Размеры и форма этих предметов позволяют считать, что они были просто крупными ножами. Именно так они обычно и рассматриваются исследователями.

По нашему мнению, назначение отверстия, проделанного в начальной части грядиля токаревского рала, может быть истолковано однозначно. Судя по этнографическим и иконографическим данным¹⁴, а также по аналогии с известным дабергготцским ралом¹⁵, в него вставлялся длинный, целиком деревянный или оснащенный железным наконечником дополнительный ральник, назначение которого — взрыхлять землю, перед тем как полоз поднимет ее снизу и расширит проделанную борозду (но не разрезать ее в вертикальной плоскости, как это делается череслом). У дабергготцкого рала (рис. 1, 3) такой целиком деревянный дополнительный ральник сохранился полностью (рис. 1, 4). Его общая длина около 0,65 м, длина весловидного расширения лопасти немного более 0,2 м, ширина лопасти до 0,05 м, диаметр черешка около 0,03 м. В гнезде грядиля он закреплялся клиньями. Очевидно, близкий по форме и размерам дополнительный ральник был и у токаревского рала. Длина его должна быть не менее 0,65—0,70 м. При установке такого дополнительного ральника в гнезде в начальной части грядиля рабочий конец дополнительного ральника должен был находиться у рабочего конца полоза. Размеры гнезда и направление его оси вполне позволяют закрепить в нем клиньями в нужном положении дополнительный ральник типа дабергготцкого (рис. 1, 2). Такая реконструкция токаревского рала объясняет и многие особенности

его конструкции — расположение места перехода грядиля в полоз у заднего конца последнего, сравнительную узость полоза и т. п.

Нельзя не обратить внимание на очень большую близость токаревского и даберготцкого рал. Даберготцское рало — единственная в археологическом материале полная аналогия токаревскому. Это сходство не ограничивается наличием отверстия в начальной части грядиля. Полоз у обоих рал узкий и длинный, имеет сходное поперечное сечение; место перехода грядиля в полоз у обоих орудий приходится на задний конец полоза; одинаков характер изгиба грядиля; в грядиле примерно на одинаковом расстоянии от его начала имеются сквозные отверстия, предназначенные, как уже упоминалось, либо для присоединения валька, либо для скрепления со второй частью составного грядиля. Очень близки размеры и пропорции рассматриваемых орудий (табл.).

Т а б л и ц а

Основные измерения токаревского и даберготцкого рал (в м)

Измерения	Токаревское рало	Даберготцское рало
Общая длина полоза	0,68	0,72
Длина полоза от переднего конца до оси грядиля	0,55	0,56
Ширина полоза у пяты	0,09	0,08
Ширина полоза в средней части	0,06	0,06
Высота полоза у пяты	0,13	0,10
Наибольшая высота грядиля от нижней грани полоза	0,40	0,42
Наименьшая высота грядиля от плоскости нижней грани полоза	0,30	0,30
Длина по прямой от перпендикуляра, восстановленного от начала грядиля, до отверстия на переднем конце грядиля	0,65	0,60

Имеются и некоторые различия. Так, если у токаревского рала грядиль отогнут от оси полоза влево, то у даберготцкого — вправо. И то и другое довольно обычно у рал. У даберготцкого рала на переднем конце полоза имеется небольшое углубление, в которое частично входил передний конец дополнительного ральника. У токаревского рала такое приспособление отсутствует. Даберготцское рало сделано более аккуратно, грядиль у него более тонкий, чем у токаревского. Но эти и некоторые другие различия вряд ли можно признать существенными.

Таким образом, токаревское рало вместе с ралом Даберготца должны быть выделены в особую группу кривогрядильных рал, характеризующуюся дополнительным ральником. Совокупность древнего иконографического, археологического и этнографического материала позволяет высказать предположение, что эта группа рал сложилась в конце эпохи бронзы или в начале железного века на севере Европы при взаимовлиянии кривогрядильных, грядильных рал, с одной стороны, и однорукоятчатых кривогрядильных — с другой¹⁶.

Учитывая большую близость токаревского и даберготцкого рал, распространяющуюся как на общую схему конструкции, так и на размеры, пропорции и детали устройства, можно предположить не только одинаковые традиции их изготовления, но и хронологическую близость. Последнее особенно важно, так как других достаточных оснований для датировки токаревского рала нет.

Даберготцское рало длительное время датировалось периодом раннего железа на основании его находки в торфянике выше субатлантического пограничного горизонта¹⁷. Однако проведенный недавно радиоуглеродный анализ определил для него иную дату — 733 ± 80 лет н. э.¹⁸ В то время территория, где найдено даберготцское рало, была заселена славянами, что дает основание рассматривать его как славянское¹⁹. По-видимому, эти данные должны учитываться при оценке возраста токаревского рала и

попытке определить его этническую принадлежность. Это, конечно, не означает, что рала рассматриваемой разновидности употреблялись только славянами.

В Восточной Европе известны находки железных втульчатых наконечников (рис. 2), которые по своим размерам и пропорциям должны интерпретироваться как принадлежности дополнительных ральников типа дабергготцского²⁰. Они имеют удлиненные пропорции, сильно различаются общей длиной (от 14—15 до 30—33 см), средняя ширина втулки у них варьирует от 3,8 до 5 см при отношении общей длины наконечника к его наибольшей ширине как 2,1:5. Поперечное сечение втулки всегда округлое, лопасть прямая в продольном сечении, имеет бóльшую ширину, чем втулка.

От других наконечников они отличаются меньшей шириной втулки при большем отношении общей длины к наибольшей ширине; от сошников, имеющих также удлиненные пропорции, — формой и шириной втулки. Ширина втулки у серии таких наконечников практически не изменяется с изменением их общей длины, что отличает их от всех других наконечников пахотных орудий. Это обстоятельство, а также округлое поперечное сечение втулки говорят о том, что такие наконечники работали под значительным углом к почве. Очень небольшая ширина втулки заставляет предполагать, что они устанавливались на дополнительных ральниках, которые, как уже отмечалось, имели небольшую толщину, равную по всей длине. Наличие таких наконечников в археологическом материале Восточной Европы подкрепляет предложенную реконструкцию токаревского рала.

Наконечники рассматриваемой разновидности найдены на поселениях Галиш-Ловачка в Закарпатье (I в. до н. э. — II в. н. э.)²¹, Круглик в Черновицкой обл. (рис. 2, 1; начало н. э.)²², близ с. Кличаново в Закарпатье (рис. 2, 2; точной даты не имеет)²³, на городище Волинцево в Сумской обл. (VIII—X вв.)²⁴, на селище Лебедка в Орловской обл. (рис. 2, 3; VIII—X вв.)²⁵, а также в Гомеле, в слое XIII в.²⁶ Находки аналогичных наконечников зафиксированы также на севере ФРГ²⁷ и ГДР²⁸, в Австрии²⁹, Чехословакии³⁰, Венгрии³¹, Югославии³², где датируются периодом от позднего римского времени до средневековья. Функционально близки к этим втульчатым наконечникам и также могут быть связаны с рассматриваемой разновидностью рал черешковидные и лопатовидные наконечники³³. Первые являются вообще самой ранней формой железных наконечников пахотных орудий в Европе, вторые были наиболее широко распространены на севере Балкан, где дожили до недавнего времени под названием палешников. Лопатовидные черешковидные наконечники на территории нашей страны найдены на позднеантичном Семеновском поселении в Крыму³⁴, на Райковецком и Щучинском городищах домонгольского времени³⁵. Распространение втульчатых наконечников рассмотренной выше группы, а также черешковидных и лопатовидных наконечников хорошо очерчивает ареал пахотных орудий, близких по конструкции к дабергготцскому и токарев-

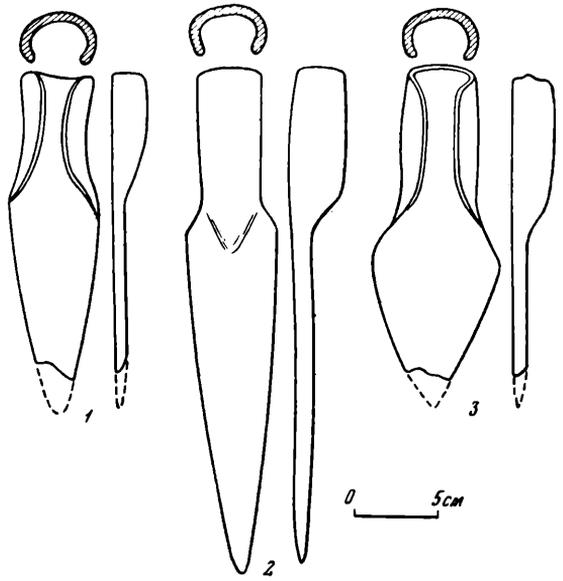

Рис. 2. Железные наконечники дополнительных ральников

1 — поселение Круглик; 2 — Кличаново; 3 — селище Лебедка

скому ралам, а их датировка указывает на время бытования таких орудий в древности и средневековье.

По этнографическим данным такие рала в Восточной Европе не зафиксированы. По-видимому, они вышли из употребления очень давно. В материалах позднее XIII в. их железные наконечники уже не встречаются.

- ¹ Рало из Токаревского торфяника хранится в Сумском краеведческом музее. Наиболее подробное и точное описание, а также чертеж и фото орудия см.: *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. — СА, 1961, № 1, с. 75—83, рис. 1; 2.
- ² *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, с. 27—33, 108.
- ³ При оценке приведенных здесь и далее размеров древних рал, найденных в торфяниках, необходимо учитывать поправку на деформацию дерева в торфе и при усыхании после выемки из торфяника. Величину такой поправки сейчас, конечно, нельзя установить.
- ⁴ *Березовец Д. Т.* Плуг з Токарівського торф'овища. — Археологія, 1952, VII, с. 174, 175, рис. 1.
- ⁵ *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия...
- ⁶ *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днестре. — СЭ, 1952, № 4.
- ⁷ *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971, с. 31, 32.
- ⁸ *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия... , с. 83, 84.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 80—82; *Sramko B. A.* Der Ackerbau bei den Stämmen Skythiens im 7—3. Jahrhundert v. u. Z. — Slovenska archeologia, 1971, XXI, 1, S. 149—151.
- ¹¹ *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия... , с. 86—88, рис. 10; *Sramko B. A.* Der Ackerbau... , S. 150, Fig. 3.
- ¹² Первое упоминание о череслах в письменных источниках имеется у Плиния (HN, XVIII, 171). Древнейшие бесспорные находки чересел зафиксированы в последних веках до нашей эры в Англии (*Payne F. G.* The Plough in Ancient Britain. — Archaeological Journal, 1948, t. CIV, p. 3, tabl. 1), в словенском Приморье (*Gabrovac S.* Prasgodovinsko-arheološko gradivo za proučevanje rala na Slovenskem... — Slovenski etnograf, Ljubljana, t. XVIII, 1955, tabl. 3), в Австрии (*Schmidt L.* Antike und mittelalterliche Pflügscharen in Osterreich. — Archeologia Austriaca, 1956, Bd 19—20, S. 228). Их считают обычно достоянием кельтской культуры (*Беранова М. К.* К проблематике латенских традиций, провинциально-римских и германских влияний на древнеславянское земледелие. — Vznik ročatky slovanů. Praha, 1960, III, S. 175). Наиболее ранние находки чересел в Восточной Европе датируются черняховским временем.
- ¹³ *Тезр А.* Описание новейших и общепользых земледельческих орудий. М., 1834. Иконографические примеры расположения чересел у средневековых кривоугридных пахотных орудий см.: *Steensberg A.* North-West Europe an Plough-types. — Acta Archaeologica, København, 1937, t. VII, p. 14; *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955, p. 144, 145; *Podwinska Z.* Technika uprawy roli w Polsce sredniowiecznej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962, rys. 131.
- ¹⁴ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 131, 132, рис. 50, 5, 6; *Он же.* Об одном типе пахотных орудий древней Руси. — КСИА, 1976, 146, с. 38—40, рис. 2, 1—4.
- ¹⁵ *Leser P.* Der Pflug von Dabergotz. — Zeitschrift für Ethnologie, 1928, 57, S. 45—46; *La Baume W.* Die vorgeschichtliche Pflüge. — Blätter für deutsche Vorgeschichte. Leipzig, 1937, II, S. 7; *Beranova M.* Zemedelske výroba v 11—14 století na území československa. Praha, 1975, fig. 2, 4, 5; 3.
- ¹⁶ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 132; *Он же.* Об одном типе пахотных орудий... , с. 41.
- ¹⁷ Первоначальная датировка даберготтского рала неолитом не выдерживает критики.
- ¹⁸ *Venitzen U.* Der Hacken von Dabergotz. — In: Tools and Tillage. Copenhagen, 1968, I, 1, S. 50—55.
- ¹⁹ *Beranova M.* Zemedelske výroba... , s. 9; *Грингмут-Далмер Э.* Развитие культурного ландшафта в западославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования. — СА, 1975, № 2, с. 85, 86.
- ²⁰ *Краснов Ю. А.* О классификации наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы. — СА, 1978, № 3, рис. 1; 2, 3, 10.
- ²¹ *Бідзіля В. І.* Поселення Галіш-Ловачка. — Археологія, 1969, XVII, с. 92 сл., табл. II, 2, 3.
- ²² *Пачкова С. П.* Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974, рис. 18.
- ²³ Черновицкий краеведческий музей, № II-484.
- ²⁴ *Довженко В. Й.* Розкопки біля с. Волинцевого Сумської обл. — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952, III, с. 255, рис. 3.

- ²⁵ *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, 72, с. 60, рис. 25, 12.
- ²⁶ Раскопки М. А. Ткачева в 1976 г. Материалы Института истории АН БССР.
- ²⁷ *Podwinska Z.* Technika uprawy roli..., rys. 36.
- ²⁸ *La Baume W.* Die vorgeschichtliche Pflüge, Fig. 18.
- ²⁹ *Schmidt L.* Antike und mittelalterliche Pflügscharen..., Fig. 2.
- ³⁰ *Beranova M.* Zemedelske vyroba..., rys. 6, 2.
- ³¹ *Darnay K.* Kelta Pensverő — se öntő-muchely czloskan. — Archaeologiai Ertésítő, 1910, t. 30, fig. 29.
- ³² *Bratanič B.* Nešto o starosti pluga kod slovena. — Sventilište u Zagrebu, filozofski fakultet. Zbornik radova, 1954, t. II, fig. 11.
- ³³ *Краснов Ю. А.* Об одном типе пахотных орудий...
- ³⁴ *Кругликова И. Т.* Работы Восточнокрымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. — КСИИМК, 1960, 78, рис. 22, 1.
- ³⁵ *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1959, табл. V, 6, 7; *Довженко В. И.* Древнерусские городища на среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС). — СА, 1967, № 4, рис. 12.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ПЕСКОВА

ДРЕВНИЙ ИЗЯСЛАВЛЬ

Городище у восточной окраины с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. УССР впервые было зарегистрировано на археологических картах Волини в 80—90-х годах XIX в.¹ Первое обследование его было проведено в 1949 г. П. Н. Третьяковым, который на основании подъемных материалов отнес городище к XI—XIII вв. В 1954 г. здесь побывал М. К. Каргер, а в 1957 г. экспедиция под его руководством приступила к планомерному изучению памятника². Раскопки продолжались в течение восьми полевых сезонов (1957—1964 гг.) и дали богатейший материал. В настоящее время многотысячная коллекция вещей из раскопок М. К. Каргера на городище передается на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж. Исследователю удалось вскрыть всю площадь городища в границах первого (внутреннего) вала, объединяющего посад и детинец, что составило свыше 3,6 га.

За годы, прошедшие с момента раскопок, в печати появилось всего два коротких сообщения об этих работах в виде тезисов докладов М. К. Каргера³. Раскопанное поселение было предположительно отождествлено им с летописным древнерусским городом Изяславлем. К материалам раскопок городища обращались многие исследователи. Были обработаны и опубликованы отдельные категории вещей этой богатейшей коллекции⁴. Кроме того, остались неизданными работы О. В. Овсянникова о керамике⁵, А. В. Кирьянова о сельском хозяйстве и большая часть исследования А. Н. Кирпичникова об оружии древнего Изяславля. Частично изучены костные человеческие останки⁶. И, наконец, совсем недавно появилась краткая информация в «Археології Української РСР»⁷. Обобщающий труд по материалам раскопанного городища М. К. Каргер написать не успел. Настоящая статья продиктована необходимостью введения памятника в научный оборот. Основой для нее послужили краткие предварительные отчеты о полевых исследованиях 1957—1964 гг. М. К. Каргера, подлинные вещевые материалы раскопок, а также полевая документация — чертежи и описи материалов (дневники, к сожалению, не сохранились).

Городище расположено на береговом мысе р. Гуска (по Д. Я. Самоквасову: «...на высоких берегах двух прудов Погорелого и Валового, омывающих это городище с юго-востока и севера»⁸), занимая только часть его (рис. 1). Площадка городища возвышается над уровнем реки на 6—8 м — на детинец и на 8—10 м — в окольном городе и имеет сложную систему укреплений⁹. С напольной стороны и со стороны пониженной стрелки мыса городище защищено тройной линией валов и рвов. Внешняя (западная) линия укреплений как бы отрезает весь мыс от поля и защищает его полностью, в том числе и стрелку мыса,

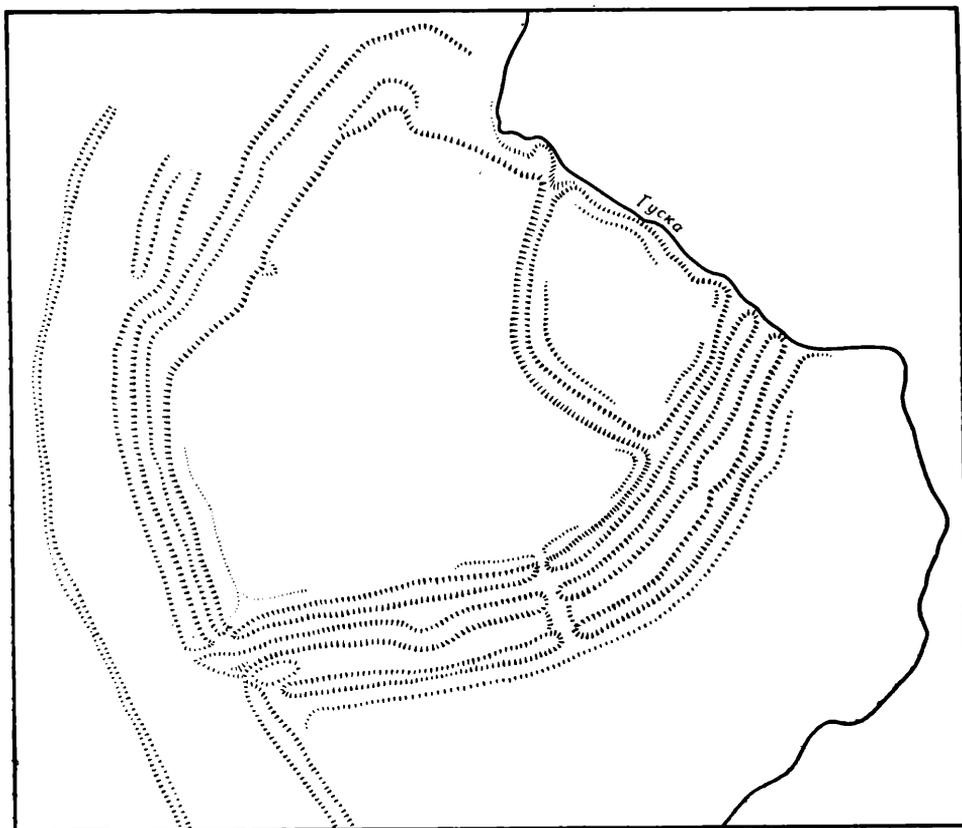

Рис. 1. План городища

остающуюся за пределами юго-восточной линии укреплений. В то же время внешняя линия создает дополнительную площадку окольного города шириной от 30 до 50 м, благодаря чему общая ширина оборонительной линии с напольной стороны увеличивается с 45 (на юго-западе) до 100 (на северо-западе) м. Со стороны стрелки мыса ширина оборонительной линии 50 м.

Рвы, окружающие окольный город, глубиной около 4 м при ширине 10—16 м имеют симметричный треугольный профиль со скругленным (вероятно, заплывшим) дном. Ров между детинцем и окольным городом глубиной 2 м особенно пострадал при распахке. Валы здесь также невелики и к тому же сильно распаханы. В северо-восточной части городища берег круто обрывается к воде, остатки вала здесь едва прослеживаются.

Таким образом, площадка городища была укреплена по всему периметру. Внешние валы чисто земляные, а внутренний вал посада и внешний вал детинца содержат достаточно хорошо сохранившиеся деревянные клетки. Внутривальные клетки представляют собой остатки обуглившихся самостоятельных срубов, рубленных в обло, вплотную поставленных торцами бревен один к другому. Они являлись частью конструкции земляного вала, но не были засыпаны землей, о чем свидетельствуют найденные внутри клеток разнообразные вещи, значительные запасы зерна, обломки керамики, а в отдельных случаях даже печи. Очевидно, клетки служили для обитателей городка жилыми и хозяйственными помещениями. Размеры клеток 3×4; 3×3,5 м, расстояние между срубами 1—1,2 м. Такие внутривальные деревянные конструкции прослеживаются практически по всему периметру площадки городища в границах внутреннего вала окольного города и детинца, включая и участок над

обрывом (северо-восточный вал). В районе главного юго-западного въезда по линии внутривальных конструкций отмечены остатки деревянной башни.

В плане городище производит впечатление круглого (таким оно дано у Д. Я. Самоквасова и В. Б. Антоновича), в действительности же имеет неправильную форму. Оно спланировано с максимальным использованием рельефа местности. Очевидно, крепость строилась по единому, заранее продуманному плану.

Неглубокий ров и едва заметный вал отделяют детинец (его площадь 0,63 га) от окольного города. Этот вал не содержит внутривальных клеток. Проезд между детинцем и окольным городом прослежен не был (он может быть только предположительно реконструирован).

Мощность культурного слоя на городище превышает 1,5 м. Верхний слой сильно распахан. На глубине 0,6—0,8 м и изредка несколько глубже лежит слой пожара с остатками жилых и хозяйственных построек, насыщенный огромным количеством разнообразного инвентаря. Контуры построек не прослеживаются. Очевидно, это были наземные деревянные сооружения. Единственным хорошо фиксируемым признаком жилищ служат остатки глинобитных печей с провалившимися сводом, от которого обычно сохраняется только нижняя часть, а также обожженные куски глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. Возможно, строгая фиксация предметов домашнего обихода вокруг печей и костяков под стенами жилища в дальнейшем позволит в какой-то степени восстановить планировку поселения.

По-видимому, именно внутри и вокруг жилищ и хозяйственных построек концентрируются завалы обгоревшего зерна, жернова и орудия земледельческого труда, а также разнообразный бытовой инвентарь, связанный с оборудованием жилищ (замки, ключи, дверные накладки, скобы, петли), и керамика (одних только целых сосудов здесь обнаружено более 300). Все эти категории вещей представлены многочисленными устойчивыми сериями. Значительное место среди них занимают сельскохозяйственные орудия (чересла, лемехи, серпы, косы, железные оковки лопат), встречающиеся иногда по три—пять экземпляров в одном комплексе. На этом основании М. К. Каргер сделал вывод, что основное население как детинца, так и посада городища было несомненно связано с сельскохозяйственным трудом, хотя отнюдь не исключительно с ним. Немногочисленные находки приспособлений для рыболовства (железные крючки, остроги, глиняные грузила). За все годы раскопок не было обнаружено более или менее значительных скоплений инструментов, сырья и полуфабрикатов, которые позволили бы рассматривать их как комплекс ремесленной мастерской. Тем не менее, на различных участках городища найдено много орудий производства (топоры, тесла, долота, зубила, молотки, пробойники, шилья, напильники, шарнирные ножницы), а также крицы, шлаки, литейные формочки, тигли для плавки серебра, матрицы для тиснения серебряных колтов. Примечательно, что следы керамического производства на городище также не обнаружены, тогда как местный характер основных керамических форм не вызывает сомнений. Не исключено, что мастерские были вынесены за пределы укрепленной территории.

Среди украшений и деталей костюма первое место принадлежит стеклянным браслетам (десятки тысяч фрагментов). К категории массовых украшений можно отнести также и серебряные височные кольца волынского типа, большая часть которых обнаружена в составе небольших кладов (по 8, 11, 13, 18, 20 колец), спрятанных в жилищах. М. К. Каргер отмечал, что «эти украшения, типичные для сельских курганов, найденные здесь наряду с „городскими“ стеклянными браслетами, свидетельствуют о живучести этнографической традиции в женском уборе даже для городского населения столь позднего времени как середина XIII в.»¹⁰. Реже встречаются стеклянные бусы и перстни.

Наиболее яркие ювелирные изделия происходят из кладов: это серебряные колты с черневыми орнаментами на щитках, трехбусинные височные кольца, витые шейные гривны, перстни, браслеты, хрустальные подвески в серебряной оправе, тисненные серебряные бляшки, янтарные крестики. Порой в состав клада входили либо каменная резная иконка, либо бронзовый энколпион, декорированный перегородчатой эмалью. Значительное количество бронзовых крестов-энколпионов, а также каменных и бронзовых крестиков-корсунчиков найдено и вне кладов. Большой интерес представляет коллекция каменных резных иконок, происходящих из разных мест городища.

Поселение в целом охарактеризовано М. К. Каргером как однослойное, датирующееся XII—XIII вв., но было отмечено, что среди многих тысяч керамических фрагментов XII—XIII вв. отчетливо выделяется несколько сотен достаточно крупных фрагментов, найденных вместе с остальными керамическими изделиями в основном слое городища, но относящихся к значительно более раннему времени. В значительном количестве эти фрагменты, из которых удалось восстановить несколько сосудов почти полностью, представляют собой серую лощеную керамику черняховского типа¹¹. Помимо керамики были обнаружены фибулы провинциально-римского типа и костяной гребень с горбатой спинкой. Однако черняховский слой зафиксирован только в северной прибрежной части окольного города. За валами городища на стрелке мыса с помощью магнитометра был обнаружен развал керамической печи, относящийся, судя по находкам керамики черняховского типа, к поселению первых веков нашей эры.

Основная масса находок, поддающихся уточненной датировке, падает на конец XII в. и главным образом на первую половину XIII в. Это в первую очередь оружие, клады и импортные вещи. Мечи, сабли, копья, топоры, булавы, кистени датированы А. Н. Кирпичниковым в пределах XII — первой половины XIII в.; кинжал, кольчуга, племы имеют более узкую датировку — первая половина XIII в.¹², так же как крюк для натягивания арбалета и шпоры со звездчатым колесиком, известные на Руси с 1220—1230 гг.¹³ Прекрасным датирующим материалом для памятника служат ювелирные изделия, особенно украшения. Почти все украшения серебряные тисненные, декорированы чернью, сканью, несут на себе все черты, характерные для древнерусского парадного металлического убора периода феодальной раздробленности (с середины XII в. и до монгольского завоевания)¹⁴.

В составе кладов найдены две пломбы дрогичинского типа и обломки двух княжеских свинцовых печатей XII—XIII вв.¹⁵

Среди импортных вещей обращают на себя внимание два изделия с латинскими надписями. Это бронзовая чаша и маленький серебряный реликварий. Чаша выкована из листовой бронзы с выгравированным изнутри орнаментом (рис. 2). Орнаментальная композиция включает изображения четырех погрудных человеческих фигур, персонифицирующих пороки, с пояснительными надписями под ними. Такие чаши (по классификации Т. Поклевского, тип IIB)¹⁶ изготавливали в маасско-рейнских мастерских на рубеже XII—XIII вв. Они предназначались на экспорт. В Восточной Европе они известны по находкам в Херсонесе, Киеве, Старой Рязани, Риге и других местах. В. П. Даркевич отмечает, что находки сосудов этой группы связаны с торговыми путями¹⁷.

Дату гибели городища подтверждает найденная в слое пожарища византийская бронзовая монета, чеканенная, как считал М. К. Каргер, фессалонийским правителем Федором II Ангелом Комнином (1223—1230 гг.)¹⁸. Интересна в этом отношении и находка серебряного платежного слитка так называемого киевского типа (около 171 г), который уверенно датируется XII—первой половиной XIII в. и, по мнению М. П. Сотниковой, может быть использован для проверки датировки самого Изяславля¹⁹.

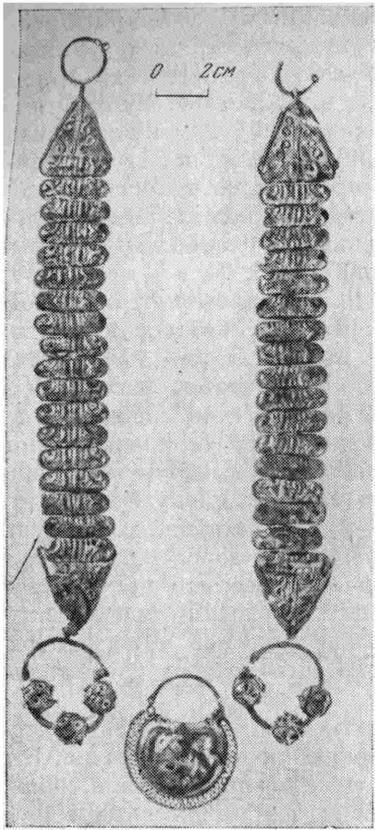

Рис. 2. Романская чаша

Рис. 3. Клад, найденный в башне

Что касается наиболее массового на любом поселении материала — керамики, то вся она датируется XII—XIII вв. О. В. Овсянников пришел к выводу, что ведущие типы керамических сосудов с городища находят подавляющее большинство аналогий в западнорусских землях (Галицкой и Волынской), отдельные типы — на Райковецком городище и в Колодяжине. Меньше прослеживаются связи с Киевом. Отмечено значительное количество амфорной керамики XII—XIII вв., отражающей определенную степень внешних торговых связей поселения²⁰.

Все эти данные, начиная с конструктивных особенностей оборонительных сооружений поселения, разработанной для этого поселения датировки оружия, перекрестной датировки отдельных категорий вещей и кончая керамикой, позволяют с уверенностью датировать памятник серединой XII—первой половиной XIII в.

В настоящее время городища с оборонительными сооружениями описанной выше конструкции хорошо известны²¹. На территории Южной Руси они получили широкое распространение в середине XII в., хотя есть среди них и более ранние. Большинство исследователей связывают такие укрепления с военными крепостями²². «Перед нами картина очень устойчивой, как бы мы сейчас сказали „типовой“, системы строительства»²³, позволяющей заранее учитывать военные требования и хозяйственные нужды гарнизона, которым будет заселена крепость. О том, что Изяславль был именно такой типовой крепостью, свидетельствуют не только связанные с конструкцией вала клетки жилого и хозяйственного назначения, но и большое количество дорогого оружия и доспехов профессионального воина. Среди них несколько шпор с серебряной и золотой насечками, шлем со следами серебряной платировки, булава из шифера, покрытая резным орнаментом. Под развалинами сгоревшей воротной башни был найден частично сохранившийся скелет русского витязя в кольчуге и шлеме, с мечом и копьём.

Большое количество кладов, зарытых одновременно на территории маленького городка, их состав и топография говорят об известной однородности населения. На городище обнаружено 17 кладов, из них девять состоят только из однотипных височных колец волынского типа; остальные восемь — сложные по составу, найдены исключительно в пределах посада (рис. 3). В детинце не найдено ни одного богатого клада. Распределение амфорного материала и импортных вещей также не дает никаких оснований говорить о привилегированном облике детинца. Однако необходимо помнить, что это только первые, предварительные выводы, сделанные на материале, отражающем не столько картину жизни поселения, сколько его состояние после гибели и разграбления. В процессе раскопок не было зафиксировано сочетания в одних комплексах оружия профессионального воина и хозяйственного инвентаря. Это и неудивительно, если учесть обстоятельства гибели городка. Оружие было в этот момент в руках защитников, а не в домах. Следовательно, все же можно говорить о совокупности данных, свидетельствующих о существовании здесь своеобразной социальной группы военных поселенцев.

В то же время пока нет данных, позволяющих рассматривать данную крепость как феодальный замок. Дискуссия, развернувшаяся по этому вопросу в археологической литературе в 60-е годы, все еще актуальна²⁴.

Изяславль возникает в период феодальной раздробленности на пограничье западнорусских земель и Киевского княжества, в районе, подверженном вторжениям кочевников. В этом же районе находятся наиболее близкие ему хронологически и по конструктивным особенностям оборонительных сооружений памятники. Это Колодяжин²⁵, Райки²⁶, Городск²⁷, рассматриваемые исследователями как пограничные крепости. Изяславль среди них занимает особое место.

Он расположен несколько западнее, на водоразделе Случи и Горыни, в районе, который в XII в. уже выходил за пределы собственно Киевской земли²⁸. Скорее всего он был волынской крепостью. Более того, во всем облике материальной культуры городка прослеживаются связи с культурой западнорусских земель и значительный отрыв от киевских традиций. Особенно это чувствуется в керамике, устройстве печей, специфике женского убора (височные кольца волынского типа), тогда как большинство высокохудожественных ювелирных изделий безусловно привозные и вышли скорее всего из киевских мастерских.

Изяславль, так же как Райки и Колодяжин, расположен в районе, вплотную примыкающем к Болоховской земле. В летописи среди болоховских городов они ни разу не упоминаются²⁹. И тем не менее плановая схема укреплений Изяславля и болоховских земляных укреплений, таких как в Губине, Деревиче, Кудине³⁰, на городище близ ст. Разино³¹, в ст. Острополе³², принципиально одинакова: это многорядная система валов и рвов, усложненная иногда своеобразными расширениями этих валов. Появление болоховских укреплений, как и возникновение Изяславля, относится ко второй половине XII — первой половине XIII в.³³

Таким образом, Изяславль представлял собой крупную для своего времени крепость, построенную по единому плану на основе местной традиции, но с учетом общей специфики военного поселения. Восстановление исторического и в какой-то степени социального облика разрушенного городка, определение его места в политической структуре и культуре домонгольской Руси — задача будущих исследований.

М. К. Каргер отождествил раскопанный на берегу Гуски городок с летописным Изяславлем, оказавшимся в 1241 г. на пути движения полчищ Батые из сожженного и разграбленного Киева в западнорусские земли. Летописец вспоминает на этом пути один за другим несколько городов: Колодяжин, Каменец, Изяславль, Кременец, Данилов. Колодяжин и Каменец уже отождествлены с сохранившимися донныне городищами у с. Колодяжное и у с. Каменка на Случи. М. К. Каргер предположил, что упомянутый между Каменцем и Кременцом город Изяславль, ныне расположенный несколько западнее с. Городище на берегу Горыни, был

перенесен на это место во второй половине XIII в., после того как более древний город был дотла сожжен и разрушен монголо-татарскими полчищами. Остатком этого более древнего города, имя которого перешло на вновь отстроенный город на Горыни, и является городище у с. Городище³⁴. «Для того чтобы высказанная здесь гипотеза превратилась в научно-обоснованное положение, необходимы дополнительные археологические исследования на территории современного Изяславля», — замечает автор в заключение. Хочется добавить, что гипотеза эта убедительно подтверждается археологическим материалом. Город был сожжен и разграблен, жители его уничтожены. Город-крепость превратился в пустырь. Жизнь здесь больше не возобновлялась. Земля сохранила не только груды человеческих костей, но и множество бытовых вещей, в том числе и орудий сельскохозяйственного производства, оставшихся не собранными (местное население было вырезано, а захватчикам они были не нужны). Исследованиями Д. Г. Рохлина³⁵ установлено, что в момент катастрофы за стенами крепости находилось более 1,5 тыс. человек, и этот город-крепость стал кладбищем. Неудивительно, что новый город с тем же названием возник уже на новом месте.

Дальнейшее изучение этого богатейшего комплекса находок может раскрыть яркую картину жизни и гибели одного из городков-крепостей Южной Руси накануне монголо-татарского вторжения.

¹ Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. СПб., 1888, с. 51; Антонович В. В. Археологическая карта Волынской губернии. — Труды XI АС. М., 1901, т. I, с. 104.

² Каргер М. К. Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ЛГУ в 1957 г. Архив Института археологии АН УССР, с. 2, 3. Здесь же хранятся и отчеты о раскопках последующих годов, упоминаемые ниже.

³ Каргер М. К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, с. 59; Он же. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. — Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии. М., 1965, с. 39—41; Шилик К. К. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 252—255.

⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — САИ, 1966, в. Е1-36, в. 1, 2; 1971, в. 3 (каталог); Он же. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973 (каталог); Он же. Крюк для натягивания самострела (1200—1240 гг.). — КСИА, 1971, 125, с. 100—102; Он же. Мечи из раскопок древнего Изяславля. — КСИА, 1975, 144, с. 30—34; Овсянников О. В. О замках болгарского типа. — СА, 1971, № 1, с. 258—260; Шапова Ю. Л. Браслеты Изяславля. — В кн.: Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 160—165; Она же. Стекланные браслеты Изяславля. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 85—87; Сотникова М. П. Серебряный слиток с Изяславля-городища. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 64—66. Отдельные категории вещей из раскопок на городище учтены в работах сводного характера: Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, 1966, в. Е1-57, с. 10; Кирпичников А. Н. О времени появления шпоры со звездочкой на территории древней Руси. — *Kwartalnik historii kultury materialnej*, 1973, г. 21, № 2, с. 301—304; Он же. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 60, рис. 26; Розенфельдт Р. Л. Янтарь на Руси (X—XIII вв.) — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 205.

⁵ Приношу благодарность О. В. Овсянникову за предоставленную возможность ознакомиться с его рукописью «Керамика древнего Изяславля».

⁶ Рожин Д. Г. Кости людей из разрушенного древнерусского городища близ Шепетовки. — В кн.: Болезни древних людей. М.; Л., 1965, с. 208—211.

⁷ Городище поблизу с. Городище на Волині — В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1975, т. 3, с. 276, 277.

⁸ Сборник топографических сведений... , с. 51.

⁹ Реконструкцию профиля оборонительной системы окольного города Изяславля см.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... , с. 60, рис. 26.

¹⁰ Каргер М. К. Отчет о раскопках... в 1958 г., с. 10.

¹¹ Каргер М. К. Отчет о раскопках... в 1960 г., с. 12.

¹² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (каталог).

¹³ Там же, с. 78. Подробнее см.: Кирпичников А. Н. Крюк для натягивания самострела... ; Он же. О времени появления шпоры со звездочкой...

- ¹⁴ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — СА, 1950, XIV, с. 227, 228.
- ¹⁵ Печати: 1. Святой воин с копьем и неизвестный святой; 2. Святой воин (Георгий? Федор?) и архангел. Определение печатей М. П. Сотниковой.
- ¹⁶ Roklewski T. Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. Łódź, 1961, s. 25, 26.
- ¹⁷ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла..., с. 56.
- ¹⁸ Каргер М. К. Отчет о раскопках... в 1957 г., с. 14.
- ¹⁹ Сотникова М. П. Серебряный слиток..., с. 66.
- ²⁰ Эти данные приводятся в рукописи О. В. Овсянникова «Керамика древнего Изыславля».
- ²¹ Кучера М. П. Про один конструктивный тип давньоруських укріплень в Средньому Подніпров'ї. — Археологія, 1969, XXII, с. 180—195.
- ²² Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, 1967, 140, с. 172, 173, 194.
- ²³ Воронин Н. Н. В. К. Гончаров. Райковецкое городище [Рец.]. — ВИ, 1951, № 7, с. 121.
- ²⁴ См., например: Юра Р. О. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина. — Археологія, 1961, XII, с. 92—100; Довженок В. Я. Древньоруські городища-замки. — Археологія, 1961, XIII, с. 95—104; Раппопорт П. А. Из истории Южной Руси XI—XII вв. — История СССР, 1966, № 5, с. 113—116.
- ²⁵ Юра Р. О. Древній Колодяжин. — АП УРСР, 1962, XII, с. 57—130.
- ²⁶ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.
- ²⁷ Гончаров В. К. Раскопки древнего Городска. — АП УРСР, 1952, III, с. 182—186.
- ²⁸ Раппопорт П. А. Города Болоховской земли. — КСИИМК, 1955, 57, с. 59.
- ²⁹ Там же, с. 54.
- ³⁰ Там же, с. 55, рис. 16.
- ³¹ Раппопорт П. А. Военное зодчество..., с. 72—74, рис. 74.
- ³² Терещук К. І. До питання про локалізацію Болохівської землі. — В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, с. 170, рис. 6, 3.
- ³³ Раппопорт П. А. Города Болоховской земли, с. 52.
- ³⁴ Каргер М. К. Отчет о раскопках... в 1957 г., с. 16, 17.
- ³⁵ В лаборатории Д. Г. Рохлина исследовались кости, собранные за два сезона раскопок (1957—1958 гг.) примерно с $\frac{1}{5}$ всей площади городища. Было определено около 250 костяков. См.: Рохлин Д. Г. Кости людей...

Г. Н. ПРОНИН, В. В. МИЛЬКОВ

РАСКОПКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1977 г. Новгородским отрядом Института археологии АН СССР производились раскопки городища и курганного могильника у пос. Мареве — центра одноименного района Новгородской обл.

Великий Новгород в эпоху расцвета много внимания уделял обеспечению безопасности своих границ, что выражалось в строительстве порубежных городов на наиболее важных участках водных, а позднее и сухопутных магистралей. В систему южных порубежных крепостей входил укрепленный пункт Мареве, расположенный на берегу р. Маревка, по которой можно было попасть с верховьев Волги в Полу и далее на Ловать и оз. Ильмень. Городище на окраине пос. Мареве отождествляется с известным по письменным источникам XIII—XVI вв. городком Мареве, впервые упомянутым в 1229 г. в связи с нападением на него литовских войск¹. С этого времени он находился в орбите русско-литовских отношений. Согласно договорам Новгорода с Польско-Литовским княжеством в середине XV в. Мареве и окрестности считались смежным владением обеих сторон². В Списке русских городов дальних и ближних конца XIV—начала XV в. Мареве упомянуто дважды — как новгородский и как литовский город. По писцовым книгам конца XV—начала XVI в. Мареве было уже погостом, который после присоединения Новгорода к Москве Иваном III передается во владения Федора Ивановича Бельского, бежавшего в Москву из Литвы. Мареве продол-

жало оставаться укрепленным фортостом, но теперь уже на окраине Великого княжества Московского.

Городище занимает верхнюю площадку ледникового холма-останца, расположенного в излучине левого коренного берега Маревки в 0,2 км к юго-востоку—востоку от центра поселка. Размеры холма по основанию 50×50 м. Площадка городища имеет форму неправильного четырехугольника размерами 32×31 м. Превышение площади над уровнем реки 10—14 м³. Юго-восточный склон городища интенсивно размывается паводковыми водами. Оползнями уничтожено около 40 кв. м площадки. В обрзе склона обнажены культурные напластования, песчаные подсыпки, слои пожаров. Раскоп размерами 8×4,3—5,6 м заложен у края обрыва в месте наиболее интенсивных разрушений. Восточный край раскопа непосредственно примыкал к краю обрыва к реке (рис. 1, 1).

Пахотный слой толщиной 0,2—0,3 м содержал строительный мусор (пережженные камни, куски глиняной обмазки, обломки кирпича) и керамику XV—XVI вв. Первый горизонт культурного слоя представлял собой темный плотный гумус толщиной 0,2 м в северной части раскопа и 0,8 м — в южной. Слой этот лежал поверх мощной прослойки из угля и золы толщиной до 0,15 м (рис. 1, 3—5). Прослойка пожарища содержала бессистемные россыпи перегоревших печных камней и гранитные валуны без следов пребывания в огне (в южной части раскопа). На уровне первого горизонта пожара были также открыты горелые плахи, залегавшие в несколько рядов и ориентированные по линии север—юг. Среди плах встречались вертикально стоявшие перегоревшие столбики диаметром до 20 см (рис. 1, 2). В центральной части раскопа обнаружена очажная яма, восточный край которой уничтожен оползнем. Яма была заполнена золисто-углистой массой и сползшими на дно валунами (рис. 1, 2). В верхнем горизонте культурного слоя и в слое пожара обнаружены широколезвийные ножи с длинными черенками, типичные для XIV—XV вв. (рис. 2, 1, 4)⁴; ледоходный шип (рис. 2, 16); пряслица из серого камня (рис. 2, 14, 15, 17); фрагмент железной дужки ведра; несколько неопределенных фрагментов металлических предметов. Керамика представлена обломками серых или черных тонкостенных, хорошо обожженных сосудов. Преобладают формы с небольшими, слегка отогнутыми наружу венчиками, низкими шейками, выпуклыми плечиками. Большинство сосудов не орнаментировано, изредка встречается узор в виде параллельных или волнистых линий в верхней части сосудов (рис. 3, 1—12). Подобная керамика датируется XV в.⁵

Второй горизонт культурного слоя — серый рыхлый гумус, лежавший на прослойке углей мощностью 5—12 см. Слой этот был выявлен только в южной части раскопа и имел резкое падение в южном направлении (перепад до 0,8 м). Какие-либо конструкции в этом горизонте не обнаружены (рис. 1, 5).

В слое пожара второго горизонта найдены сильно деформированное стремя (рис. 2, 13)⁶; обломок большой костяной иглы (рис. 2, 11); фрагмент бронзового пластинчатого браслета с чеканным орнаментом (рис. 2, 3), аналогии которому датируются XI—XIII вв.⁷; кресало (рис. 2, 12), относящееся к развитым формам XIII—XV вв.⁸; ключ от цилиндрического замка XIII в. (рис. 2, 9)⁹; три лезвия ножей с удлиненной и зауженной рабочей частью, что характерно для XII—XIII вв. (рис. 2, 5—7); костяной миниатюрный вертлюг (рис. 2, 8); сероглиняный кубок усеченноконической формы с отломанной рукоятью (рис. 3, 13). Керамика представлена серо- или красноглиняными сосудами с примесью мелкой дресвы в тесте, украшенными линейным, волнистым, ногтевым и зубчатым орнаментом. Преобладают сосуды с комбинированным орнаментом, нанесенным большей частью небрежно (рис. 4). Подобная керамика встречается в Новгороде, на городищах Воронач, Камно, а также на многих других древнерусских памятниках, датирующихся XIII—XIV вв.¹⁰ На основании вещевого комплекса и керамики второй горизонт культурных напластований датируется XIII в.,

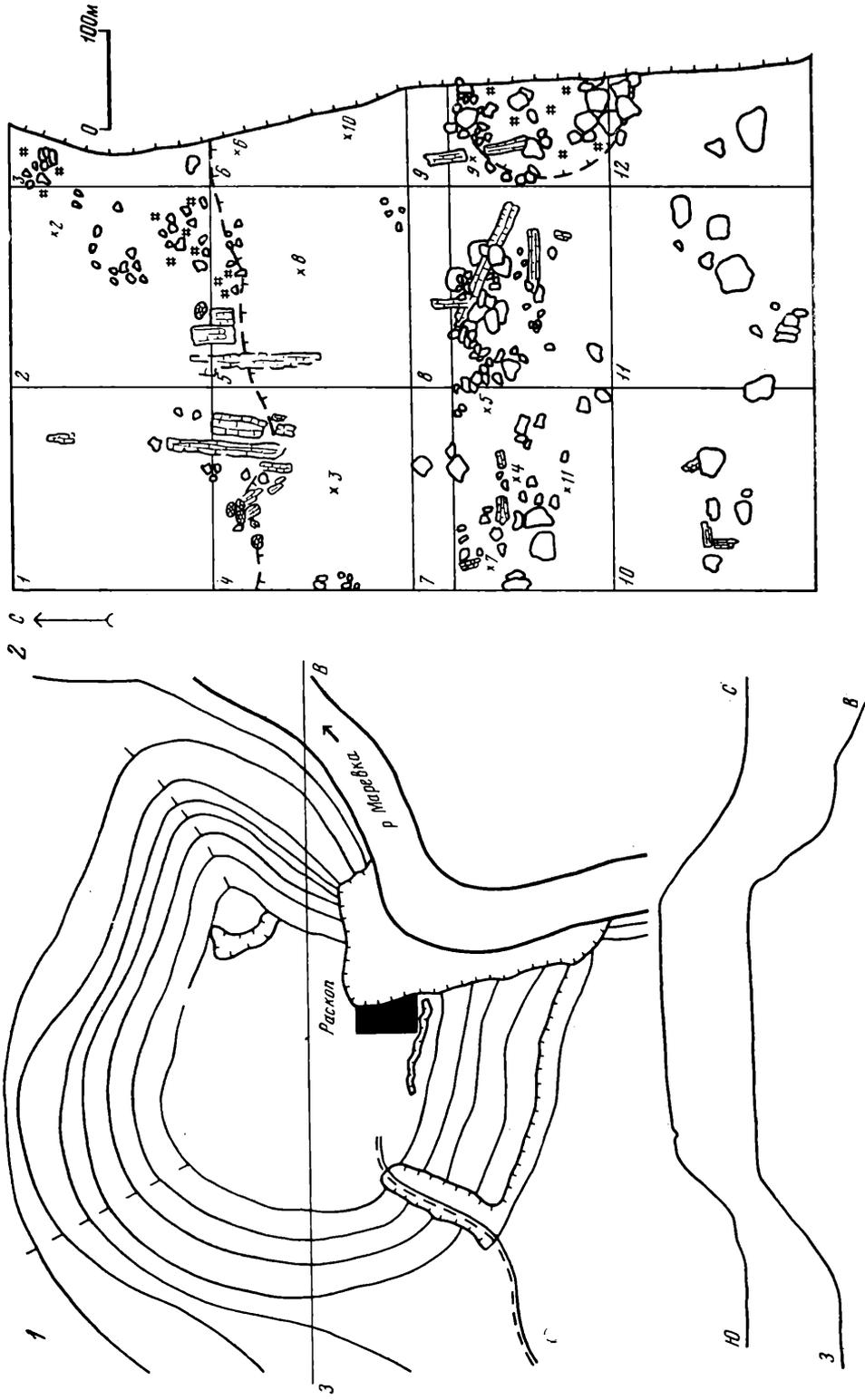

Рис. 1. Городище в пос. Мареве
 1 — план городища; 2 — план раскопа 1977 г. (глубина от 190 до 350 см)

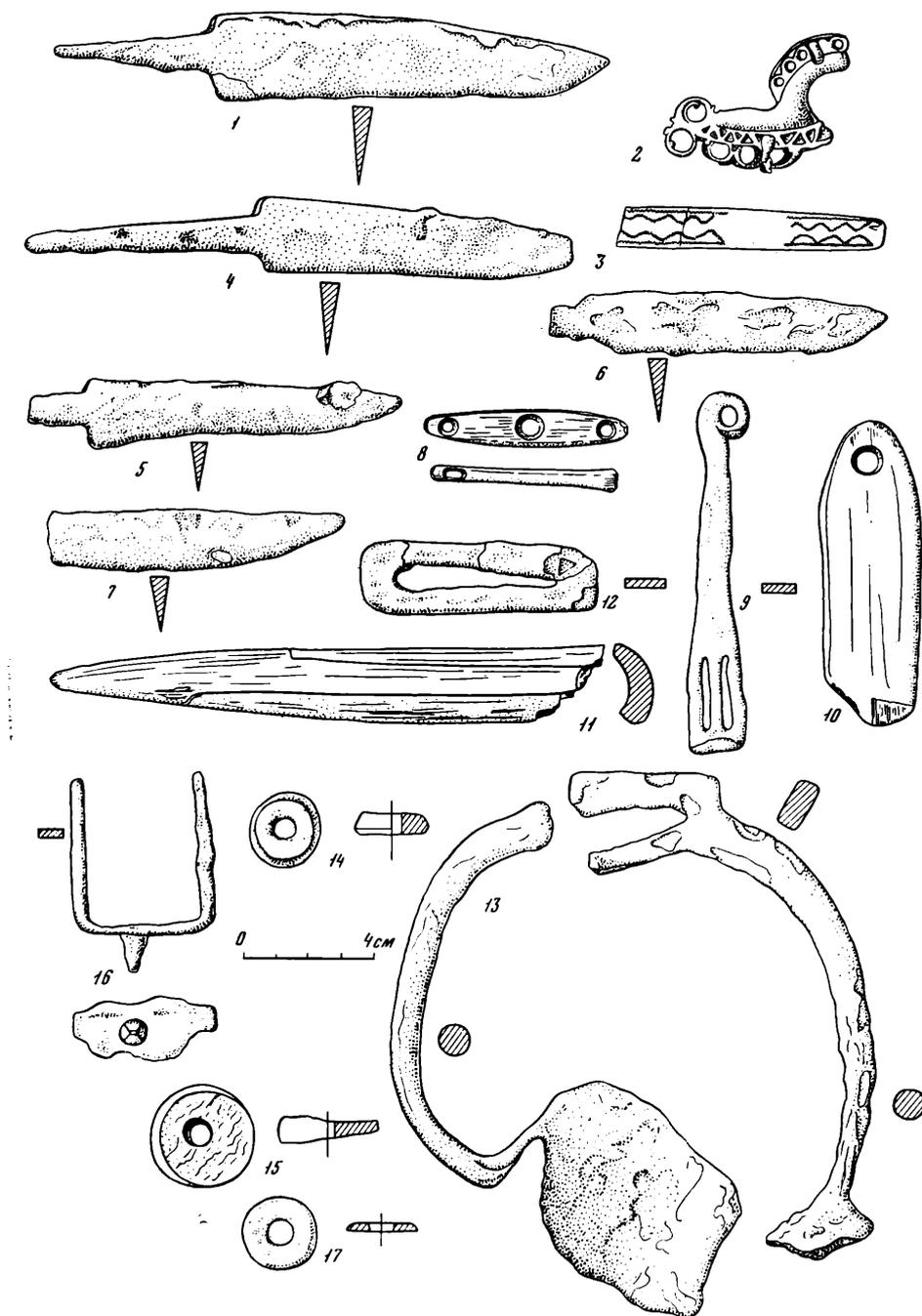

Рис. 2. Вещевой инвентарь из раскопок на городище Мареве (1—17)

а слой пожара можно предположительно связать с одним из литовских набегов, наибольшее количество которых приходится как раз на XIII в.

Ниже второго слоя пожара шли три песчано-гумусные подсыпки, отделенные друг от друга зольно-углистыми прослойками и в одном случае — слоем негорелой, плотно слежавшейся щепы толщиной 10—15 см (рис. 1, 3—5). Общая мощность подсыпок, соответствовавших, очевидно, троекратной реконструкции укрепления после пожаров, достигает 1,2—1,6 м в центре раскопа и 2 м — в юго-восточной его части. Падение материка к югу относительно его наивысшей точки в северо-западном углу раскопа составляет 3 м. На уровне первой подсыпки,

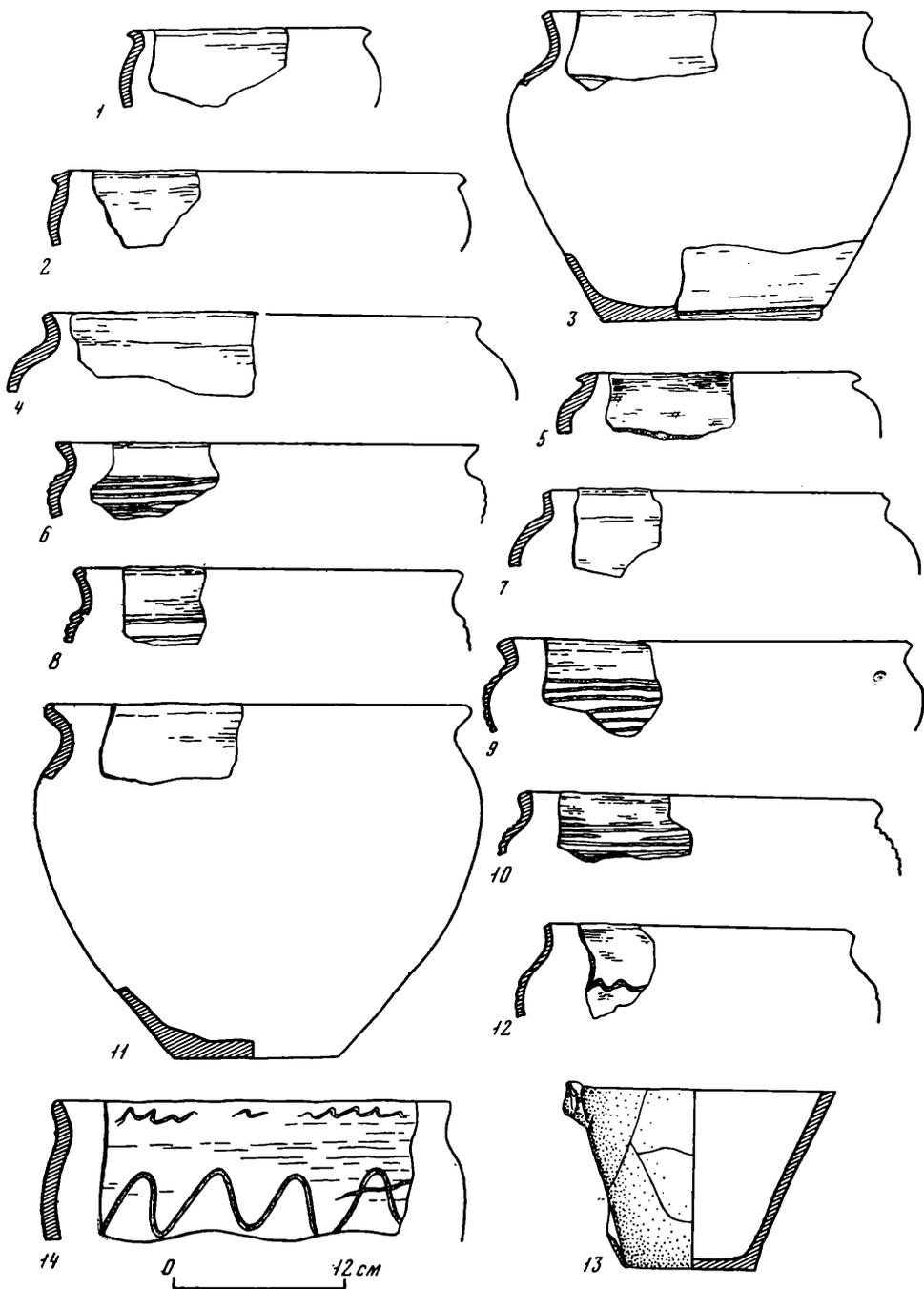

Рис. 3. Керамика горизонтов I и III культурного слоя на городище Марёво (1—14)

перекрывавшей слой золы и угля (наибольшая ее толщина 0,4 м), собрано несколько десятков мелких фрагментов керамики XII—XIII вв. К этому же горизонту относится полный конек-подвеска, аналогии которому датируются XII—XIII вв. (рис. 2, 2)¹¹. В слое щепы, подстилавшем вторую подсыпку, разнородную по составу (гумусированный песок, плотный черный гумус, светлый материковый песок), с включениями песчаных и зольных прослоек (рис. 1, 3—5), найдены фрагменты грубой гончарной керамики с прямыми, слегка отогнутыми наружу венчиками, толстыми стенками, примесью крупной дресвы в тесте, орнаментиро-

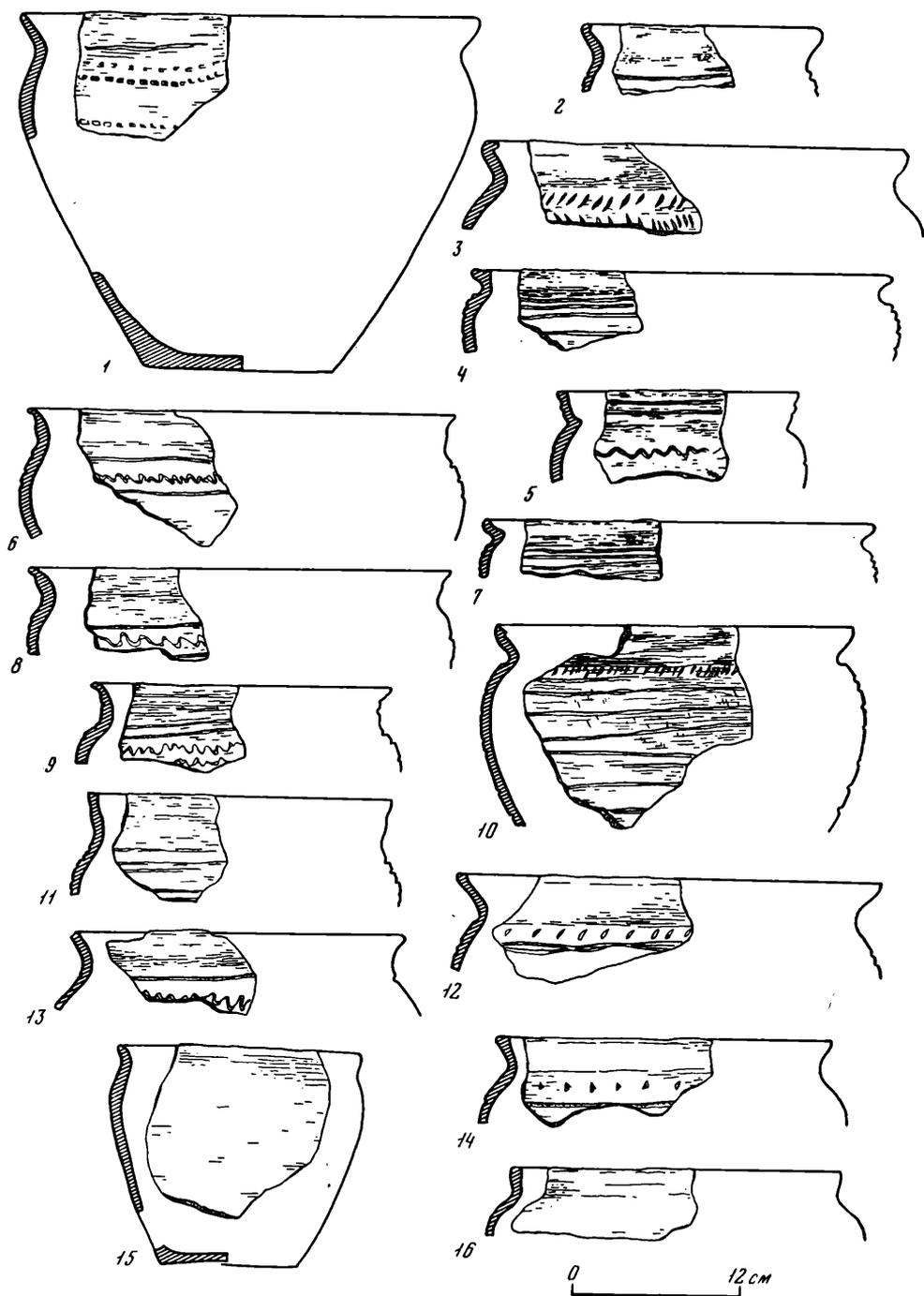

Рис. 4. Керамика горизонта II культурного слоя на городище Марёво (1—16)

ванные редкими «волнами» (рис. 3, 14). Аналогичная керамика встречается в ранних слоях Новгорода, где она датируется X в.¹² Последняя подсыпка перекрывала предматериковый плотный гумус черного цвета (мощность 0,2—0,3 м), который наблюдался только в северной части раскопа. В ней найдено несколько обломков раннегончарной и лепной посуды.

Таким образом, в ходе раскопок выявлено несколько строительных периодов, связанных с укреплением поселения путем ряда последова-

тельных подсыпок, за счет которых усиливалась крутизна склонов, выравнивалась поверхность верхней площадки городища и увеличивалась ее площадь¹³. В ходе дальнейших исследований памятника, вероятно, удастся установить характер укреплений, а также связать слои пожаров с отмеченными в летописях войнами в южном новгородском порубежье.

Проведены раскопки курганной группы в пределах д. Сухоногово, расположенной напротив городища, на возвышенном мысе правого коренного берега Маревки. Поскольку в окрестностях поселения нет других погребальных памятников, предполагалось, что этот могильник связан с одним из периодов жизни на городище.

К моменту раскопок в группе сохранилось восемь курганов. Насыпи полусферические, круглые, высотой от 0,6 до 1,3 м. Семь курганов расположены кучно, а один (курган 6), высотой 2 м, — на некотором расстоянии от них (рис. 5, А). Сохранившиеся насыпи остались от довольно большого курганного могильника. Значительная часть курганов была, вероятно, уничтожена при строительстве церкви, а также кладбищем при ней, часть — при возведении построек современной деревни и распашкой. В 1977 г. раскопаны все сохранившиеся курганы, при этом установлено, что курганы 1 и 7 были не погребальными насыпями, а естественными возвышенностями.

Курган 8 содержал захоронение по обряду трупосожжения. В насыпи (диаметр 3,2 м, высота 0,3—0,4 м), состоявшей из однородного светлого песка, сразу же под дерном (на глубине 0,15 м от поверхности) обнаружено темное углистое пятно диаметром около 0,5 м. Внутри находились кальцинированные человеческие кости (вес около 300 г), и среди них — мелкие обломки сильно поврежденного огнем двустороннего костяного гребня с бронзовыми заклепками. Погребение было повреждено корнями деревьев, так что установить, было ли оно совершено в ямке или просто в насыпи, не удалось.

Остальные курганы содержали погребения по обряду трупоположения. В кургане 2 — одном из самых крупных в группе (диаметр 9 м, высота 1,6 м) — открыто девять погребений на разных уровнях. Умершие положены в вытянутой позе на спине, головой на запад. Все эти погребения были поздними, впускными — на костях сохранились остатки сухожилий, волосы, тлен от тканей. В пяти случаях прослежены доски гробовищ. При двух погребениях (2 и 3) обнаружены наборы из пяти и шести маленьких бронзовых пуговиц (рис. 6, 8, 9). Помимо этого в насыпи встречались разрозненные кости от человеческих скелетов. Насыпь состояла из мешанного, сильно гумусированного темно-коричневого песка, в котором не прослеживались даже контуры могильных ям. Поздними могилами было разрушено, вероятно, и основное захоронение кургана. От него сохранились лишь фрагмент небольшого гончарного сосуда, украшенного линейным орнаментом (рис. 6, 6), найденный в северо-западном секторе кургана на глубине 1 м, и бронзовая спирале-конечная фибула (рис. 6, 7), обнаруженная в насыпи в ногах более позднего погребения, впущенного в западную полу кургана.

Курганы 3—5 содержали захоронения в грунтовых ямах. В кургане 3 (рис. 5, В) могильная яма прямоугольной формы, ориентированная в направлении запад—восток с незначительным отклонением к северу, имела размеры 3,68×1,8 м и была врезана в материк на 0,88 м. Заполнение ямы — темно-коричневый гумусированный песок. В северо-восточном и юго-западном углах ямы, несколько выше материка, лежали два валуна средних размеров. Погребение мужчины расчищено на две ямы. Костяк в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. При погребении найдены бронзовый пластинчатый перстень (рис. 6, 4), железный черешковый нож (рис. 6, 2), в области груди — бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами (рис. 6, 3), у левого бедра — наконечник дротика (рис. 6, 1). В ногах лежал гончарный горшок, украшенный по всему тулову линейным и волнистым орнаментом (рис. 6, 5).

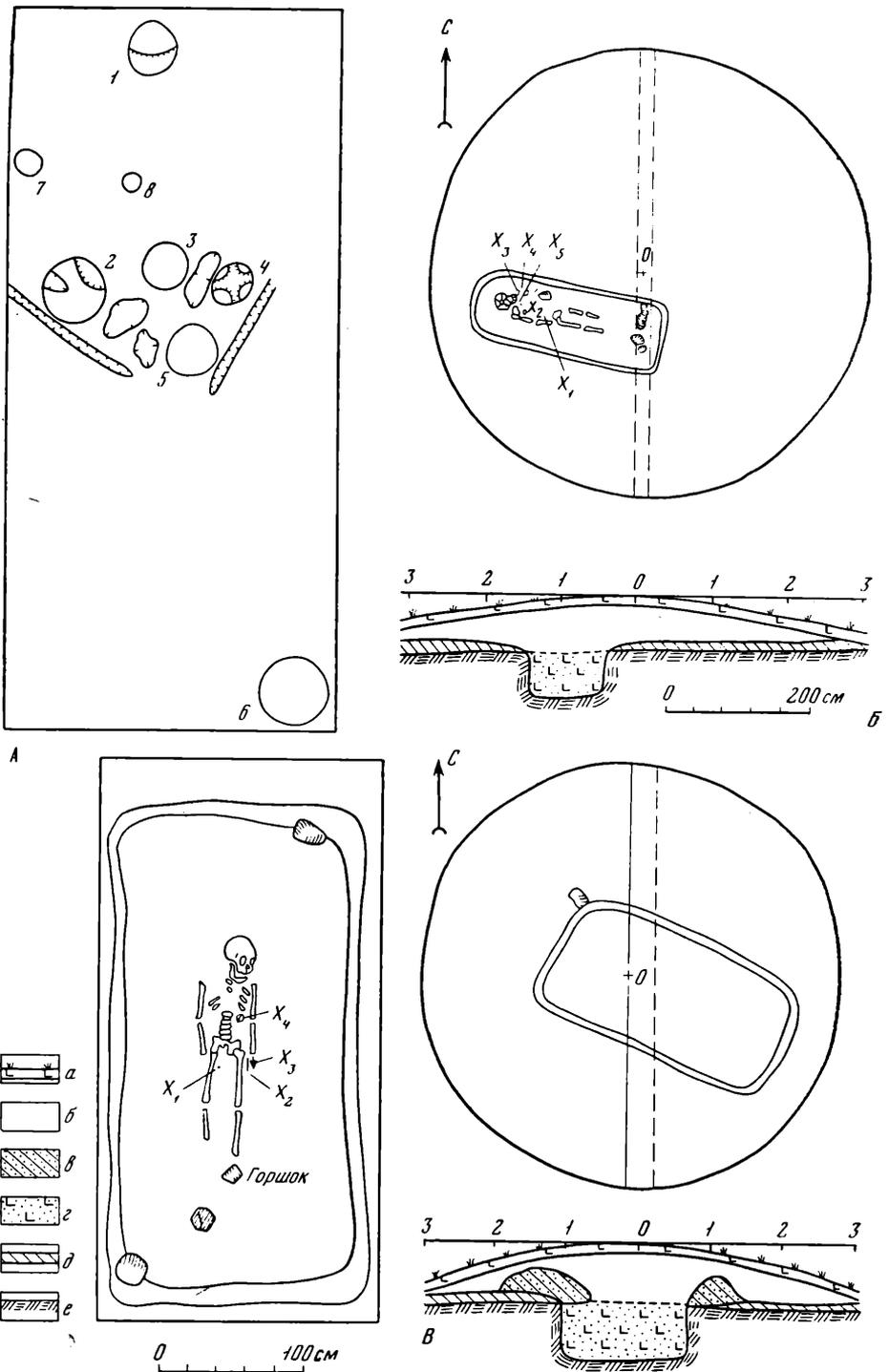

Рис. 5. Курганная группа у д. Сухоногово

а — дерн; б — насыпь кургана; в — материковый выброс; г — заполнение погребальной ямы; д — погребенная почва; е — материк; А — план курганной группы; Б — курган 5, план и разрез: 1 — бронзовый браслет, 2, 4 — браслетообразные височные кольца, 3 — серебряная бусина, 5 — глазчатые бусины; В — курган 3: 1 — бронзовый пластинчатый перстень, 2 — нож, 3 — наконечник дротика, 4 — бронзовая фибула

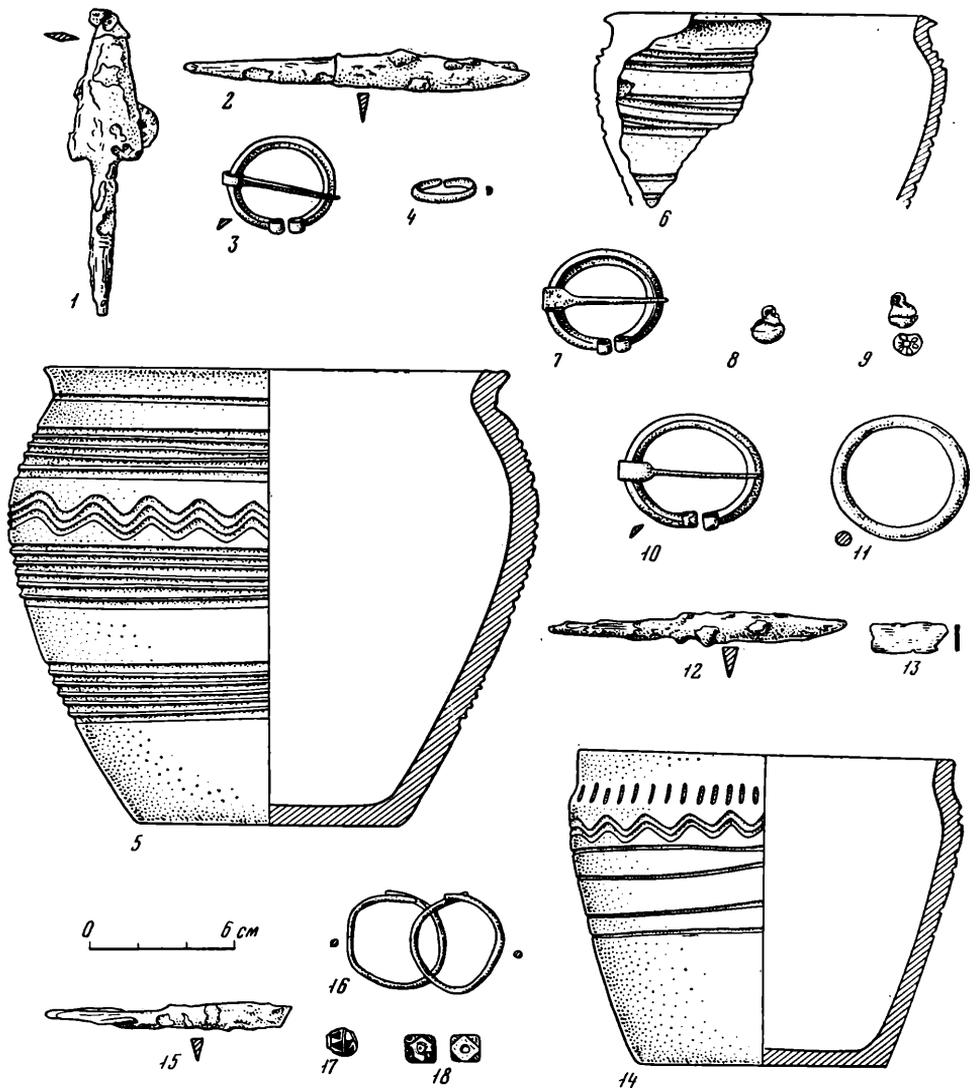

Рис. 6. Инвентарь из курганов у д. Сухоногово

1—5 — курган 3; 6—9 — курган 2; 10—14 — курган 4; 15—18 — курган 5

Курган 4 (диаметр 6 м, высота до 0,72 м) сильно испорчен поздними ямами и корнями деревьев. В его основании отсутствовала прослойка погребенного дерна, срезанная, вероятно, при сооружении насыпи. Могильная яма была врезана непосредственно в материковый песок и имела форму неправильного овала размерами 2,0×1,2×0,5 м, ориентированного в направлении запад—восток. В яме сохранились лишь несколько обломков черепных костей, лежавших у западного ее края, чуть выше материка, и следующий инвентарь: железное кольцо (рис. 6, 11), обломок тонкой железной пластины (рис. 6, 13), железный черешковый нож (рис. 6, 12), бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула (рис. 6, 10) и небольшой гончарный сосуд, украшенный по шейке неглубокими ногтевыми вдавлениями и небрежным глубоко врезанным линейно-волнистым орнаментом по шейке и тулову (рис. 6, 14).

Курган 5 (рис. 5, Б) содержал погребение женщины в грунтовой яме прямоугольной формы размерами 1,48×0,96 м, ориентированной по линии запад—восток. По краям ямы прослеживалась тонкая, едва заметная прослойка древесного тлена. Костяк лежал на дне ямы. Умер-

шая погребена в вытянутом положении, головой на запад, левая рука не сохранилась, правая вытянута вдоль туловища. Среди инвентаря погребения имелись литой бронзовый браслет, украшенный на концах сложным штампованным орнаментом, пять многогранных разноцветных гладких глазчатых и одна серебряная бусины (рис. 6, 17, 18). У шеи и в области груди найдены два бронзовых тонкопроволочных височных кольца среднего диаметра с сомкнутыми заходящими концами (рис. 6, 16), у левого бедра — железный черешковый нож (рис. 6, 15). В ногах погребения у восточной стенки ямы, чуть выше ее дна, лежали в ряд несколько мелких камней.

Инвентарь из курганов у д. Сухоногово имеет многочисленные аналогии среди погребальных древностей древнерусского времени. Все три фибулы относятся к одному типу — подковообразные спиралеконечные треугольного сечения. Для них характерны окончания в два-три завитка, сравнительно небольшой диаметр (4—6 см) и неширокое основание иглы. Основание иглы фибулы из кургана 4 украшено пунсонным и треугольным орнаментом, получившим широкое распространение с XI в. Фибулы этого типа датируются по ближайшим и другим курганным аналогиям X—XII вв.¹⁴

Серебряная сканная и глазчатые многогранные гладкие разноцветные бусины из погребения кургана 5 имеют аналогии в Новгороде в слоях X—XI вв.¹⁵ Височные кольца из того же погребения были распространены в XI—XIII вв.¹⁶ Остальной инвентарь не может служить основанием для датировки.

Керамика представлена ранними формами. Так, горшок из погребения кургана 4 по форме напоминает некоторые лепные сосуды из Городца на Луге¹⁷. Вообще прямой невысокий венчик, слабо выраженные плечики, сочетание различных приемов орнаментации, а также прием нанесения небрежного, глубоко врезанного орнамента практически по всему тулову сосуда (горшок из погребения кургана 3) служат ранними признаками для гончарной посуды.

Таким образом, материалы, полученные в ходе раскопок курганов у д. Сухоногово, позволяют датировать могильник XI—XII вв. и связывать его с одним из ранних этапов жизни на Маревском городище.

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 68.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 105, 106, 131.

³ Таражанова С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. — Труды ГИМ, 1940, XI, с. 159—169. В 1962 г. городище обследовалось М. М. Аксеновым, а в 1969 г. — С. Н. Орловым, который датировал его IX—XVI вв. Он же обнаружил культурный слой у юго-восточной подошвы городища, содержащий позднесредневековую керамику (вероятно, по-сад).

⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 54.

⁵ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 246.

⁶ Датируется по новгородским аналогиям XI—XIV вв. См.: Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 186.

⁷ Левашова В. П. Браслеты. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 235.

⁸ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло. . ., с. 103, рис. 85.

⁹ Там же, с. 87, рис. 70, Б и В.

¹⁰ Белецкий В. Д. Археологические работы в Государственном заповеднике им. А. С. Пушкина. — АСГЭ, 1977, 18, с. 112.

¹¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 250.

¹² Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики. . ., с. 235.

¹³ Аналогичные приемы известны и на других новгородских городищах. См., например: Иванов А. К., Мильков В. В., Орлов С. Н. Работы на городище Княжая Гора. — АО 1976 г. М., 1977, с. 14, 15.

¹⁴ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 153—155.

¹⁵ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 177, 178.

¹⁶ Левашова В. П. Височные кольца. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 15—18.

¹⁷ Ефимова Н. А. Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой. — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 100, рис. 2.

НЕРЕДИЦКИЙ МОГИЛЬНИК *

Уже в начале XX в. исследователи указывали на полное или почти полное отсутствие древнерусских курганов в бассейнах Ловати и Мсты¹. В отдельных случаях отмечалась непосредственная связь сопок с жальниками раннего времени и грунтовыми могильниками на этой территории². Подобные наблюдения делались и в дальнейшем³.

Что же касается рядовых погребальных памятников XI—XIII вв. в окрестностях Новгорода, то о них, исключая, может быть, отдельные безынвентарные труположения в сопках⁴, пока ничего неизвестно.

В связи с этим особый интерес приобретают сведения о Нередицком могильнике, который находился в 3 км от Новгорода, вблизи церкви Спаса на Нередице. Этот могильник был разрушен во время строительства в 1916 г. До сих пор в литературе о нем имеются лишь краткие упоминания⁵. Вещевой материал, попавший частично в Русский музей⁶, не опубликован.

В последнее время в архиве Новгородского музея удалось обнаружить некоторые документы, в какой-то мере создающие представление об этом памятнике. Установлено, что летом 1916 г. при разработке карьера на северной стороне Нередицкого холма были обнаружены древние погребения с инвентарем. Кое-что из вещей разошлось по частным коллекциям⁷, другие были переданы в Археологическую комиссию и оказались в дальнейшем в Русском музее. Антропологический материал частично попал в Музей антропологии и этнографии⁸. В ноябре 1916 г. Московское археологическое общество в лице представителя П. С. Уваровой обратилось в Новгородское общество любителей древности с просьбой установить контроль за работами на Нередицком холме⁹. Находки древних вещей продолжались в конце осени и зимой 1916—1917 гг.¹⁰ С весны 1917 г. Новгородское общество предложило своему члену Н. Г. Порфиридову взять на себя наблюдение за земляными работами. Дальнейших находок, однако, не последовало, так как фронт работ переместился далее к юго-востоку¹¹.

При сопоставлении имеющихся данных можно более или менее точно установить местонахождение разрушенного участка могильника с привязкой его к церкви Спаса.

Так, К. П. Драницын указывает, что найденные погребения «находились в части холма, расположенной к северо-востоку от Нередицкого храма. По отходе работ от этого места далее в сторону Бронниц находки прекратились»¹². Н. Г. Порфиридов уточняет, что погребения найдены не далее 120 саженей от церкви¹³. В архиве Новгородского музея хранится также план части Нередицкого холма с церковью Спаса и указанными границами для разработки карьера¹⁴. На его основе можно примерно определить место находок и восточный край могильника. Сложнее обстоит дело с выяснением южной и западной границ. Правда, В. Знаменский отмечает, что одно погребение было найдено «около первых баряков, что на самом холме около церкви Нередицы»¹⁵. Весьма вероятно, что это погребение находилось вне карьера, тем более что «холм Нередицкий был сильно изрыт выемками земли»¹⁶. О принадлежности погребения к данному могильнику говорят находки с умершим «остатков какого-то сосуда»¹⁷.

Что представлял собой Нередицкий могильник внешне, документы, относящиеся к 1916—1917 гг., не сообщают, но в более ранних источниках содержатся интересные данные.

В 1910 г. Новгородский статистический комитет разослал по всем волостям губернии опросные листы с просьбой сообщить о памятниках археологии. В опросном листе по Никольской волости священник с. Городище указал, в частности, что «к востоку от Спасо-Нередицкой церкви

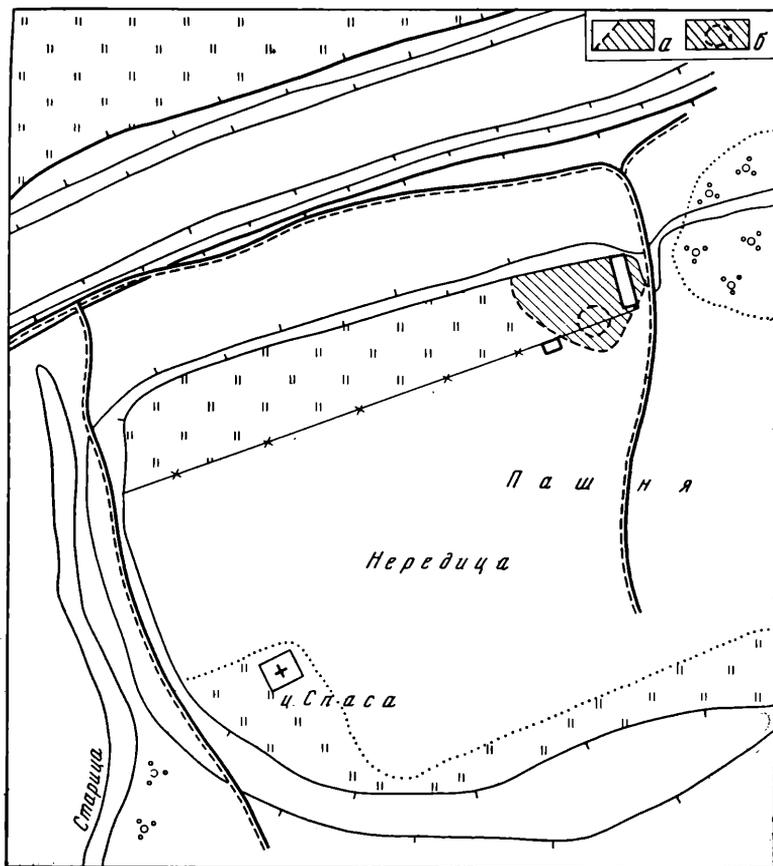

Рис. 1. План северной части Нередицкого холма

а — предполагаемая территория могильника; б — остатки насыпи

среди ровной поверхности поля есть невысокая с отлогими скатами сопка, по-видимому насыпь»¹⁸. Подобные ответы легли в основу книги И. С. Романцева. Однако описание, данное им, отличается от приведенного. Видимо, И. С. Романцев в этом случае воспользовался и собственными наблюдениями. Он пишет: «В 100 саженьях к востоку от церкви курган высотой 1,5 аршина, распахивается»¹⁹.

Слабые остатки возвышенности в месте, примерно соответствующем описанному, прислеживаются и в настоящее время, но из-за сильной распашки определить ее диаметр невозможно. Трудно сказать, что представляла собой эта насыпь первоначально. Возможно, мы имеем дело здесь с распашанной «сопкой». Бросается в глаза ее территориальная близость к раскопанным погребениям (рис. 1). Таким образом, имеются основания реконструировать Нередицкий могильник как грунтовой при сопке или как расположенный на специально насыпанном холме. Могильники при сопках встречаются на новгородских землях. Наиболее известны из них памятники у д. Федово на верхней Мсте и у с. Михаил-Архангел на Волхове²⁰.

Сохранившийся вещевой материал Нередицкого могильника приведен на рис. 2. Вещи полностью аналогичны курганным древностям северо-запада Руси, известным по раскопкам Л. К. Ивановского, В. Н. Глазова и других²¹.

А. А. Спицын датировал Нередицкий могильник XI в.²², но поскольку большинство типов найденных вещей (ромбоцитковые и бусинные височные кольца, подвески-ложечки, бубенчики грушевидные, крестопрорезные и шаровидные со щелевидной прорезью, подвески-ло-

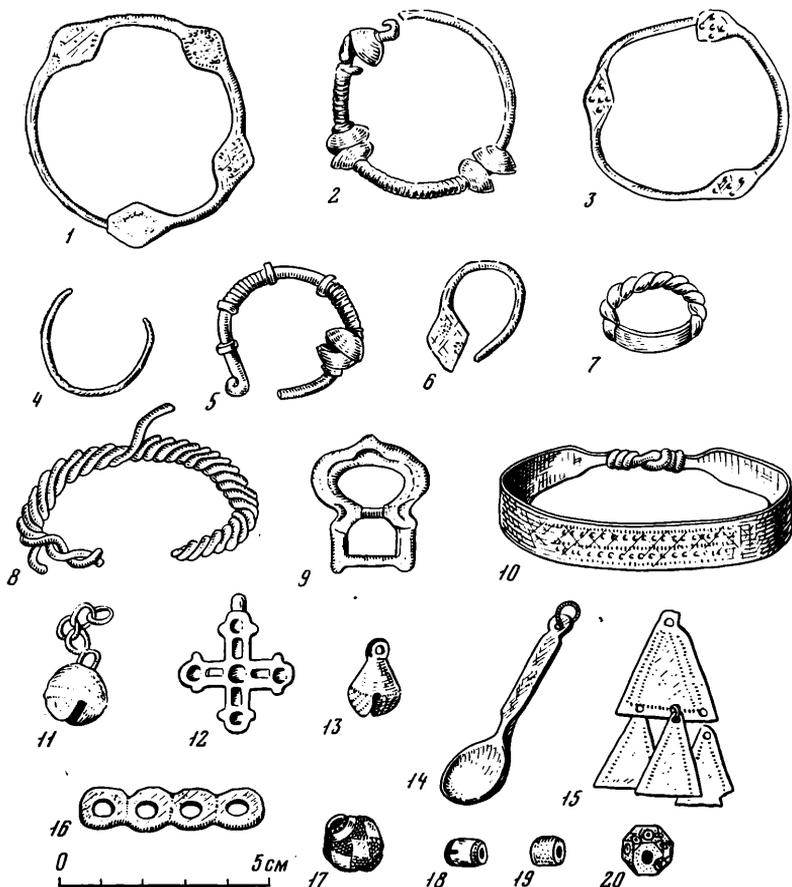

Рис. 2. Погребальный инвентарь из Нередицкого могильника

1—6, 8, 17 — серебро; 7, 9—16 — бронза; 18—20 — стекло

жечки, рубчатые перстни) имеет более широкую дату²³, то целесообразной представляется датировка памятника XI—XII вв. Необходимо добавить, что в коллекции вещей с Нередицкого холма есть несколько более поздних предметов. В их числе медная иконка XVIII в.²⁴ и, возможно, литой серебряный перстень с полусферическим щитком, украшенным орнаментом вида розетки²⁵.

В самом конце XII в. на Нередицком холме была построена церковь и основан монастырь. Но уже до этого времени могильник в северной части холма перестал использоваться для погребений. Нередицкий могильник, весьма вероятно, связан с Рюриковым городищем, расположенным менее чем в 1 км к западу. Интересно отметить, что церковь Спаса (последняя каменная постройка новгородских князей) построена князем Ярославом Владимировичем в 1198 г., т. е. в тот период, когда права князей в Новгороде были значительно ограничены. Постройка церкви в данный период именно здесь свидетельствует о том, что территориально Нередицкий холм и городище составляли единое целое. Это подтверждается и тем, что Нередицкий монастырь назывался также Спасом на Городище²⁶.

* Сообщение, прочитанное 14 апреля 1977 г. на заседаниях сектора славяно-финской археологии ЛОИА. Благодарю А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, В. П. Петренко за высказанные замечания и пожелания.

¹ Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1889, т. XI, в. 1-2; *Он же*. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, т. V, с. 14, 15; *Он же*. К древностям валдайским и

- водским. — ИАК, 1899, 1, с. 60—64; *Тихомиров И. А.* Поездка на р. Мсту. — ЗОРСА, 1903, т. V, в. 1, с. 3—11; *Спицын А. А.* К истории заселения Верхнего Поволжья русскими. — Труды II Областного тверского археологического съезда. Тверь, 1906, с. 3.
- ² *Спицын А. А.* Сопки и жальники. — ЗРАО, 1899, т. IX, в. 1-2, с. 153—155; *Он же.* Старейшие могильники Новгородской земли. — ИАК, 1905, 15, с. 1—5; *Ширинский-Шизматов А.* Федовский могильник. — Труды II Областного тверского археологического съезда. Тверь, 1906, с. 53—62.
- ³ *Пономарев В. С.* Новгородские сопки. Архив ЛОИА, ф. 35, д. 155/1938, л. 60—64; *Никольская Т. Н.* Этнические группы Верхнего Поволжья в XI—XIII вв. — КСИИМК, 1949, XXIV, с. 78—83.
- ⁴ *Богословский Н. Г.* Отчеты о раскопках. — ИОЛЕАЭ, 1878, т. XXXI, с. 205, 206.
- ⁵ *Спицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 12; *Орлов С. Н.* Вновь открытый раннеславянский могильник в Старой Ладого. — КСИИМК, 1956, 65, с. 98, примеч. 3.
- ⁶ Отдел древнерусской культуры, № А86, А148, А816, А817, А824, А827, А830. Благодарю заведующего отделом И. И. Плешанову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с данным материалом и разрешение опубликовать его.
- ⁷ Научный архив Новгородского объединенного музея-заповедника (далее Арх. НГОМЗ), № 3408.
- ⁸ Арх. НГОМЗ, № 3405.
- ⁹ Арх. НГОМЗ, № 3386.
- ¹⁰ Арх. НГОМЗ, № 1970.
- ¹¹ Арх. НГОМЗ, № 3546.
- ¹² Арх. НГОМЗ, № 1970.
- ¹³ Арх. НГОМЗ, № 3546.
- ¹⁴ Арх. НГОМЗ, № 3376.
- ¹⁵ Арх. НГОМЗ, № 3408.
- ¹⁶ Арх. НГОМЗ, № 3408.
- ¹⁷ Арх. НГОМЗ, № 3408.
- ¹⁸ Арх. НГОМЗ, № 12034/8.
- ¹⁹ *Романцев И. С.* О курганах, городищах, жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911, с. 62.
- ²⁰ *Ширинский-Шизматов А.* Федовский могильник, с. 53—62; *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, 18, с. 140.
- ²¹ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова. — МАР, 1896, 20; *Он же.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29.
- ²² *Спицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории, с. 12.
- ²³ *Левашова В. П.* Височные кольца. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 41, 42; *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески. — Там же, с. 116; *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики. — Там же, с. 136; *Недошивина Н. Г.* Перстни. — Там же, с. 264.
- ²⁴ Определена Н. Г. Порфиридовым.
- ²⁵ А. А. Спицын выделил его из остального комплекса вещей и датировал XII—XIII вв. ЛОИА, архив А. А. Спицына, ф. 5, № 387, л. 89.
- ²⁶ *Архимандрит Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, т. I, с. 494.

И. В. ИСЛАНОВА

РАСКОПКИ БЕЖИЦКИХ КУРГАНОВ И ГОРОДИЩА ЕСЬКИ

В 1976 г. Новостроечным отрядом Верхневолжской экспедиции продолжено исследование древнерусских памятников в Бежецком р-не Калининской обл.¹

В Бежицах в восточной группе сопок раскопан курган 18, расположенный на краю коренного берега оз. Верестово. Поперечник по основанию кургана 6 м, высота 0,66 м. Восточная часть насыпи испорчена ямой. В кургане обнаружено два погребения.

Остатки верхнего сильно поврежденного погребения женщины (несколько костей и части черепа) находились на глубине 0,46—0,50 м от вершины насыпи. Около черепа лежали проволочное бронзовое височ-

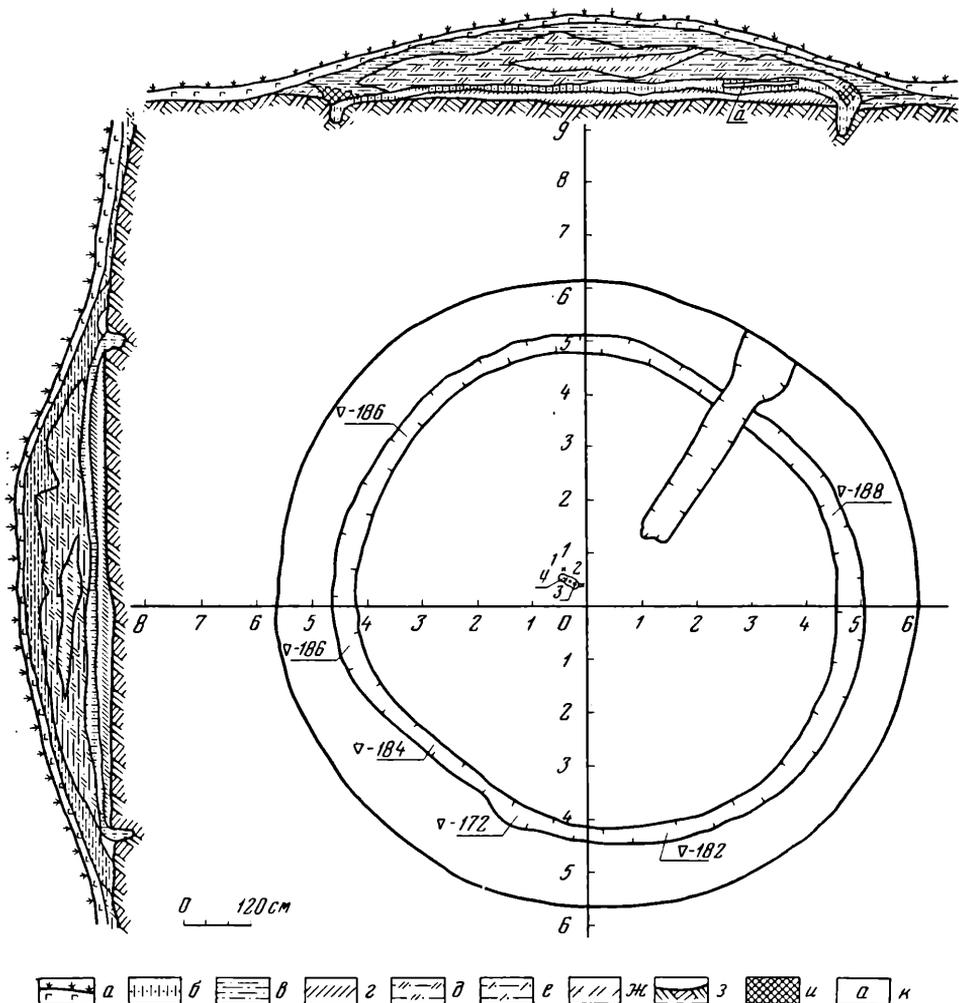

Рис. 1. План и разрезы кургана 3 Бежицкой группы II

a — дерн; *б* — погребенный дерн; *в* — желтый суглинок; *г* — материковый белый суглинок; *д* — желто-белый суглинок; *е* — желто-белый суглинок с включениями материковой глины; *ж* — красная материковая глина; *з* — материк; *и* — смешанный слой: погребенный дерн, желто-белый суглинок, включения материковой глины; *к* — прослойка материковой глины; 1 — зубы человека; 2 — железный нож; 3 — бронзовая цепочка; 4 — кость ключицы

ное кольцо с несомкнутыми концами, два обломка проволочного серебряного височного кольца с заходящими заостренными концами и обломок другого такого же. В 0,15 м к востоку найдено 18 золотостеклянных бусин. Судя по расположению находок, погребенная имела западную ориентировку.

На материке открыто кострище с мелкими пережженными костями. Наиболее интенсивная часть кострища (мощностью до 0,08 м) имела овальную форму и была вытянута с юго-запада на северо-восток на 4,4 м. Среди костей найдены мелкие фрагменты лепной керамики и железный нож. Сожжение произведено на месте.

В другой группе раскопана центральная насыпь — курган 3 (рис. 1). В 1902 г. эту группу исследовал Н. И. Репников, раскопав здесь два кургана. В насыпи одного из них были найдены пережженные кости и фрагменты сосуда, другой курган оказался пустым².

Диаметр основания кургана 3 с севера на юг 11,7 м, с запада на восток — 11,5 м, высота — 1,2 м. Северо-восточный и северо-западный

Рис. 2. План городища Еськи

склоны повреждены траншеями. При раскопках в траншеях обнаружены поздние погребения павших животных. В насыпи встречены мелкие фрагменты керамики и два кованых гвоздя.

Остатки труположения открыты в центре кургана на уровне погребенного дерна. От покойника сохранилось несколько зубов и часть ключицы, под которой прослежен древесный тлен. Рядом с ключицей находилась бронзовая цепочка, покрытая сверху берестой. Близ цепочки обнаружен кусок кожи с отверстиями для шнура, на одном из средних звеньев уцелел узелок кожаного шнура. В 0,2 м к востоку от ключицы найден железный нож. Плохая сохранность останков не позволяет определить ориентировку. Судя по найденным молочным зубам, в кургане погребен ребенок. В трех местах близ погребения зафиксированы фрагменты кругового сосуда.

В 4—5 м от погребения выявлена прорезавшая материк кольцевая канавка шириной 0,25—0,50 м, глубиной 0,4—0,6 м. Она была заполнена серым суглинком. Никаких остатков дерева в канавке или около нее не прослежено.

Рекогносцировочные раскопки проведены на поселении Еськи. Оно расположено на широком мысе при впадении р. Осень в Мологу, напротив с. Еськи, в 300 м от него (рис. 2). Левый берег Осени в месте поселения обрывист, и культурный слой здесь интенсивно размывается. Правый берег Мологи более полог. Высота мыса над летним уровнем воды в реках 2,5—3 м. С напольной стороны мыс ограничен небольшим возвышением явно искусственного происхождения высотой до 0,5 м,

шириной до 10 м и длиной с запада на восток около 85 м. Скорее всего это остатки сильно сглаженного вала.

Как городище поселение упомянуто у З. Ходаковского: «Ески в Бежецк. у. ... с Городком на устье Осени в Мологу»³. Общая площадь городища около 4 тыс. кв. м. В 1975 г. памятник обследован Новостроечным отрядом Верхневолжской экспедиции⁴. В 1976 г. в 3—5 м от края берега Осени заложен раскоп площадью 24 кв. м.

Культурный слой в раскопе перекрыт наносным суглинком мощностью от 0,5 до 1 м. Этот балластный слой, образовавшийся в результате разливов рек, законсервировал культурные остатки поселения. В западных квадратах открыты скопления обожженных камней.

Раскопки культурного слоя городища велись зачистками с фиксацией поверхности по пластам (толщина первого пласта 0,2 м, второго — пятого — по 0,1 м). Большинство индивидуальных находок и керамика зафиксированы в четырех верхних пластах.

В культурном слое поселения встречена исключительно лепная керамика (единственный фрагмент венчика, подправленного на круге, найден над культурным слоем). Это фрагменты сосудов с диаметром устья от 10 до 28 см. Венчик прямой или слабоотогнутый. На обломках дниц некоторых горшков заметны следы песчаной подсыпки. В тесте много дресвы. Изредка глиняное тесто отощено песком. Орнамент нанесен на венчиках и плечиках (рис. 3, 4—6). Это гребенчатый штамп, круглые или овальные ямки. По профилю верхней части сосудов керамика с городища близка лепным горшкам с селищ Узмень⁵, Белый Городок⁶, горизонта Е и нижней части горизонта Д Старой Ладogi⁷.

Среди индивидуальных находок следует отметить фрагмент тигля, точильный камень, железный стержень с уплощенным концом, обломок железной ручки, биконическое и цилиндрическое пряслица. В трех верхних пластах встречен желтый и васильковый бисер (в Старой Ладогe преобладает в слоях IX в.)⁸. Одна рубленая бисерина печёночного цвета обнаружена в первом пласте. Кроме того, найдены следующие бусины: в первом пласте — продольнорубчатая желтая (по З. А. Львовой, группа VIII, подгруппа 2, датируется по старолadoжским аналогиям X—XI вв.)⁹; во втором пласте — бочонкообразная прессованная из заглушенного печёночно-красного стекла (группа III, датируется в основном VIII—IX вв.; подобные бусы найдены в Бирке в погребениях X в.)¹⁰; зонная молочно-белого стекла с пересекающимися волнистыми красными полосками (группа IV, подгруппа 1, датируется в основном VIII—IX вв.; в Бирке найдена в погребении начала X в.)¹¹; в третьем пласте — многочастная бирюзовая пронизка (группа VIII, подгруппа 4, датируется VIII—X вв.)¹²; зонная серебростеклянная (группа VIII, подгруппа 1, датируется IX—X вв.)¹³.

В первом — пятом пластах открыты остатки наземной постройки (западная часть жилища уходила за пределы раскопа). Контуры ее прослеживались по фрагментам сильно обгоревших бревен и углистым прослойкам. Длина юго-восточной стенки 4 м, зафиксированных северо-восточной 3 м и юго-западной 1,8 м. Стратиграфически выделяются два периода существования постройки, соответственно пласты первый — третий и четвертый — пятый (рис. 3, 1—13). В постройке обновлялась печь-каменка (лизна прокаленного песка, глины, камней), и подсыпался песчаный пол.

Вдоль юго-восточной стенки жилища, на расстоянии 0,6—0,8 м от нее прослежены остатки горелых бревен. В промежутке между стенкой и бревнами находился слой материковой глины с углями и песком. По всей вероятности, это остатки бревенчатой обноски снаружи дома. Под постройкой (пятый пласт), непосредственно на материке, находился слой слабогумусированной супеси мощностью до 0,12 м. Причем в северной и восточной частях раскопа границы данного слоя совпадали с контурами постройки (включая и обноску), далее слой уходил в южную и западную стенки раскопа. Супесь — видимо, подсыпка под основание жилища. Та-

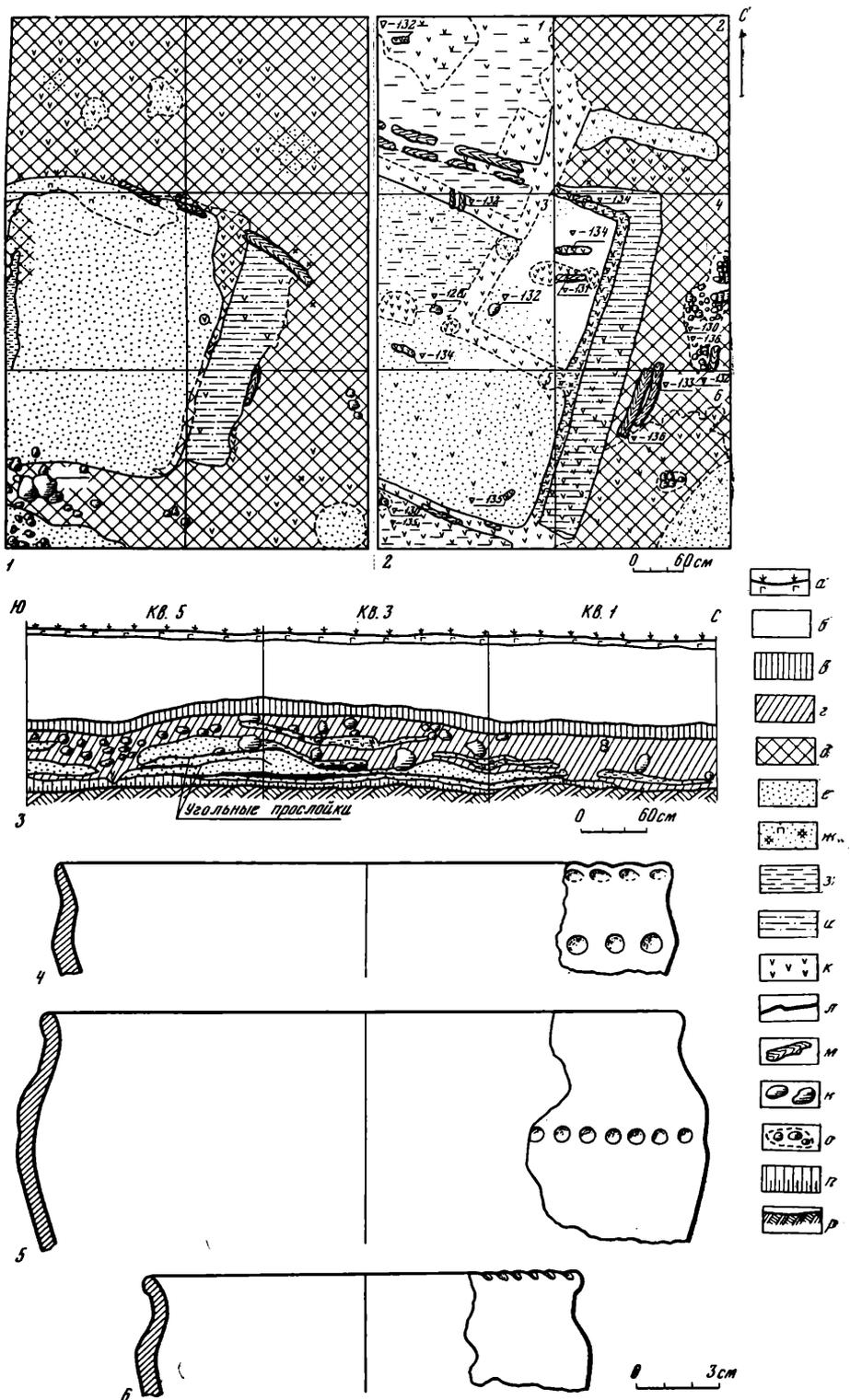

Рис. 3. Планы и профиль раскопа на городище Еськи и керамика этого памятника
 а — дерн; б — балласт — светло-коричневый суглинок; в — балласт с культурным слоем; г — культурный слой в профиле бровки — темно-серая супесь; д — культурный слой на планах пластов; е — песок; ж — прокаленный песок; з — глина; и — светло-серая супесь; к — угли; л — углистая прослойка; м — горелое дерево; н — камни; о — скопления керамики; п — серая супесь, включения желтого песка и углей; р — материк; 1 — план раскопа, пласт III; 2 — план раскопа, пласт IV; 3 — профиль западной стенки раскопа; 4-6 — фрагменты лепных сосудов

ким образом, можно предполагать, что постройка была возведена на небольшом возвышении (подсыпка) и снаружи имела бревенчатую обноску. Не исключена возможность существования дополнительной присыпки для утепления стен — завалинки. Аналогичные бревенчатые обноски, по реконструкции Ю. П. Спегальского, имели жилища горизонтов Е в Старой Ладогe¹⁴.

Находки бус, бисера и керамики позволяют датировать раскопанный участок городища Еськи IX—X вв.

¹ О раскопках 1975 г. см.: *Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н.* Древнерусские памятники района оз. Верестово. — СА, 1978, № 2, с. 272—282. Выражаю благодарность А. Е. Леонтьеву за предоставленный материал.

² *Репников Н. И.* Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демьянском уездах в 1902 г. — ИАК, 1904, 6, с. 13; Архив ЛОИА, ф. 1, 1902, д. 96, л. 94.

³ Довесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского. — РИС, 1844, т. VII, с. 189.

⁴ *Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н.* Древнерусские памятники..., с. 281, 282.

⁵ Там же, с. 281, рис. 6, 3—7.

⁶ *Харитонов Г. В., Портнягин И. Г.* Раскопки селища Белый Городок на средней Мологе. — КСИА, 1976, 148, с. 95, рис. 1; с. 96, рис. 2.

⁷ *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. — СА, 1951, XV, с. 234, 235, 238, рис. 5, 6, 8; 8, 3.

⁸ *Львова Э. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. — АСГЭ, 1968, 10, с. 87.

⁹ Там же, с. 85.

¹⁰ Там же, с. 72.

¹¹ Там же, с. 75.

¹² Там же, с. 88.

¹³ Там же, с. 82.

¹⁴ *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 23—25.

П. А. РАППОРТ, Е. В. ШОЛОХОВА

ДВОРЕЦ В ПОЛОЦКЕ

Княжеские дворцы древней Руси еще совершенно не изучены. Мы до сих пор не знаем, каковы были их размеры, из каких частей они состояли. Известно лишь, что основные жилые помещения дворцов были деревянными, поскольку при тогдашней системе отопления и вентиляции жить в каменных зданиях было значительно менее удобно, чем в деревянных. В то же время некоторые княжеские дворцы имели в своем составе и каменную постройку, служившую парадной частью дворцового ансамбля. Это были либо помещения для собраний и пиров — так называемые гридницы, либо небольшие, но высокие башнеобразные постройки-терема¹. Количество известных нам подобных построек очень невелико. Остатков древнерусских церквей, относящихся к XI—XIII вв., археологам известно не менее полутора сотен, тогда как остатков каменно-кирпичных дворцовых сооружений — менее десятка². Тем большее значение приобретают руины дворцового здания, раскопанные в Полоцке.

Историки не сомневались в том, что на детинце древнего Полоцка должен был существовать княжеский дворец. Поэтому, когда на территории Верхнего замка обнаруживали древние кирпичные кладки, их вначале обычно принимали за остаток дворца. Так было и в 1966 г.³ Однако раскопки показали, что это были руины не дворца, а церкви. Производивший раскопки М. К. Каргер интерпретировал ее как храм, расположенный на княжеском дворе⁴.

Подлинные остатки дворца выявились несколько позже на северном краю детинца. При прокладке водопроводной траншеи экскаватор вывернул здесь кусок каменного фундамента. Осмотревший развал Г. В. Штыхов определил, что здание относится к древнерусскому вре-

мени. В 1976—1977 гг. остатки здания были раскопаны⁵. Оказалось, что от постройки сохранились только фундаменты, причем траншея водопровода прошла как раз посередине здания и уничтожила часть фундамента. Тем не менее план постройки восстанавливается без труда (рис. 1).

Это было очень небольшое, почти квадратное в плане здание. Наружные его размеры $4,7 \times 4,2$ м. С запада к основному помещению примыкало другое, еще меньше — $2,5 \times 2,4$ м.

Уровень древней поверхности, отвечающий периоду строительства здания, стратиграфически четко не выявляется и определяется главным образом по верхнему обрезу фундамента. Ко времени постройки на этом участке уже отложился мощный культурный слой: черный слой, в котором встречаются прослойки древесной трухи, пятна угля, песка и глины. Находки здесь почти исключительно XII в. Слой делится на два уровня: нижняя его часть менее темная, и находок в ней значительно меньше. Фундамент дворца прорезал культурный слой насквозь и опирался своей подошвой на плотный материковый песок, залегающий здесь на глубине от 2,4 м (от современной поверхности) в северной части раскопа до 2,9 м — в южной. Общая глубина фундамента около 1,8 м.

Фундамент сложен из камней-булыжников размерами от 10 до 50 см на известковом растворе. Ширина фундамента очень небольшая — от 60 до 75 см, а в малом помещении еще меньше — всего около 50 см. Внутри помещений находился подвал, и поэтому внутренняя сторона фундамента была довольно гладко затерта раствором. Дно подвала лежало на глубине около 1,5 м от древней поверхности земли. Пол был вымощен камнями на известковом растворе, а поверх камней на тонком слое глинисто-песчаной подсыпки лежал деревянный дощатый пол. Судя по направлению волокон дерева, доски лежали вдоль направления северной стены. Поверх пола находился древний строительный мусор — следы разрушения здания.

На участке северной стены основного помещения здания, на фундаменте сохранилась в непогрешенном состоянии часть кирпичей нижнего ряда кладки, а рядом раскопана часть рухнувшей кирпичной стены. Стена была сложена из кирпичей-плинф, имеющих размеры $3,0-4,0$ (чаще $3,5$) $\times$ $15-16$ (чаще 16) $\times$ $26,5-30$ см. На нескольких кирпичиках найдены выпуклые знаки на торцах, а на одном — вдавленное клеймо на постелистой стороне. Раствор в кладке известковый, но, в отличие от раствора фундамента, с примесью небольшого количества толченого кирпича, т. е. цемьянки. Стена при падении сильно разрушилась, но судя по слою битого раствора (толщиной около 3 см), лежавшего на наружной поверхности, кладка была, по-видимому, исполнена со скрытым рядом. Удалось проследить, что на лицевую поверхность стены выходили исключительно тычки кирпичей, причем швы в соседних рядах не совпадали, т. е. были перевязаны.

Датировка здания в общих чертах достаточно ясна — это несомненно памятник середины или второй половины XII в. Очень вероятно, что дворец строили одновременно с дворцовой церковью, раскопанной ранее М. К. Каргером. Кирпичи церкви имеют два основных размера: одни из них — «широкого» формата — составляют около 70% всех кирпичей, а другие — «узкого» — около 30%. Этот второй формат совершенно точно совпадает с форматом кирпичей дворца. Видимо, для строительства дворца, имевшего тонкие стены, использовали кирпичи только одного типа — более узкие, которые в церкви применяли в основном для выкладки сложнопрофилированных частей. Церковь на детинце послужила образцом для строительства смоленской церкви архангела Михаила, возведенной в конце 80—начале 90-х годов XII в. Очевидно, полоцкие княжеская церковь и дворец были построены несколько раньше — во всяком случае не позже 80-х годов XII в.

Назначение раскопанного сооружения вряд ли может вызывать сомнения — это был терем княжеского дворца. Ближайшие аналогии этому зданию можно найти, например, в Чернигове и Смоленске, где раскоп-

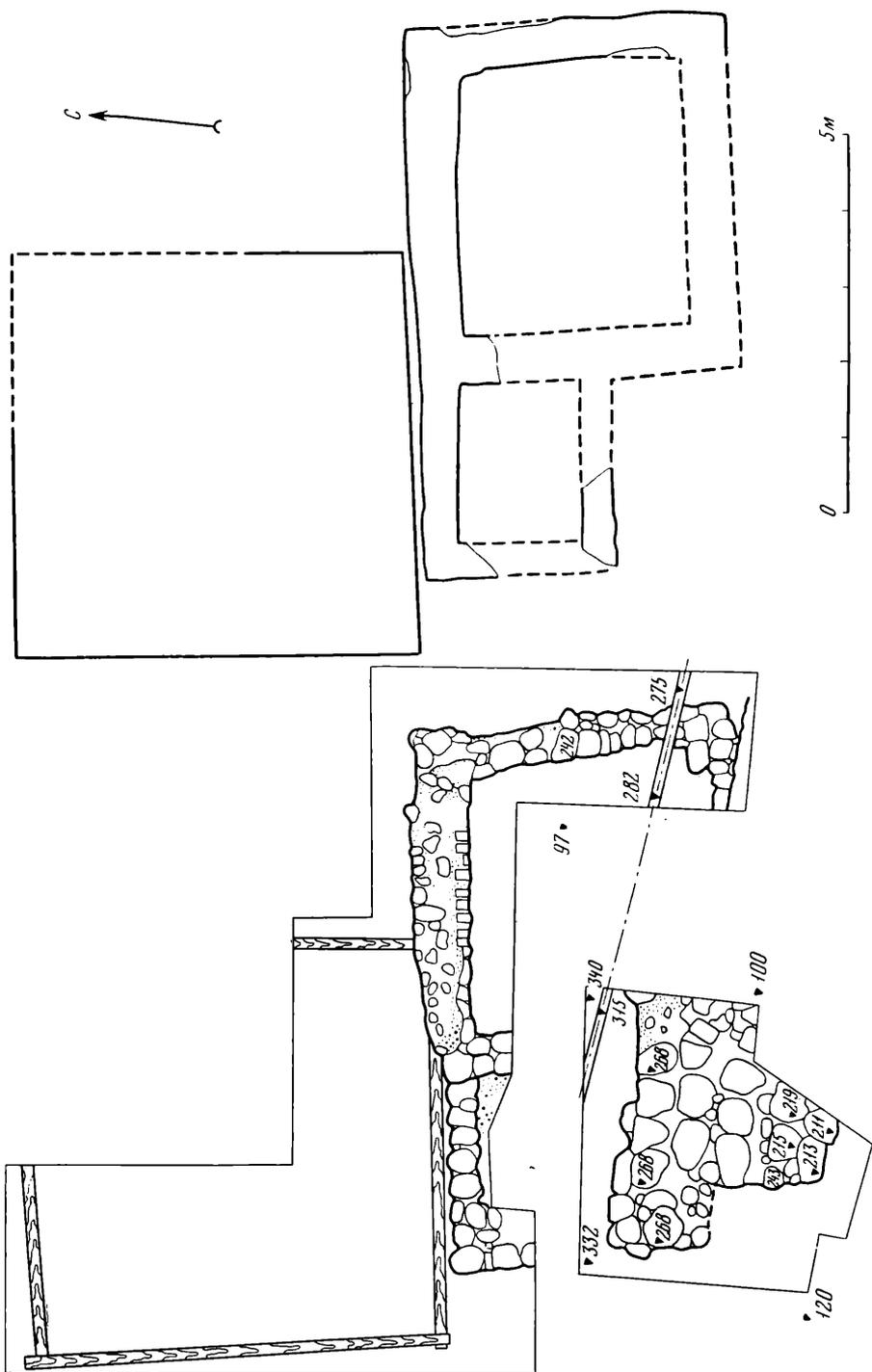

Рис. 1. Каменный терем и деревянная постройка

Слева — план раскопанного сооружения; справа — реконструкция плана

ками также были вскрыты остатки княжеских теремов⁶. Особенно много общего с раскопанным в Полоцке зданием имеет терем в Смоленске. Здесь совпадают даже такие особенности, как незначительная толщина стен и расположение пола ниже уровня поверхности земли. Близкий характер имел и терем в Гродно, так же с двумя помещениями, одно из которых, как и в Полоцке, совсем маленькое⁷. Характерно, что терема в Смоленске и Гродно, подобно полоцкому, расположены на самом краю детинца, над склоном к реке. Совпадают состав и примерное расположение монументальных сооружений, существовавших в Смоленске и Полоцке на территории детинца в XII в.: в центральной части — большой собор, неподалеку — княжеская церковь, а на краю — терем. Следует отметить, что полоцкий терем меньше по величине, чем смоленский и гродненский.

О первоначальном виде терема судить в настоящее время трудно: для этого слишком мало данных. Очень небольшая толщина стен говорит о том, что постройка имела не сводчатые, а балочные перекрытия. Впрочем, терем мог иметь несколько этажей и вместе с деревянными сооружениями дворца создавать яркий и живописный архитектурный ансамбль. Возможно, что малое помещение терема было предназначено для размещения лестницы. Не отразился ли внешний вид полоцкого терема в миниатюре Кенигсбергской летописи, иллюстрирующей мор в Полоцке в 1092 г.? В тексте летописи упомянуты «хоромины», а на миниатюре изображено узкое, но высокое двухэтажное здание, имеющее в первом этаже дверь, а во втором — одно большое окно⁸.

С северной стороны, т. е. со стороны склона, к терему примыкала деревянная срубная постройка (рис. 2; 3). Эта постройка была врезана в грунт, после чего пространство между ее деревянными стенками и стенками котлована было забито землей. В забивке обнаружено большое количество обломков плитфы, уже бывшей в употреблении, и мелкие кусочки раствора с цемянкой — очевидно, следы разрушения терема. Вместе с плитфами в забивке котлована встречались и куски брускового кирпича (6,5×12,5 см). Однако терем к этому времени еще не был полностью заброшен, а продолжал использоваться. Об этом свидетельствует хорошая согласованность деревянной постройки со зданием терема. Более того, северная стенка каменного фундамента малой камеры терема была при этом разобрана и вместо нее сложена тонкая стена из плитф во вторичном употреблении на сером растворе плохого качества. Стенка эта сохранилась местами на высоту до 30 см. Никаких следов дверного проема в ней нет, но все же вероятно, что здесь был сделан вход из деревянной постройки в подвал малой камеры терема.

Вскоре после пристройки деревянного помещения северная стенка фундамента терема в ее восточном конце, т. е. там, где она не была подперта срубом деревянной постройки, начала оползать в сторону склона к реке. Чтобы предотвратить разрушение, на этом участке сделали специальную укрепляющую конструкцию — мощный слой чистой глины, перемешанной с битыми брусковыми кирпичами (размеры 6—7×12—14×29 см). В основании этого слоя уложены сосновые плахи, а с запада конструкция ограничена плахами, положенными на ребро и почти вплотную примыкающими к срубу деревянной постройки.

Наружные размеры сруба деревянной постройки 5,3×5,4 м. Сруб сложен из сосновых брусев, соединенных в углах врубкой с выпуском остатков длиной 8—10 см. Хорошо сохранившийся нижний венец представляет собой брус сечением 16×30 см. Брус сечения эти были покрыты берестой и изнутри помещения обмазаны глиной.

Деревянная постройка имела довольно сложное основание. На материковом песке, поверх слоя щепы толщиной 12 см, были уложены большие плахи (толщиной 9—10 см и шириной до 50 см), под которые были подведены две лаги (брус сечением 20×20 см). Плахи были покрыты сплошным слоем бересты, уложенной в четыре ряда, а выше — слоем чистого песка толщиной 10—12 см. В песке рядами положены довольно крупные

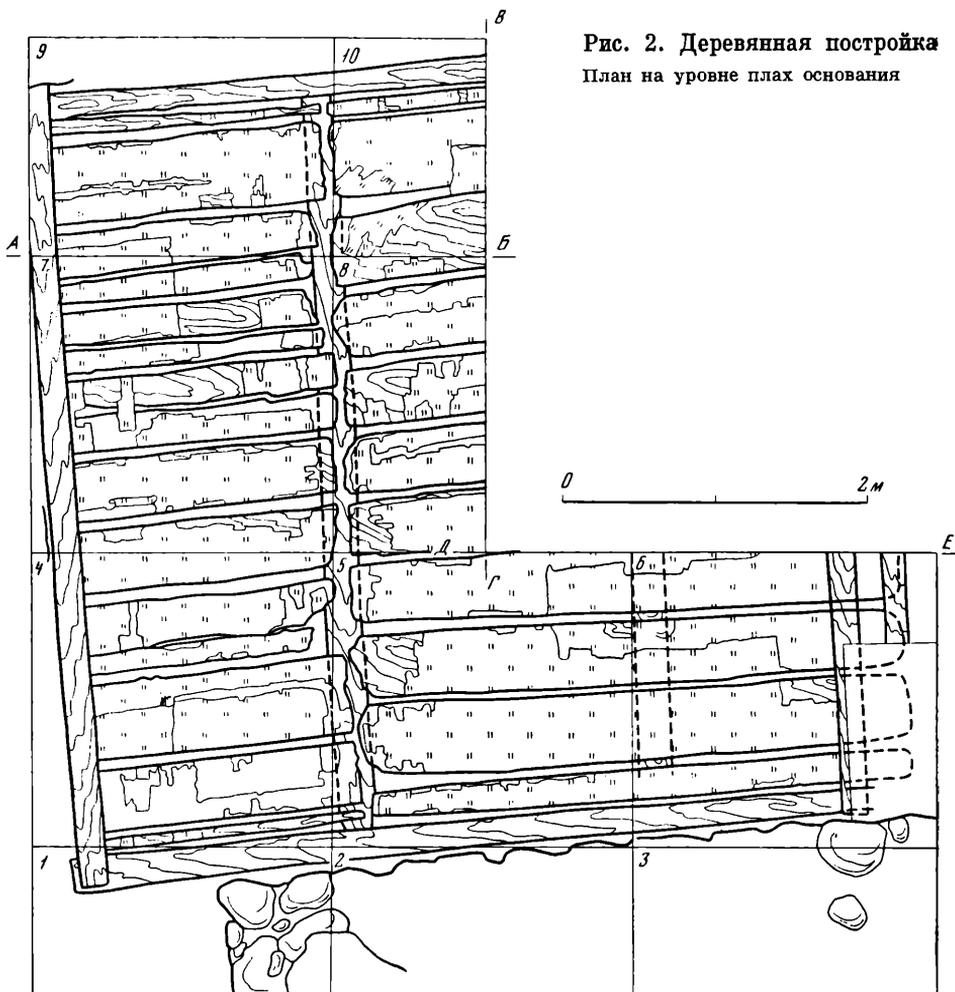

Рис. 2. Деревянная постройка
План на уровне плах основания

камни, причем для создания ровной горизонтальной поверхности подбирали камни одной высоты, а более крупные камни кололи. Сверху слой песка был прикрыт деревянным полом, от которого сохранились лишь следы сгоревшего дерева. Уровень этого пола совпадал с уровнем пола подвала кирпичного терема.

В помещении стояла печь, от которой сохранились остатки срубного опечка (рис. 4, справа). Опечек этот, сделанный из брусьев, соединенных врубками, обнаружен почти в первоначальном положении, хотя отдельные его брусья раскатились при разрушении печи. От самой печи найдены только линзы глины и мелкие обломки кирпичей; кирпичи в большинстве брусковые (6×12,5 см), но встречались и обломки плинф, использованных вторично. Обнаружены также горшковидные печные изразцы.

Стены постройки удалось проследить на высоту шести-семи венцов, а восточную стену — даже на восемь венцов. В южной и восточной стенах дерево истлело, а в северной и западной — сгорело. В обоих случаях размеры и форму бревен определить не удалось. Найденные в развале близ стен куски глиняной обмазки с отпечатками не круглой, а плоской поверхности позволяют думать, что все венцы сруба, подобно нижнему, были составлены не из круглых бревен, а из брусьев, и имели с внутренней стороны помещения слой глиняной обмазки.

В южной части восточной стены постройки отмечено, что плахи основания заходят под венцы сруба на 50 см. На этом же участке выяв-

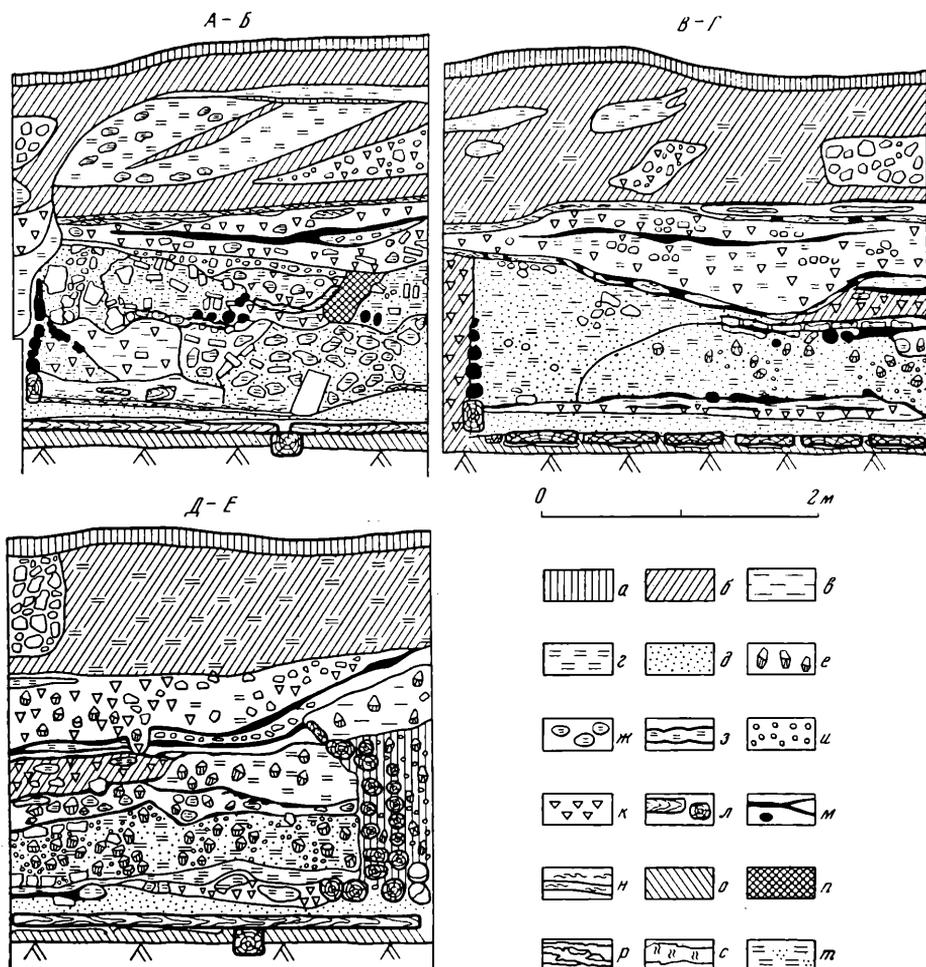

Рис. 3. Разрезы

а — дерн; б — темная земля; в — глина; г — обожженная глина; д — песок; е — обломки кирпичей; ж — куски обожженной глины; з — глиняная обмазка; и — известковый раствор; к — угли; л — дерево; м — обуглившееся дерево; н — древесный тлен; о — щепя; п — мусорное заполнение ямы; р — обожженное дерево; с — береста; т — печной под (в плане)

лено наличие второй, параллельной срубной стены, лежащей в 14 см от основной стены постройки.

После того как деревянная постройка сгорела, ее пол был поднят приблизительно на 5 см, и на этом уровне построена новая печь — печь 2 (рис. 4, слева). Основанием печи служит глиняная подушка толщиной 10—12 см, а под ней — платформа из четырех бревен. Сама печь сделана из красной глины и плохо обожженных брусковых кирпичей. Наружная поверхность стенок печи была обмазана слоем серого глиняного раствора толщиной около 3 см. Печь прямоугольная, размерами с севера на юг 2,5 м, а поперек — 2,25 м, обращена устьем к востоку. Толщина стенок от 80 до 120 см. В основании стенок печи лежали тонкие бревна. Под печи имеет в длину 140 см, а в ширину 80 см. Печь не примыкает к стенам постройки: между ней и стенами — проход шириной около 60 см. В конструкции печи были использованы горшковидные изразцы, а также глиняные «болванки», формованные в круглых горшковидных изразцах и приобретшие большую твердость вследствие частичного обжига. Следует отметить, что печь 2 расположена точно над остатками нижележащей печи 1.

После разрушения печи 2 ее остатки были разровнены, причем образовался слой толщиной около 40 м. На этом слое был настлан новый деревянный пол и построена новая печь (печь 3), почти полностью совпадающая по габаритам с нижележащей. Стенки печи были сделаны из красной глины и битых брусковых кирпичей, а обмазка стенок и под — из глины с песком. Брусковые кирпичи печи имеют размеры $(7-8) \times (12,5-14)$ см. В уровне развала печи 3 найдено много горшковидных изразцов. Под подом печи сохранились остатки конструкции из тонких бревен. Ширина пода этой печи была, видимо, значительно больше, чем в печи 2.

Очень вероятно, что поднятие уровня пола постройки и возведение печей на новом уровне сопровождалось заменой венцов стен или во всяком случае их части.

Позднее деревянная постройка еще несколько раз перестраивалась. Так, над толстым слоем развала печи 3 обнаружено пятно обожженной глины и обгорелых камней, а под ними — следы обгорелого помоста из досок: очевидно, это следы еще одной печи (печь 4). Наконец, еще выше, на глубине всего около 70 см от современной поверхности, — пятно обожженной глины и углей, по форме близкое к прямоугольнику $(1,5 \times 2,0$ м) — видимо, остатки печи 5. С уровнем этих печей связаны находки плоских безрамочных красных изразцов с крупнофигурными изображениями людей и фантастических животных. Изразцы такого типа характерны для XV в. Впрочем, в верхних слоях здесь были найдены и фрагменты зеленых глазурованных изразцов с углубленной лицевой пластиной и низким рельефом, относящихся к XVI в.

Фрагменты керамики, обломки брусковых кирпичей и горшковидных изразцов, найденные в самых нижних слоях деревянной постройки, позволяют определить время ее возведения — XIV в.⁹ Керамика, находящаяся в более высоких горизонтах, начиная примерно с уровня печи 3, относится к XIV—XV вв. Горшковидные изразцы четко делятся на две группы. Первая группа — изразцы с круглым устьем, прямыми стенками, включая придонную часть. Такие изразцы датируются XIV в. Вторая группа — изразцы с устьем в виде квадрифолия, более тонкими стенками, скошенными в придонной части, несколько отличающиеся и по качеству глины. Такие изразцы обычно датируют рубежом XIV и XV вв. Найдены донца, украшенные на внутренней поверхности штампованной розеткой, а также куски глиняного карниза печи со штампованным орнаментом. Изразцы первой группы, по-видимому, использовались для печей 1 и 2, а печь 3 связана уже с изразцами второй группы, хотя возможно, что в ней частично использовались и изразцы из разрушенных более ранних печей.

Замечательной особенностью деревянной постройки надо считать почти полное отсутствие в ней вещевых находок, кроме очень немногочисленных фрагментов бытовой керамики. На полу самого нижнего горизонта была найдена лишь одна маленькая бронзовая фигурка птички, отломанная от какого-то предмета (быть может, кувшина восточного происхождения). Отсутствие бытовых находок и тесная связь с кирпичным теремом позволяют предполагать, что деревянная постройка служила не жильем, а помещением общественного назначения, частью комплекса дворца полоцкого наместника. «Двор господарский», т. е. двор полоцких наместников, находился на Верхнем замке вплоть до XVI в.¹⁰ Там же существовала и «церков дворная светого Николы в замку»¹¹. Вероятнее всего, наместничий двор продолжал традиционно быть связанным с древним дворцом полоцких князей.

¹ Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 249.

² Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 112.

³ ВИ, 1967, № 6, с. 187; Преподавание истории в школе, 1967, № 4, с. 128.

⁴ Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 203.

- ⁵ Руководители участка раскопок В. Л. Драницын (1976 г.) и Е. В. Шолохова (1977 г.).
- ⁶ *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. — Архитектурное наследство, 1963, 15, с. 3; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники. — СА, 1967, № 3, с. 229.
- ⁷ *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954, с. 137. Н. Н. Воронин считал гродненскую постройку башней, «которая, возможно, соединяла боевые и жилищные функции». Теперь, после открытия теремов в Чернигове и Смоленске, ясно, что более правильно интерпретировал памятник раскопавший его И. Иодковский (*Jodkowski J.* O znakach na cegle «teremu» Książęcego w Grodnie. — *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*, Kraków, 1934, t. XV).
- ⁸ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, л. 124.
- ⁹ Дендрохронологическая дата плах основания — 1304 г. (определение Н. Б. Черных).
- ¹⁰ Полоцкая ревизия 1552 г. — ЧОИДР, 1905, кн. 2, с. 56, 169 и др.; *Дайгяла З.* Polosciae moenia. — *Zapiski adzdelu humanitarnych nauk*, Минск, 1928, кн. 3, с. 225.
- ¹¹ Полоцкая ревизия... , с. 174.

М. Ф. РОЖКО

КРЕПОСТЬ ТУСТАНЬ *

В 1340 г. польский король Казимир Великий захватил Галичскую землю. Среди городов, взятых им, польский хронист Ян из Чарнкова называет город Тустань¹. Упоминается Тустань и среди каменных крепостей и замков, воздвигнутых Казимиром на Галичской земле в 70-х годах XIV в.² Петр, епископ краковский, определяя границы Перемышльского епископства по отношению к Галичскому архиепископству, называет «Тустань на юг от Тустановичей»³.

О Тустани писали многие исследователи⁴. В числе первых посетителей ее остатков был И. Вагилевич⁵. Его описание крепости базируется на народных преданиях и легендах и не несет в себе исторически ценной информации. Наскальные сооружения Тустани И. Вагилевич принимал за культовые, видя в них языческие храмы. А. С. Петрушевич в своей статье различает древнерусскую Тустань и Тустань около Галича, основанную в 1578 г.⁶ В. Деметрикевич дает описание вырубленных в камне сооружений Тустани, проводя аналогию с пещерными монастырями среднего Днестра и Крыма⁷. И. Шараневич упоминает о находках в начале XIX в. на территории Тустани тиглей для выплавки металла, металлических сосудов с изображением всадника, убивающего дракона, и различных монет, которые позже бесследно исчезли⁸. С. Смолка описывает остатки Тустани как оборонительные сооружения и высказывает предположение об их существовании еще до XIV в.⁹ А. Чоловский дает характеристику многочисленных следов сооружений Тустани, обращая внимание на деревянный, возможно, характер укреплений, и высказывает предположение об их древнерусском происхождении¹⁰.

В течение более полувека, вплоть до 60-х годов нашего столетия, остатки древней крепости не привлекали к себе внимания. В 1969 г. была опубликована серия популярных очерков о Тустани Р. Щура, содержащих широкую хронологическую характеристику памятника¹¹. Однако отсутствие ссылок на первоисточники снижает ценность этой публикации.

Первое серьезное научное обследование памятника произвел П. А. Раппопорт¹². В его публикации помещен схематический план скальной крепости и высказано предположение о возможном существовании деревянной крепости, а также поселения в X—XI вв. Действительно, точка зрения об основании города Тустань королем Казимиром не соответствует фактам, так как основывается на письменных источниках бо-

лее позднего происхождения и противоречит сведениям подканцлера польского короля Яна из Чарнкова о взятии Тустани Казимиром.

Никто из упомянутых нами исследователей не пробовал анализировать укрепления Тустани периода их деревянной застройки и в едином комплексе с Острым Камнем и Малой Скалой, расположенными поблизости.

Тустань — это наскальный оборонительный ансамбль с хорошо сохранившимися многочисленными следами примыкания деревянных конструкций к скалам. Создатели наскальных сооружений стремились максимально использовать скальные объемы для устройства при помощи минимальных средств защитных крепостных стен или организации жилья. Расположенные параллельно скальные складки, или объемы, образуют примитивные естественные стены. Связанные между собой поперечными деревянными конструкциями, такие «стены» были значительно прочнее искусственных. В местах примыкания деревянных стен или конструкций к скальным массивам в скалах прорубались вертикальные или горизонтальные пазы. Это обеспечивало хорошую связь дерева с камнем. Пазы прорубались только на толщину используемых бревен, что соответственно оставляло «отпечаток» этой конструкции на скальном массиве. Следы от деревянных наскальных сооружений сохраняются и тогда, когда самих сооружений нет. Подобные сооружения не имеют аналогий, хотя наскальные сооружения в каменном зодчестве широко применялись в более позднее время, что говорит о преемственности традиций.

На территории западных областей Украины известно несколько объектов со следами наскальных сооружений. Все они расположены в предгорьях Карпат. Единственным исключением является небольшой объект в Подкамене, расположенный примерно в 35 км к юго-западу от Кременца. Это небольшой скальный останец. Он имеет широкую трещину, доходящую от вершины до середины его высоты. Сохранились следы от стен, перекрывавших эту трещину по краям. На вершине видны многочисленные следы соприкосновения деревянных конструкций со скалой. Несколько ям, выдолбленных в камне для захоронения, наводит на мысль о культовом назначении объекта.

Значительно больший объект со следами наскальных сооружений известен в Бубнице¹³. Это укрепление расположено между двумя дорогами, идущими к карпатским перевалам. Бубнице — группа скал с многочисленными следами включения деревянных стен и конструкций в скальный объем. Между скалами образован небольшой дворик. По сторонам дворик прикрыт отдельными скалами, игравшими роль импровизированных башен. Здесь хорошо сохранились искусственные пещеры. На уровне второго яруса скал — квадратная в плане цистерна для сбора дождевой воды. Еще в XIX в. сохранялась каменная стена высотой 3,7 м¹⁴. Разведочные раскопки В. К. Гончарова дают основание утверждать, что укрепления существовали здесь уже в конце XII—начале XIII в.¹⁵

Оборонительные сооружения древнерусского города Тустань были расположены на северо-восток от с. Урыч Львовской обл. На трех группах скал из четырех, имеющих в данном районе, были построены оборонительные комплексы. При их возведении стремились наиболее полно использовать естественные условия и превратить скалы в труднодоступные оборонительные объекты. По объему скальные массивы разновелики. Все четыре расположены по линии север—юг. Самая северная группа скал, известная под названием Острый Камень, находится на гребне возвышенности. Она господствует над прилегающими долинами. Южнее Острого Камня, возле старой дороги, на расстоянии приблизительно 50 м от нее, стоит Малая Скала. Небольшая по размерам, она особенно труднодоступна. Единственный подход на ее вершину возможен с юга.

В неширокой долине с протекающим ручьем естественное размещение скал создавало предпосылку для постройки труднодоступных оборонительных сооружений, что и было использовано местным населением еще в древности. Все подходы к вершинам скал были перекрыты спе-

циальными заградительными деревянными стенами. Наличие в отдельных местах скал пазов для горизонтальных и вертикальных балок толщиной до 35—40 см говорит о наскальных сооружениях, выходящих за пределы межскального пространства. Глубокая расщелина, разделяющая Острый Камень на две неравные части, была перекрыта специальным помостом для перехода с одной скалы на другую. В средней части Острого Камня имеется цистерна диаметром 2 м, глубиной 8 м, которая использовалась для длительного хранения запасов воды. Малая Скала значительно меньше по своим размерам и могла служить только сторожевым пунктом. Здесь межскальное пространство было небольшим, и это не позволяло устроить достаточные помещения для жилья. Вершина Малой Скалы была превращена в смотровую площадку. Из-за отсутствия археологических раскопок на Остром Камне и Малой Скале нельзя достоверно судить о начале постройки и периоде существования наскальных сооружений. Полное сходство вырубков в скалах в местах примыкания деревянных конструкций к скалам с такими же в Бубнице, общая планировочная схема их застройки дают основание считать их однотипными.

Самый большой скальный массив под названием Камень — основная часть Тустани — расположен южнее Острого Камня и Малой Скалы на расстоянии более 1 км. Он размещается на мысе возвышенности, окруженной двумя долинами, образованными ручьями Церковным, берущим начало под Острым Камнем, и Гусиным, текущим с юго-востока. Доминирующее положение над долинами с водными преградами очень рано должно было привлечь жителей для использования этих скал под жилье. Археологический материал подтверждает, что поселение существовало уже в X в.¹⁶ Две группы скал расположены двумя параллельными складками на окончании возвышенности между двумя долинами. Складки образуют на вершине возвышенности небольшой «двор» (рис. 1). Этот «двор» (28×28 м — размеры взяты между внутренними стенами) возвышается над уровнем прилегающей долины на 51 м. Без оборонительных сооружений размеры естественной площадки значительно меньше и составляют на северо-западе и юго-западе 20 м, а на северо-востоке — всего 9 м. Северо-западный и юго-восточный склоны труднодоступны и имеют уклон примерно 30°. Западную сторону Камня образует «стена» высотой 24 м над уровнем «двора» (рис. 2). Небольшой «внутренний дворик» выходит во «двор» на северо-востоке и обрывается на юго-западе отвесной скалой, у основания которой находится колодец диаметром около 2 м. Южная сторона «внутреннего дворика» прикрыта почти вертикальной «стеной» высотой 33 м (рис. 2). Отдельная скала на севере поднимается на высоту 23 м над уровнем «внутреннего дворика». На вершине Камня, разделенной широкой трещиной, есть верхняя площадка, размеры которой между скальными и деревянными стенами 13×5 м, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Восточный скальный массив верхней площадки возвышается на 7 м над западным. Северо-восточная сторона «двора» защищена двумя массивами Малого и Большого Крыла, между которыми в северной части есть проход шириной 4,5 м в самом узком месте. Геодезические отметки Малого Камня, северной крепостной «стены» и южной совпадают. За счет большого перепада высот рельефа высота северной «стены», прослеживаемая по хорошо сохранившемуся пазу, достигала 15 м. Сохранившиеся следы на южной и северной «стенах» «внутреннего дворика» дают полное основание реконструировать не только общую высоту застройки, но и ее этажность.

В большинстве древнерусских укреплений ворота можно было разместить в зависимости от системы обороны. В Тустани единственный удобный въезд на территорию «двора» расположен в северном углу. Проезд образован разрывом в скальном массиве Малого Камня и Малого Крыла. Ось проезда идет под углом к скальному массиву с северо-востока на юго-запад. Естественное пространство между скалами в самом

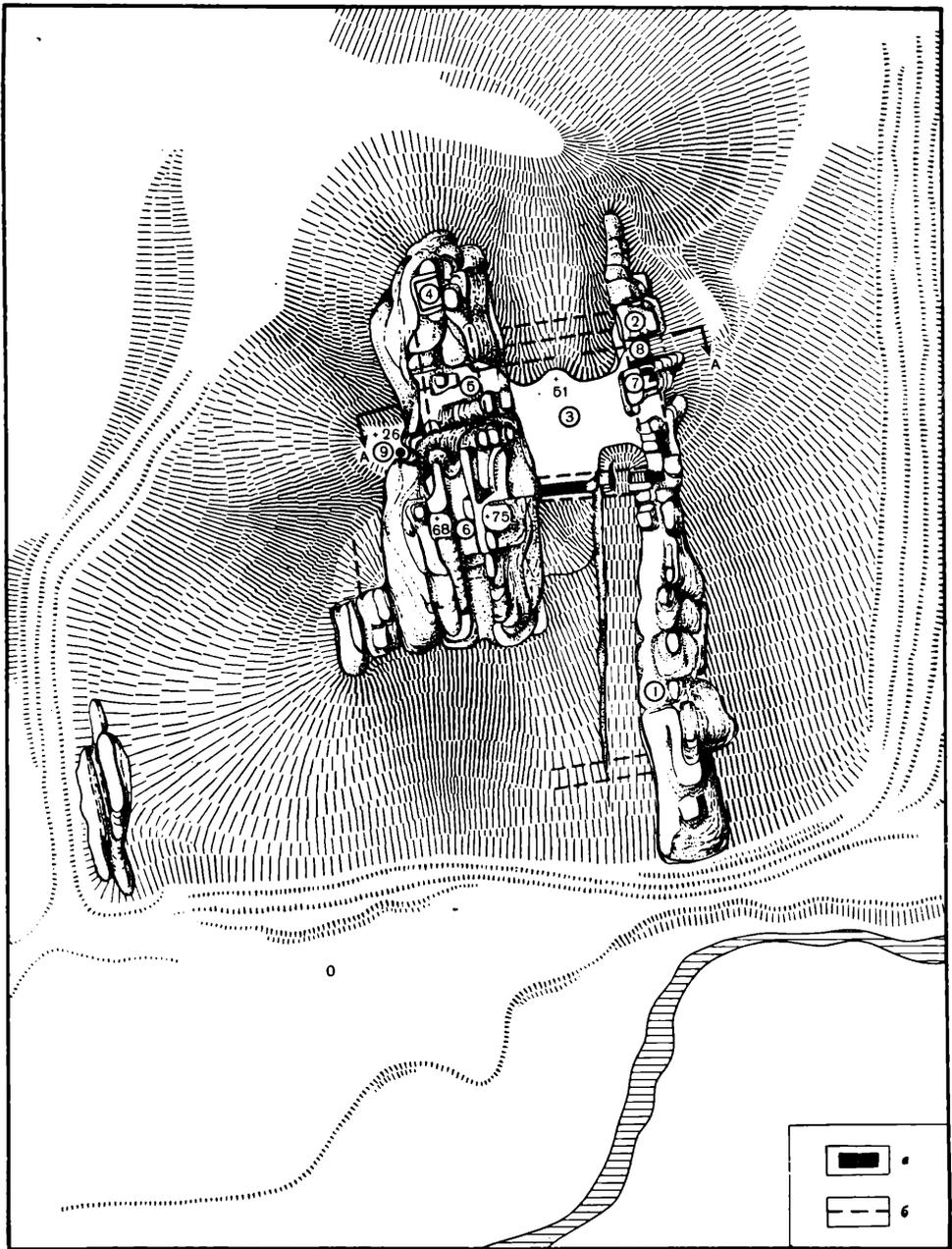

Рис. 1. Схематический план Камня с оборонительными сооружениями
 1 — Большое Крыло; 2 — Малое Крыло; 3 — «двор»; 4 — Отдельный Камень; 5 — «внутренний дворик»; 6 — верхняя площадка; 7 — Малый Камень; 8 — ворота; 9 — колодец; а — остатки каменной стены; б — места предполагаемых деревянных стен; +51 — высота над уровнем долины

узком месте имеет ширину 4,5 м. На уровне «двора» эта ширина равна 5,3 м. Длина проезда с учетом нижней части скал превышает 12 м. Южная сторона проезда образована почти вертикальной «стеной» Малого Камня, по форме напоминающей трапецию. Высота Малого Камня в проезжей части составляет 8 м от уровня «двора». Нижняя отметка проезжей части в начале проезда расположена ниже уровня «двора» на 5 м, что с восточной стороны проезда дает общую высоту 13 м.

«Стена» Малого Камня со стороны проезда имеет многочисленные следы примыкания деревянных конструкций. Первый паз расположен

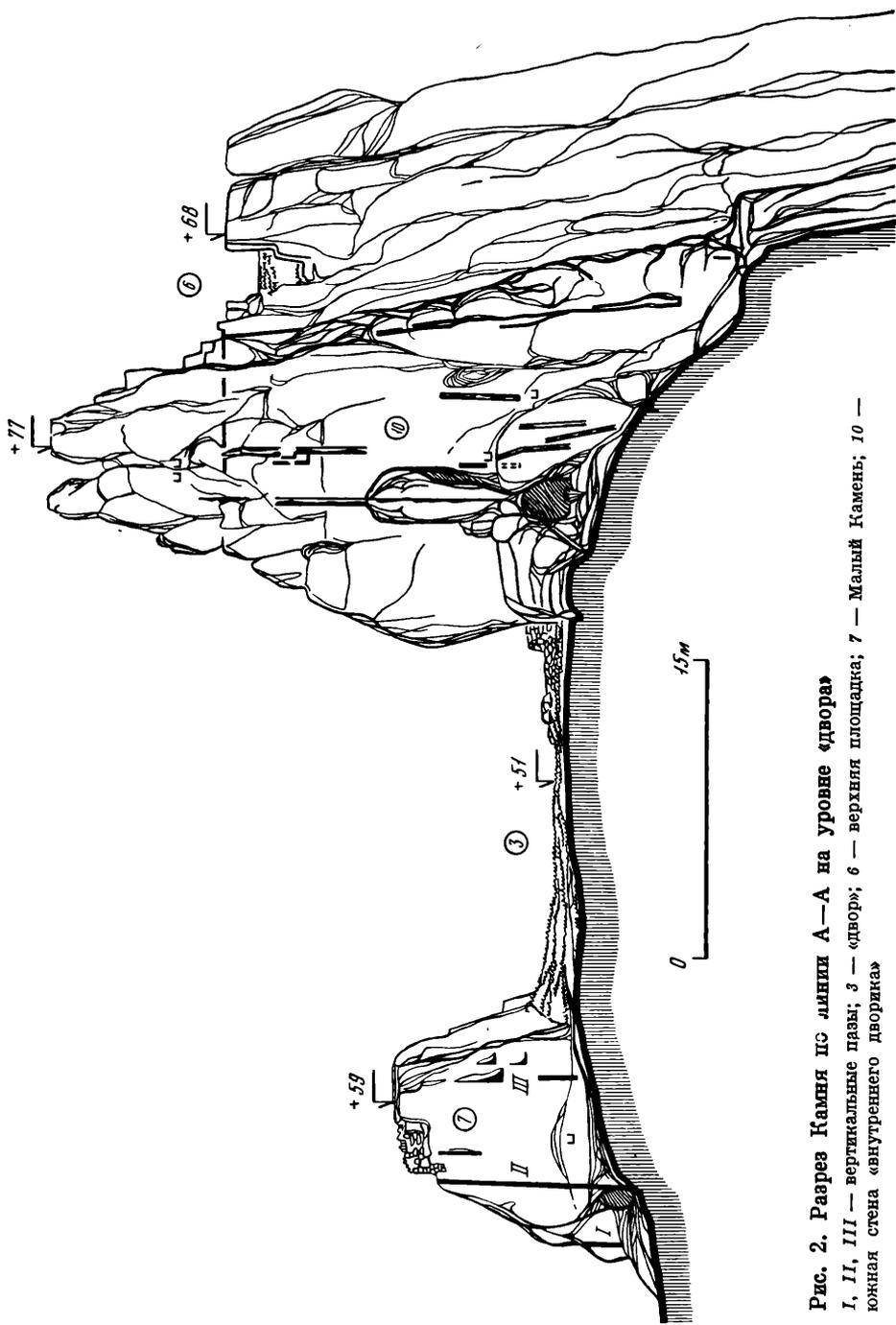

Рис. 2. Разрез Камня по линии А—А на уровне «двора»
 I, II, III — вертикальные пазы; 3 — «двор»; 6 — верхняя площадка; 7 — Малый Камень; 10 — южная стена «внутреннего двора»

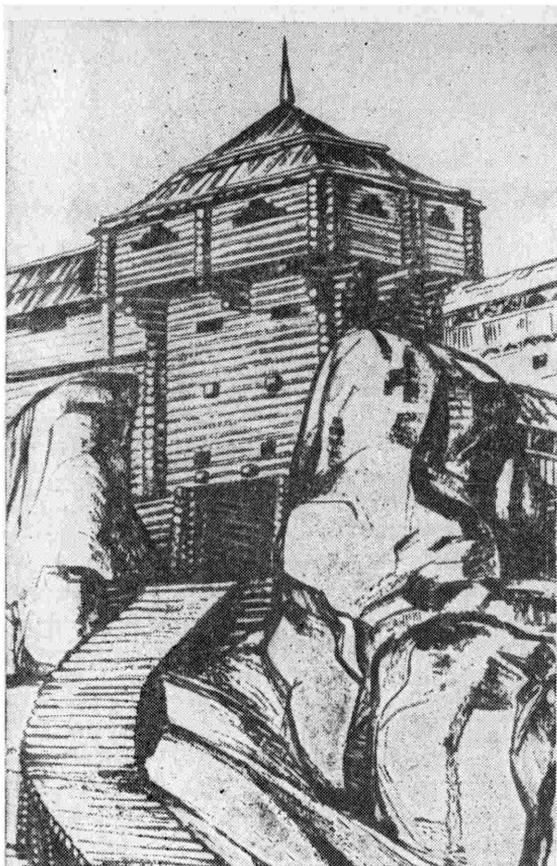

Рис. 3. Реконструкция ворот, вид с севера

брусьев 30 см. Другой конец бревен примыкал к трещине Малого Крыла. Ее высота до уровня вершины Малого Камня 12 м. Третья стена примыкала на месте третьего паза, а противоположной стороной лежала на специально вырубленной полке Малого Крыла. Одновременно она имела связь с клетями северной крепостной стены. Вторая и третья стены были связаны между собой в сруб размерами 5×5 м. Эта ширина обусловлена расстоянием между пазами и шириной между Малым Камнем и Малым Крылом. Проезжая часть образована горизонтальными балками, расположенными между Малым Камнем и Малым Крылом. Балки, следы от которых хорошо сохранились, были перекрыты сверху специальным помостом проезда. Ширина проезжей части была ограничена по бокам двумя стенами, конструктивно поддерживавшими прорезку ворот второй и третьей стены. Проезд перекрывался балками на высоте 4 м, вероятно, образуя боевой помост. Ширина ворот была около 3 м (основой для такого вывода послужили материал археологических исследований в Судовой Вишне¹⁷ и анализ ворот горных замков в Польше). С востока ворота были защищены подъемным мостом. Его основанием была первая стенка, уровень которой кончается на высоте проезжей части. Верхняя часть въездной башни была значительно шире своего основания, что подтверждают следы от деревянных конструкций. Это давало возможность хорошо организовать защиту нижней части башни и ворот. Невзирая на относительную доступность с востока, башня ворот, зажата скальными массивами, хорошо защищала доступ на территорию «двора». Эта защита облегчена размещением на вершине Камня и Отдельного Камня оборонительных сооружений, которые значительно возвышались над башней ворот. «Мертвое» пространство на

вертикально в самой низкой части Малого Камня и имеет высоту 2 м. Второй вертикальный паз расположен на расстоянии 3 м от первого паза в сторону «двора». Общая его высота от проезжей части 9 м. Третий паз расположен на расстоянии 5,2 м от второго и представлен отдельными фрагментами разной высоты. Северная сторона проезда, Малое Крыло, состоит из ряда камней, расстояния между которыми полностью совпадают с вертикальными пазами на Малом Камне. Отдельные трещины специально подрублены до ширины пазов, равной 30 см. Кроме вертикальных пазов, на Малом Камне и Малом Крыле имеется ряд горизонтальных врубов, которые были основанием проезда, и уровень их совпадает с уровнем площадки «двора». Хорошо сохранившиеся следы дают возможность реконструировать въезд (рис. 3).

Ко второму пазу Малого Камня примыкала деревянная стена, толщина ее

подступах к воротам с востока с учетом высоты башни при обстреле с вершин не превышало расстояния 50—60 м от самых ворот. Подступ противника к воротам был усложнен еще и тем, что с востока укрепления Камня были усилены тройными рвами и валами.

Датировка постройки укреплений Тустани сложна. Археологические находки, в том числе керамический материал, подтверждают постоянное заселение этой территории с первой половины X до XII—XIII вв.¹⁸ При постройке крепостных стен Тустани подножью стены вместо вертикального профиля был придан сильно выраженный излом, от которого рикошетировали бы падающие сверху снаряды, поражая противника на значительном расстоянии. Этот прием в Европе стал известен после первого крестового похода и получил широкое распространение в каменном оборонительном зодчестве. В деревянных крепостных стенах этот прием проследить не удавалось из-за их плохой сохранности. Поскольку западная стена «внутреннего двора» и южная стена «двора» соприкасались со скальным массивом, для их конструктивной связи строителям пришлось по желаемому профилю стены продолжить пазы в скале. Такой паз, воссоздающий профиль стены, хорошо сохранился. Он был сделан во время последней перестройки деревянной крепости. Изучение следов более ранних стен исключает возможность их совместного существования. Исходя из этого, можно предполагать, что стены были перестроены в конце XII—начале XIII в. Ворота как часть единого ансамбля могут быть датированы тем же временем.

Укрепления Тустани, расположенные на окончании возвышенности, были сложным укреплением. Низкая сторона скального массива с востока была прикрыта тройными рвами и валами. С юга укрепления имели естественную защиту в виде горного потока. Кроме того территория была защищена рвом, соединявшимся с восточными рвами. За рвом с юга в небольшом отдалении проходила деревянная крепостная стена, примыкавшая к Большому Крылу, оставившая в местах соприкосновения со скалами два хорошо сохранившихся вертикальных паза высотой 13 м и шириной между ними около 3 м. Площадь всей территории городища, окруженная укреплениями и исследованная на данном этапе, составляет 3 га. Укрепления Камня совместно с укреплениями Острога Камня и Малой Скалы составляли мощный сторожевой пункт на торговом пути из Дрогобыча в Европу¹⁹. Многочисленные хорошо сохранившиеся горизонтальные врубы и вертикальные пазы дают возможность научно воссоздать не только плановую, но и объемную структуру крепости.

* Доклад в секторе славяно-финской археологии ЛОИА 19 мая 1977 г.

¹ Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1864, t. II, p. 625.

² Петрушевич А. С. Каменные развалины близ села Уричьа Стрийского округа суть остатки древняго русского города Тустань. — Зоря Галицька, 1854, № 10.

³ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego, 1880—1902, t. 12, s. 671.

⁴ Полный перечень литературы о Тустани см.: Janusz B. Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej. Lwów, 1918.

⁵ Wagilewicz I. Berda w Uruczu. — Biblioteka naukowego zakładu imienia Ossolinkich. Lwów, 1843, t. VI, s. 151—168.

⁶ Вісник «Народного дома», 1882, № 50—61.

⁷ Demetrykiewicz W. Groty wykute w skalach Galicji wschodniej pod względem archeologicznym. — Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1903, t. VI, s. 51—91.

⁸ Szaraniewicz I. Prähistorische und frühmittelalterliche Erdbauten in Galizien. — Mitteilungen d. c. kommission. Wieden, 1890, S. 3.

⁹ Smolka St. Urucz, wycieczka w gory Stryjskie. — Pamiętniki tow. tatrzańskiego. Kraków, 1878, t. III, s. 2—58; Tygodnik illustrowany. Warszawa, 1871, t. VIII, s. 76.

¹⁰ Czolowski A. Dawne zamki i twierdze na Rusi Halickiej. — Teka konserwatorska. Lwów, 1892, s. 120.

¹¹ Щур Р. Нариси з історії Тустані. — Радянська Верховина, 1969, № 9—37.

¹² Pannoppr П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 105.

- ¹³ *Wagilewicz I.* *Boldy w Polanicy. Album lwowskie.* Lwów, 1862, s. 307—315.
¹⁴ *Zbior wiadomosci do antropologii krajowej.* Kraków, 1879, t. III, t. 230.
¹⁵ *Гончаров В. К.* Скали Довбуша. — Пам'ятки України. Київ, 1970, № 4, с. 42—43.
¹⁶ *Rapport P. A.* Военное зодчество западнорусских земель... с. 105.
¹⁷ *Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час.* Київ, 1976, с. 159.
¹⁸ *Багрий Р. С.* Раскопки у с. Урч Львовской обл. — АО 1973 г. М., 1974, с. 241.
¹⁹ *Головацький Я. Ф.* Проходи через Карпати і шляхи сполучення древні і нинішні. — В кн.: *Карпатская Русь.* СПб., 1875, с. 21.

Т. В. ЮРКИНА

О РАСКОПКАХ В ВЯЗЬМЕ НА СМОЛЕНЩИНЕ

В 1973 г. отряд Смоленской археологической экспедиции Московского государственного университета произвел первые небольшие по площади разведочные раскопки в Вязьме.

Вязьма — один из древнейших городов Смоленщины. Ранняя история его не получила достаточного освещения в письменных источниках. Родословная вяземских князей начинается в XIII в. с Андрея Владимировича Долгая Рука, получившего город в удел от отца — Владимира Рюриковича¹. Под 1300 г. летопись впервые упоминает о Вязьме в связи с междоусобной войной в Смоленской земле, когда вяземский князь Андрей пришел с вяземичами на помощь осажденному Дорогобужу, заставив смоленского князя Александра Глебовича с братом Романом «уйти восвоеси»².

Выгодное положение города на реке Вязьме, связывающей бассейны важнейших рек — Днепра и Волги, Днепра и Оки, способствовало его росту и экономическому развитию, определило интерес к этому району Московской Руси, с одной стороны, и литовско-польских князей — с другой, превратив тем самым город в объект непрекращавшихся территориальных притязаний. С начала XV в. Вязьма находилась под властью Литвы³. Возвращенная в 1493 г. навсегда в состав Московского государства⁴, она на протяжении XVI—XVII вв. не раз становилась главным лагерем русских войск в западных кампаниях. Обороне Вязьмы как пограничного города придавалось особое значение⁵. В первой трети XVII в. в городе существовали большая крепость с шестью каменными башнями и деревянными рублеными стенами на валу и малая крепость с тремя деревянными башнями на Соборной горе⁶. Несомненно, что оборонительные сооружения были в городе и прежде.

В начале XX в. археологические обследования окрестностей Вязьмы проводила Е. Н. Клетнова, выявившая юго-западнее города древнее городище с валом и рвом и курганы⁷. До раскопок 1973 г. было известно, что почва города в низменных местах насыщена влагой. Так, в 1851 и 1854 гг. при постройке общественных зданий на торговой Богородицкой площади (ныне район Советской площади) и более возвышенных местах на глубине от 1 до 3 м были открыты деревянные мостовые⁸. То же наблюдалось при строительстве современного Дворца культуры (приблизительно в центре большой крепости). По сообщению С. И. Борисова, одного из инициаторов и создателей Вяземского музея, на стенках котлована под фундаментом этого здания были четко различимы несколько сменявших друг друга настилов деревянных мостовых. Все это говорило о хорошей сохранности древесины в культурном слое города.

Местом раскопок 1973 г. была выбрана Соборная гора. Отсутствие коммуникаций, насаждений, видимых нарушений слоя, а также близость древней городской церкви сделали небольшую площадку к востоку от Троицкого собора наиболее подходящей для проведения археологических работ (рис. 1). Основная задача заключалась в исследовании мощности,

Рис. 1. Место раскопок 1973 г. в Вязьме

состава и особенностей культурного слоя. Следовало также проверить предположение, было ли на Соборном холме древнее городище⁹.

В результате раскопок выяснилось, что мощность культурного слоя на данном участке города составляет около 4 м. Древний рельеф восточной части Соборной горы имел более значительный уклон к востоку и северу, чем его современная поверхность, так что материк — плотный крупный оранжево-желтый песок — залегал в пластах 16—20.

Выявлено четыре слоя культурных напластований:

1. Слой рыхлой светлой сыпучей земли с битым современным и большемерным кирпичом и с песком, включающий прослойки извести, кирпичной крошки и глины. Мощность от 0,04 до 0,86 м. Датируется по находкам современного стекла и поздней поливной керамики XVIII—XX вв. Прослойки связываются с ремонтами и перестройками собора, неоднократно производившимися в то время.

2. Плотный слой извести с поливной, чернолощеной и красноглиняной черепицей, битым кирпичом (толщина 8 см) и непосредственно перекрывающая его прослойка строительного мусора с угольками — слой строительства собора и последовавшего вскоре ремонта, вызванного, видимо, пожаром. Мощность 0,3—0,6 м.

Дата постройки собора — 1674—1676 гг.¹⁰ Существует, однако, и другое мнение. На основе сходства композиции плана, размеров, техники кладки, раствора собора Болдинского Дорогобужского монастыря и Троицкого Вяземского собора И. Д. Белогорцев высказал предположение, что кирпичный собор в Вязьме был выстроен (на ширину трех апсид

центральной части) в 70—90-е годы XVI в. Федором Коном или ближайшими к нему мастерами. Затем, уже в XVII в., были пристроены боковые приделы¹¹. Но у нас нет прямых свидетельств о существовании в Вязьме в конце XVI—начале XVII в. каменного собора. По указанию Бориса Годунова в конце XVI в. соборная церковь Вязьмы (в то время — церковь Николая Чудотворца) обновляется, и к ней пристраиваются два придела. Здание было так ветхо, что его пришлось разобрать до основания и выстроить новое¹². Невероятно, чтобы такое обветшание произошло с каменным собором за два десятилетия.

Новая церковь была освящена в октябре 1598 г., т. е. в разгар строительства грандиозной Смоленской крепости, потребовавшего огромных средств, мобилизации каменных и кирпичных дел мастеров всей Московской Руси и конечно же в первую очередь Смоленщины. Трудно представить, чтобы на фоне такого общегосударственного дела, недалеко от основной стройки, в небольшом периферийном городе велось не имевшее оборонного значения каменное строительство. Наконец, писцовые книги Вязьмы 1627 г. свидетельствуют, что соборная церковь была «древянна клецки», при ней два придела и шатровая колокольня, все остальные городские церкви были также деревянные¹³. Таким образом, второй слой можно датировать временем не ранее первой трети, а скорее всего второй половины XVII в. Содержащиеся в нем фрагменты черепицы нескольких видов и типов дают реставраторам и историкам архитектуры интересные сведения о первоначальном покрытии и облике Троицкого собора (табл.).

Т а б л и ц а
Характеристика черепицы, найденной в Вязьме

Вид	Тип	Ширина по верху (см)	Толщина (см)	Ширина нижнего «зуба» (см)	Высота вырезанной части (см)	Расстояние от края до отверстия (см)	Диаметр отверстия для гвоздя (см)
Чернолощенная	«Бобровый хвост»	12—13	1,8—2,0	3,8—4,0	8,5	3,5—4,0	0,8—1,0
Красноглиняная	То же	11—12	2,0	То же	8—9	?	?
Поливная	Городчатая	12—13 или 8	1,0—1,5	3,8	5,5	3,5—4,0	1,0

Количественно преобладающая чернолощенная и единичные фрагменты красноглиняной черепицы представлены досковидной прямоугольной черепицей типа «бобровый хвост», хорошо известной по московским памятникам конца XVI—XVII в.¹⁴ Один фрагмент красноглиняной черепицы изогнут по длинной оси, остальные — плоские, что указывает на различное их назначение как кровельного материала. Вся чернолощенная черепица плоская, со следами извести на обеих поверхностях. Найдено несколько гвоздей с широкими шляпками, которыми черепица крепилась.

Белоглиняная поливная черепица встречается реже, представлена иным типом — досковидной городчатой с тремя уступами-городками в нижней части. Такой тип поливной черепицы применялся в Москве и ее окрестностях в конце XVI—XVII в.¹⁵ Найдена поливная черепица двух разновидностей — прямоугольная и с суженным верхом, последняя служила для покрытия глав. Цвета поливы: зеленый — самые многочисленные фрагменты (оттенки от темных до салатного), желто-коричневый, темно-оливковый (меньше всего фрагментов). Полива покрывает наружную поверхность, затекая на внутреннюю и в отверстия для гвоздей. Вся черепица оттиснута в формах, после чего ножом сделаны вырезы в нижней части досок. Обжиг хороший.

Исходя из количественного соотношения черепицы разных видов и ее толщины, можно предположить, что поливная черепица сменила чернолощеную и красноглиняную во время возведения кирпичного собора, и в слой строительного мусора попал ее бой.

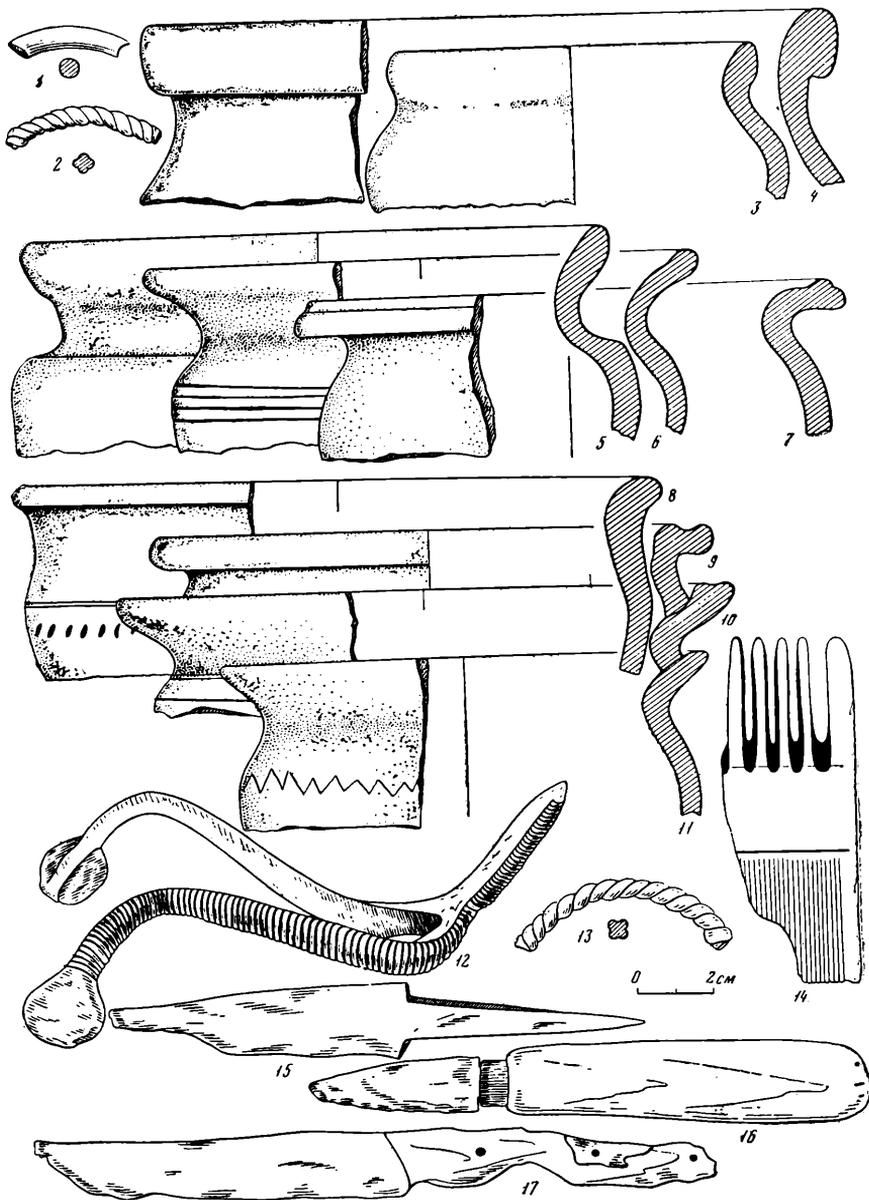

Рис. 2. Вещи из раскопок в Вязьме

1, 2, 13 — стекло; 3—11 — керамика; 12, 15—17 — железо; 14 — дерево

3. Слой рыхлой коричневой земли, содержащий включения угольков, песка, глины. Мощность 0,3—0,98 м. Среди находок преобладает керамика — фрагменты светлоглиняных неорнаментированных сосудов со слабоогнутыми невысокими утолщенными или завернутыми венчиками, снаружи имеющими вид округлых валиков (рис. 2, 3, 4), а также немногочисленные обломки чернолощенных и краснолощенных сосудов, некоторые из них с рифлением. В этом слое встречены плохо сохранившиеся отдельные деревянные поделки, береста, кости животных. Найдены фрагменты слюдяного оконца, цветные стекла западноевропейского и византийского рецептов¹⁶. Находки позволяют датировать слой XVI—первой половиной XVII в.

4. Слой плотной темно-коричневой земли со щепой и навозом, включавший горелую прослойку и остатки нескольких ярусов деревянных сооружений. Мощность его наиболее значительна — от 1,42 до 2,1 м.

Верхний ярус деревянных сооружений, подчиняясь древнему рельефу, залегал в пластах 9—10 — начале 11-го и включал различной сохранности бессистемно расположенные сосновые и дубовые бревна. В пластах 10—12 располагался ярус, представленный обгоревшими сосновыми бревнами и досками и настилом из сосновых досок с круглой вырубкой. Область пожара локализовалась в южной части раскопа. Горелым ярусом перекрыт ярус, лежавший в пластах 12—13, включавший горизонтальные сосновые бревна хорошей сохранности, вертикально врытые сосновые и дубовые бревна, а также две стены сруба. Сруб сохранился на два венца. Он рублен из сосновых бревен в обло с выпуском концов на 25 см. Лучше сохранилась стена, ориентированная с юга — юго-запада на север — северо-восток и выявленная более чем на 3 м.

Пласты, в которых залегали перечисленные ярусы, насыщены фрагментами кожаной обуви различных фасонов, в том числе с наборными каблучками, обрывками шерстяных и льняных тканей, бытовыми деревянными поделками, костями преимущественно крупного и мелкого рогатого скота и свиней¹⁷. Найдены фрагменты стекол западноевропейской рецептуры, железные ножи обычных форм (рис. 2, 15, 17). В облике керамики заметна тенденция к выделению венчика, усложняется оформление его края. Есть сосуды с уступами на плечиках, ложбинками для крышек на внутренней стороне венчиков, встречается орнамент в виде глубоко прочерченных линий и «волн» (рис. 2, 5—7). Наряду со светлоглиняной керамикой бытует красноглиняная, встречено несколько фрагментов краснолощеной. По находкам пласты, где залегают три верхних яруса деревянных сооружений, датируются XIV—XV вв.

Нижние пласты (13—17) слоя земли с навозом и щепой содержат немногочисленные остатки сосновых бревен плохой сохранности. Только в этих пластах найдены фрагменты стеклянных браслетов киевской рецептуры (рис. 2, 1, 2, 13), обломок деревянного двустороннего гребня (рис. 2, 14), шпора с потайными петлями, коническим шипом и медной проволочной инкрустацией (тип III по А. Н. Кирпичникову; рис. 2, 12), столовый нож с бронзовым украшением деревянной рукояти (рис. 2, 16). Массовые находки представлены фрагментами кожаной обуви (в том числе деталями сапог), войлока, тканей (интересен обрывок тонкой шерстяной ткани с двойной мережкой), костями животных. Хорошо сохранились фрагменты лыкового плетения — пояса и, видимо, лаптей. Преобладает красноглиняная керамика. Заметно ухудшение обжига. Венчики в основном значительно отогнуты, вытянуты, с раздвоенным краем и ложбинкой для крышек. Большинство фрагментов украшено прочерченным линейным и зигзагообразным орнаментом, а также наколами (рис. 2, 8—11). На основании перечисленных находок нижний ярус датируется XII—XIII вв.

В целом самые мощные культурные напластования на раскопанном участке Соборной горы датируются в широких пределах XII—XV вв. Предматериковый гумусированный темно-серый песок с мелкими камешками не содержал находок, поэтому определить нижнюю дату более узко, чем XII в., пока не представляется возможным. Этот размытый предматериковый песок в значительной степени нивелировал древнейшую поверхность там, где она имела уклон к востоку. Материковые ямы не обнаружены.

Таким образом, археологические раскопки подтвердили предположение о хорошей сохранности в культурном слое Вязмы древесины и других органических остатков, что позволит в будущем получить серию абсолютных дендрохронологических дат. Соборный холм «вырос» в результате жизнедеятельности людей почти на 4 м. Вещественные находки XII—XVII вв. свидетельствуют об общерусском характере материальной культуры города. Следы древнего городища на раскопанном участке Соборной горы не встречены.

- ¹ *Виноградов И. П.* Исторический очерк г. Вязьмы с древнейших времен до XVII в. включительно. М., 1890, с. 4; *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977, с. 194, 198.
- ² ПСРЛ, 1848, т. I, с. 208.
- ³ ПСРЛ, 1841, т. III, с. 102; 1851, т. V, с. 252; 1907, т. XVII, с. 49.
- ⁴ ПСРЛ, 1907, т. XVII, с. 553.
- ⁵ Акты исторические, 1841, т. III, № 116.
- ⁶ Вяземские писцовые книги князя Ивана Федоровича Волконского 1627 г. Смоленск, 1882, с. 20.
- ⁷ *Клетнова Е. Н.* Археологические разведки Вяземского уезда. М., 1915, с. 17—20.
- ⁸ *Никифоров Ф., Неверович В.* Историко-статистическое описание г. Вязьмы и его уезда. — В кн.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г. Смоленск, 1856, с. 30.
- ⁹ *Клетнова Е. Н.* Записка с изложением истории собора в г. Вязьме и просьбой о его реставрации. — ИАК, 1914, 52, с. 41.
- ¹⁰ *Макаревский А.* Вяземская соборная Святотроицкая церковь. — В кн.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 г. Смоленск, 1861, с. 39.
- ¹¹ *Белогорцев И. Д.* Зодчий Федор Конь. Смоленск, 1949, с. 12; *Он же.* Памятники архитектуры Смоленской обл. Смоленск, 1950, с. 5; *Он же.* Памятники архитектуры Смоленской обл. Каталог с аннотациями. Смоленск, 1956, с. 18.
- ¹² *Макаревский А.* Вяземская соборная... церковь, с. 33.
- ¹³ Вяземские писцовые книги... с. 1, 2.
- ¹⁴ *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. — САИ, 1968, в. Е1-39, с. 39, 40, табл. 14, 21, 22, 28, 29.
- ¹⁵ Там же, с. 54; *Огнев Б. А.* Успенский собор в Звенигороде на «городке». — МИА, 1955, 44, с. 50, 51.
- ¹⁶ Спектральный анализ вяземских стекол проведен Ю. Л. Шаповой. См.: *Юркина Т. В.* Отчет о раскопках в Вязьме в 1973 г., Приложение III. Архив ИА, № 6298.
- ¹⁷ Анализ костных остатков проведен Е. Г. Андреевой (Там же, Приложение II).

В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ

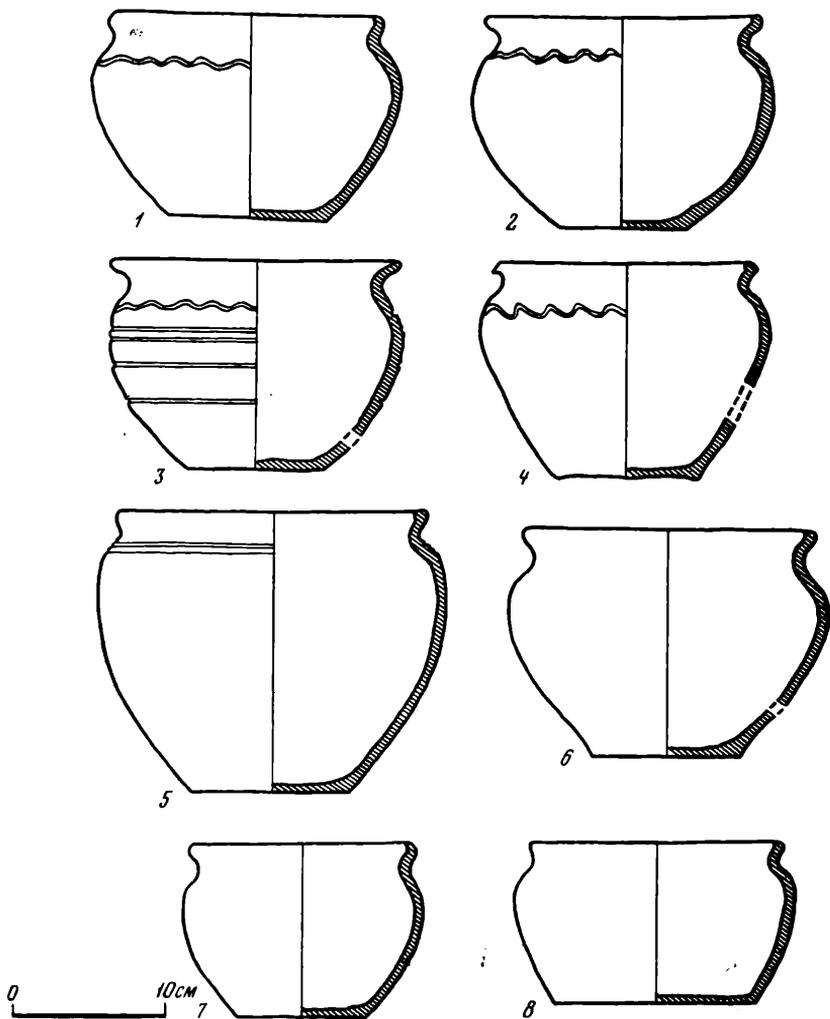
ОБ ОДНОМ ИЗ ТИПОВ КЕРАМИКИ XIV—XVI ВВ. КРЕПОСТИ ОРЕШЕК

В истории керамического производства средневековой Руси наиболее слабо изучена позднесредневековая керамика. Плохая сохранность поздних слоев, отсутствие надежного датирующего материала затрудняли исследование проблемы. За последние годы при раскопках крепостей XIV—XVI вв. на северо-западе Руси собран огромный керамический материал этого периода.

Во время исследования крепости Орешек найдено свыше 7 тыс. фрагментов венчиков сосудов¹. Четкая стратиграфия², данные дендрохронологического анализа³, письменных источников позволили создать типологическую и хронологическую шкалу керамики этого памятника со второй четверти XIV до середины XVI в.

За основу типологической классификации взят профиль венчиков сосудов, так как фрагментарность материала не позволяет в достаточной мере опереться на какие-либо другие признаки. Кроме того, удалось проследить развитие форм венчиков и горшков и их варианты во времени. Там, где это было возможно, учитывались форма сосуда, а также состав глиняного теста, обжиг, орнаментация.

Наше внимание привлек самый распространенный среди керамического материала Орешка и хорошо известный большинству исследователей древностей средневековой Руси тип горшков как наиболее характерный для XII—XIII вв. Это сравнительно невысокие округлые широкодонные сосуды с расширением тулова в верхней трети (рис. 1). Высота горшков, как правило, составляет $\frac{2}{3}$ их ширины, и лишь единичные горшки имеют более стройные пропорции (рис. 1, 5). Венчик отогнут наружу, край слегка приподнят, закруглен и загнут внутрь, образуя канавку. Шейка довольно высокая, мягко изогнута и плавно переходит

Рис. 1. Горшки XIV—XVI вв.

1, 5 (вариант Е) — первая половина XV в.; 2, 3 (варианты А, В) — первая половина XIV в.; 4 (вариант Г) — конец XIV—XV в.; 6 (вариант Б) — вторая половина XIV в.; 7 (вариант А) — вторая половина XV в.; 8 (вариант Е) — XVI в.

в округлые плечики сосуда. В XV—XVI вв. шейка постепенно уменьшается, изменяется и угол наклона венчика. Распределение горшков этого типа по слоям показано в табл. 1.

96—98% сосудов изготавливались из серой глины с примесью крупного и среднего песка и изредка дресвы. Цвет черепка бурый или серый. Встречаются черепки и желто-красного цвета (2—3%) с примесями более мелкого песка, в основном в слое второй половины XIV в. В изломе черепок черный или темно-серый, двух- и трехслойный, есть и однослойные.

В слое второй половины XV в. появляются единичные фрагменты, изготовленные из беложгущейся, более пластичной глины. В XVI в. они составляют уже 5% от общего числа фрагментов. Все горшки сделаны на гончарном круге в технике спирального налепа. Днища, как правило, плоские, редко — вогнутые, иногда со следами песчаной подсыпки. Клейма не обнаружены. Большинство сосудов использовалось для приготовления пищи, они имеют следы коготы и нагара.

По диаметрам венчиков можно выделить три группы — с малым диаметром, средним и большим (табл. 2).

Т а б л и ц а 1
Распределение керамики по слоям

Дата	Фрагменты		Целые сосуды	Дата	Фрагменты		Целые сосуды
	количество	%			количество	%	
Крепость XIV—XV вв.				Посад XV в.			
Вторая четверть XIV в.	354	34,7	13	Первая половина XV в.	220	58,5	6
Вторая половина XIV в.	618	46,6	16	Вторая половина XV в.	305	63,6	4
Конец XIV—XV в.	981	46,6	18	Первая половина XVI в.	236	10,2	3
				Итого	2714		60

Со второй половины XIV по середину XV в. наблюдается стабильная картина во всех трех группах. Во второй половине XV в. происходит увеличение количества горшков большого диаметра. В XVI в. картина полностью меняется: значительно увеличивается количество горшков малого и среднего диаметра.

Для орнаментации использовалась плавная однорядная «волна», нанесенная палочкой по плечу сосуда (от 83 до 92% общего числа орна-

Т а б л и ц а 2
Распределение венчиков по группам в зависимости от диаметра (%)

Дата	Диаметр			Дата	Диаметр		
	малый (9—15 см)	средний (16—23 см)	большой (24—31 см)		малый (9—15 см)	средний (16—23 см)	большой (24—31 см)
Крепость XIV—XV вв.				Посад XV в.			
Вторая четверть XIV в.	1,2	59,5	39,3	Первая половина XV в.	0,3	63,7	30,0
Вторая половина XIV в.	0,7	63,6	35,6	Вторая половина XV в.	1,3	53,4	45,2
Конец XIV—XV в.	1,5	63,9	34,6	Первая половина XVI в.	3,0	71,8	25,2

ментированных фрагментов). Другие элементы орнамента — двурядная «волна», линия, насечки и их сочетания — встречаются довольно редко и характерны в основном для слоя XIV в. Фрагментарность материала не дает возможности оперировать точными цифрами, но позволяет уловить тенденцию к уменьшению количества орнаментированных сосудов этого типа во времени: в XIV в. — 45—66%, в XV в. — 30—33%, в XVI в. — 7%.

По форме венчика, оформлению его края горшки данного типа можно разделить на шесть вариантов (рис. 2).

Вариант А (рис. 1, 2, 7). Характерны высокая, мягко изогнутая шейка, скругленный и загнутый внутрь край венчика. Горшки варианта А составляют основную массу этого типа и продолжают бытовать вплоть до XVI в., несколько изменив форму венчика и пропорции.

Вариант Б (рис. 1, 6). Отличается от варианта А более четко выраженной шейкой и ложбинкой на внутренней стороне горла. Количество фрагментов этого варианта невелико.

Вариант В (рис. 1, 3). Характерен сильно отогнутый к плечикам край венчика, образующий по отношению к шейке угол, близкий к прямому.

Вариант Г (рис. 1, 4). Очень редкий — всего шесть фрагментов. Отличается от ранее описанных оформлением края венчика, треугольного в сечении и несколько оттянутого наружу.

Вариант Д. Также сравнительно малочислен (29 фрагментов). Имеет высокий венчик, четко выраженную шейку и утолщение наружного края венчика.

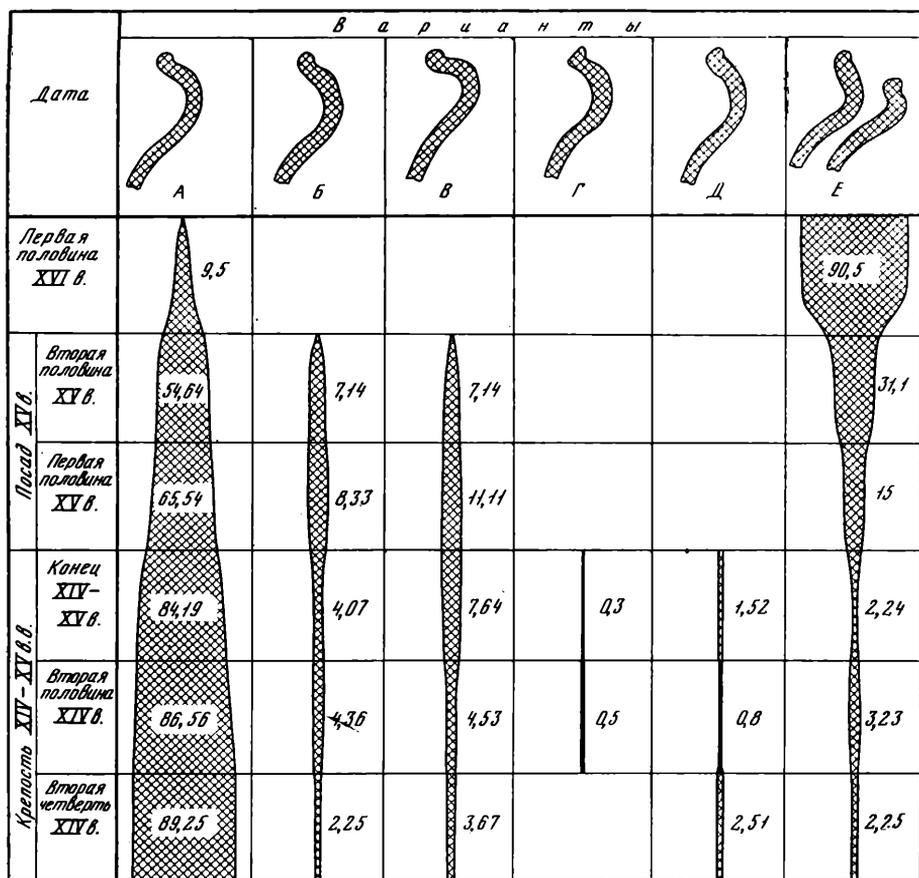

Рис. 2. Статистика распределения вариантов горшков по слоям (в %)

Вариант Е (рис. 1, 5, 8). Характерен довольно короткий, прямой, немного отогнутый наружу венчик, невысокая шейка. Надо отметить, что с конца XV—начала XVI в. высота венчика значительно уменьшается.

Варианты данного типа распадаются на четыре группы, отличающиеся динамикой развития (рис. 2).

Группа I (вариант А). Ведущая форма горшков данного типа. На протяжении XIV—начала XV в. довольно стабильная. В XV в. происходит значительное (на треть) уменьшение количества фрагментов этого варианта, и в первой половине XVI в. он постепенно исчезает.

Группа II (варианты Б и В). Здесь наблюдается несколько иная картина. В начальный период существования новгородской крепости они составляли лишь 2,2 и 3,6%. В течение XIV—начале XV в. доля их несколько увеличивается и в первой половине XV в. достигает 8,3 и 11,1%. Во второй половине XV в. наступает равновесие — 17,14%, а в XVI в. — полное исчезновение.

Группа III (варианты Г, Д). Очень малочисленна, бытует в основном в XIV в. и исчезает в начале XV в. Керамику этой группы можно отнести или к каким-то старым, пережиточным формам, или к вариантам, появившимся в середине XIV в. и не получившим дальнейшего развития.

Группа IV (вариант Е). Самый поздний вариант типа. В XIV—начале XV в. его доля не превышает 2—3%, в первой половине XV в. составляет уже 15%, во второй половине XV в. — 31%, а в XVI в. — 90,5%, вытеснив все прочие варианты, кроме А.

Описываемый тип средневековой керамики хорошо известен среди материалов XII—XIII вв. Он считается «общерусским» и в XII—XIII вв. встречается во всех городах древней Руси⁴. В Москве горшки такого типа

использовались, преимущественно для приготовления пищи, в XII—XIII вв. В более позднее время употреблялись горшки с венчиками, которые генетически увязываются с этим типом⁵. Но они несколько отличаются от наших. Встречены подобные сосуды и среди керамического материала Новгорода. Г. П. Смирнова отнесла их ко второму типу (варианты В, Г) и датировала XI—XIII вв.⁶ Подобная керамика («курганый» тип) найдена в Ярославле в слоях XII—XIII вв.⁷, в Волковыске⁸ и на других памятниках. Все исследователи датируют этот широко распространенный тип XII—XIII вв.

Правомерно поставить вопрос, почему в Орешке эти горшки датируются временем до XV—XVI вв.? Можно предположить, что в этот период такая керамика была свойственна лишь Орешку — небольшому городу, затерянному на границах Новгородской земли. Но подобная керамика вырисовывается и при обработке керамического материала из раскопок Корелы, Яма⁹. Кроме того, доля горшков этого типа в Орешке возрастает на 5—10% с каждым строительным горизонтом, вытесняя другие типы (табл. 1) и составляет во второй половине XV в. 63,6% всех горшков. Лишь в XVI в. они были вытеснены новыми формами. Статистические подсчеты вариантов (рис. 2) показывают, что на протяжении почти 230 лет этот тип постепенно развивается, совершенствуется, подчиняясь общим законам развития керамики этого периода: дальнейшей унификации и стандартизации гончарного производства, упрощению формы венчика, орнаментации, изменению пропорций, сокращению количества типов и вариантов.

Коллекция восстановленных сосудов этого типа (60 экз.) была подвергнута статистической обработке по программе, предложенной В. Ф. Генингом (табл. 3)¹⁰.

Т а б л и ц а 3
Статистическая обработка целых сосудов

Дата	Количество горшков	Высотный указатель	Высотнo-горловой указатель	Профиль шейки	Ширина днища
Вторая четверть XIV в.	13	0,77	0,10	0,34	0,55
Вторая половина XIV в.	16	0,74	0,098	0,43	0,54
Конец XIV—XV в.	18	0,76	0,095	0,38	0,52
Первая половина XV в.	6	0,76	0,10	0,4	0,50
Вторая половина XV в.	4	0,76	0,11	0,38	0,53
Первая половина XVI в.	3	0,6	0,47	0,27	0,46

Подсчеты показали очень большую близость параметров сосудов XIV—XV вв., что подтверждает вывод о значительной стандартизации производства. В то же время горшки первой половины XVI в. выпадают из этого ряда, имея совсем другие показатели: меньшую высоту самого горшка и его верхней части, более простой профиль шейки и меньший наклон венчика, широкое днище (рис. 1, 8). Изменения в начале XVI в. обусловлены, с одной стороны, внутренним развитием местных традиций, а с другой — несомненным влиянием московского керамического производства, так как в это время Орешек, как и другие новгородские города, был присоединен к Москве.

Ответить на поставленный вопрос однозначно не представляется возможным до полной обработки коллекции керамики других городов XIV—XV вв. северо-запада Руси, а также керамики этого периода из раскопок в Новгороде. Можно предложить два ответа на этот вопрос:

1. Длительное сохранение традиций XII—XIII вв. в керамическом производстве XIV—XV вв. провинциальных центров Новгородской земли — явление чисто провинциальное, присущее только им¹¹.

2. Эта тенденция, может быть, в меньшей степени существовала и в крупных керамических центрах (Новгороде), но до сих пор ввиду плохой изученности материалов этого периода на нее не обращали внимания.

- ¹ В 1968—1970 гг. раскопки проводились под руководством А. Н. Кирпичникова, а в 1971—1975 гг. — автора данной статьи.
- ² Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1972.
- ³ Черных Н. В. Дендрохронология древнего Орешка. — КСИА, 1975, 144, с. 101—103.
- ⁴ Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. — КСИА, 1971, 125, с. 34, рис. 5, 1; 7, 1.
- ⁵ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. — САИ, 1968, в. Е1-39, с. 8, табл. 2, 1.
- ⁶ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 230, рис. 5, 5, 6.
- ⁷ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. — МИА, 1949, 11, с. 186, рис. 9, 10.
- ⁸ Зверуго Я. Г. Древний Волковиск. Минск, 1975, с. 69, рис. 22, VI.
- ⁹ Материалы из раскопок крепостей Корела и Ям любезно предоставлены А. Н. Кирпичниковым.
- ¹⁰ Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. — СА, 1973, № 1, с. 114—135.
- ¹¹ Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Тиверский городок (к вопросу изучения древностей Русской Карелии). — КСИА, 1974, 139, с. 108.

А. А. ЮШКО, Л. С. ХОМУТОВА

НОЖИ ИЗ РАСКОПОК ЗВЕНИГОРОДА МОСКОВСКОГО

При раскопках городища Городок в Звенигороде в 1974—1976 гг. вскрыто более 700 кв. м культурного слоя. Получен значительный комплекс вещей (около 1 тыс. находок), отдельные категории которых могут стать объектом специального исследования.

К числу таковых относятся ножи. Общее их количество равно 95. Происходят они из двух основных раскопов (1 и 4), расположенных к западу от Успенского собора.

Безусловно, стратиграфия культурного слоя Звенигорода должна быть предметом специального изложения, но некоторые ее особенности, повлиявшие и на распределение ножей в толще культурного слоя, здесь отметить необходимо. Общая мощность культурного слоя Звенигорода составляет в среднем 0,8 м, причем древнейшие слои, как было отмечено еще Б. А. Рыбаковым, датируются XII в.¹ Наиболее поздние сооружения, выявленные нами в раскопе 1, относятся к XVIII в. Впрочем, прибрежная часть городища заселена и сейчас.

Но, по-видимому, не повсюду культурный слой городища сохранил последовательно напластования всех периодов. Так, если верхние пласты раскопа 1 содержали напластования XVI—XVII вв. и более позднего времени, то верхние пласты раскопа 4 относились к периоду расцвета города — концу XIV—первой половине XV в., в более позднее время здесь не жили. Мощность культурного слоя не везде одинакова. Так, в восточной части раскопа 1 материк обнажился на уровне третьего пласта, и материал, обнаруженный на этой поверхности (обломок семилопастного височного кольца, обломок стеклянного браслета и др.), относился к домонгольскому времени. На таком же уровне появился материк и на некоторых участках раскопа 4, в то время как на основной части двух раскопов глубина залегания материка 0,8 м. Поэтому приходится рассматривать местоположение каждой находки индивидуально и исходя из этого решать вопросы стратиграфической датировки ножей.

Б. А. Колчин разработал классификацию ножей Новгорода, основанную на соотношении ширины клинка и толщины обушка². В итоге представлена довольно четкая эволюция конструкции ножа и создана хронология групп ножей.

Для звенигородских ножей подобный принцип классификации неприемлем. Ножи, объединенные по этому принципу, оказались хронологиче-

ски различными. Поэтому в работе со звенигородскими ножами пришлось идти другим путем.

Исходя из стратиграфических датировок были выделены группы ножей, близких хронологически, и на основе такого деления прослежены изменения технологической схемы их изготовления. Конечно, таких четких стратиграфических датировок, как в Новгороде, где они основаны на дендрохронологии, в Звенигороде ожидать нельзя, но тем не менее полученные на этой основе группы в целом обнаруживают определенные закономерности в технологии изготовления, что служит подтверждением правильности методики.

Прежде всего из общего числа были изъяты ножи (16), происходящие из перекопов. Остальные ножи поделены на три хронологические группы:

	Целые	Обломки	Всего
1. XII—XIII вв. (домонгольский период)	18	8	26
2. XIV—XV вв. (период расцвета города)	32	15	47
3. XVI—XVII вв.	1		1
4. Дата неопределенна	4	1	5
Итого	55	24	79

Длина рабочей части ножей первой группы варьирует в пределах от 5,4 до 14,5 см, причем преобладают ножи размерами от 6,7 до 11 см. Толщина клинков изменяется от 0,2 до 0,4 см при значительном преобладании клинков толщиной 0,3 см. Ширина клинка колеблется в пределах 0,9—1,8 см, наиболее часто встречаются клинки шириной 1,2 и 1,4 см (рис. 1, 1—4).

По функциональному признаку ножи этой группы разделяются на три категории. Преобладающая часть (11) относится к хозяйственным универсальным (рис. 1, 2, 3). Шесть ножей (рис. 1, 4) принадлежат к категории рабочих, служивших для обработки дерева (ось, проходящая через рукоять, выше острого конца ножа). Один нож — столовый (рис. 1, 1).

Микроструктурному анализу подвергнуто 14 ножей этой группы, причем почти все они оказались изготовленными по довольно общей технологической схеме (рис. 2). Два ножа имели наиболее древнюю технологическую схему — трехслойную структуру со стальной полосой в центре и железными наварными пластинами по бокам. Подобная технологическая схема была наиболее рациональной. По новгородским данным такие ножи датируются X—XII вв.³ В Звенигороде эти ножи происходят соответственно из двух разных построек (в раскопах 1 и 4), которые являются наиболее древними, но не могут быть датированы временем ранее XII в.

Шесть ножей имели торцовую наварку стального лезвия на железную основу — технологический прием, значительно упрощающий изготовление ножа. Подобные ножи датируются в Новгороде первой половиной — концом XII в.

Три ножа имели косую наварку стального лезвия на железную основу с последующей закалкой.

И лишь два ножа выпадают из этих хронологически близких технологических схем. Один из них имеет целиком ферритную структуру, а другой — цельностальную. Оба ножа происходят из заполнения двукамерной постройки XII в. в раскопе 1. Но поскольку комплекс не является закрытым, весьма возможно, что в заполнение постройки при ее разрушении попали вещи более позднего времени.

Ножи второй группы (XIV—XV вв.) наиболее многочисленны — 47 экземпляров (32 целых, 15 фрагментов). Поддающиеся измерениям целые ножи варьируют в размерах очень значительно (рис. 1, 5—9). Длина рабочей части — от 5,2 до 13,8 см, причем преобладают ножи размерами от 6,2 до 11 см. Толщина клинка колеблется от 0,2 до 0,5 см при явном преобладании клинков толщиной 0,3 см. Ширина клинка — от 0,7 до 2,3 см, наиболее часто встречаются клинки шириной от 1,2 до 1,6 см.

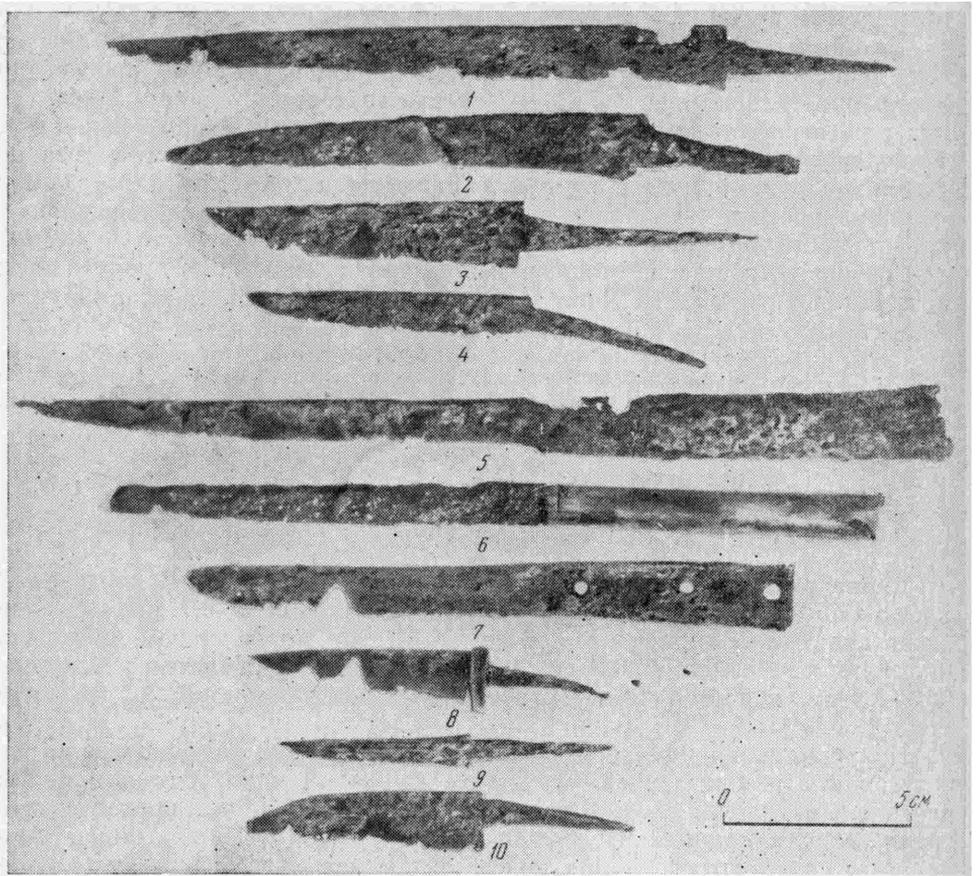

Рис. 1. Ножи из Звенигорода

1-4 — первая группа (XII—XIII вв.); 5-9 — вторая группа (XIV—XV вв.); 10 — третья группа (XVI—XVII вв.)

Дата	Технология				
XVI—XVII вв.					▽
XIV—XV вв. Период расцвета		▽ ▽ ▽	▽	▽ ▽ ▽ ▽ ▽ ▽	▽
XII—XIII вв. Домонгольский период	▽ ▽	▽ ▽ ▽ ▽ ▽ ▽ ▽	▽ ▽ ▽	▽	▽

Рис. 2. Технология изготовления ножей Звенигорода

Белый цвет — железо; черный — сталь

Таким образом, ножи XIV—XV вв. по основным размерам не отличаются от ножей XII—XIII вв.

Следуя новгородской схеме, среди ножей второй группы можно выделить некоторые категории, объединяемые по функциональному признаку.

Подавляющая часть ножей (20) может быть отнесена к категории хозяйственных, универсальных. Размеры их различны (рис. 1, 7—9). Рукояти, по-видимому, были преимущественно деревянными. Имеются экземпляры с сохранившимися штырьками на металлической основе рукояти для крепления накладных пластинок.

Три ножа принадлежат к категории столовых (рис. 1, 5, 6). Они отличаются удлинненными пропорциями и узкой шириной клинка. Один из них имеет цельнометаллическую полую внутри рукоять (рис. 1, 5).

Восемь ножей относятся к категории столярных. Они имеют несколько изогнутую рукоять. Ось ножа, проходящая через нее, всегда оказывается выше острого конца. Рукояти их либо деревянные, либо костяные наборные, причем часто накладные рукояти крепятся штырьками, которые прослежены неоднократно.

Один нож отличается крайне малыми размерами — длина рабочей части 5,2 см (рис. 1, 9).

Из этой группы ножей структурному анализу было подвергнуто 13 (рис. 2). Шесть из них оказались откованными целиком из стали. К ним примыкает нож, сваренный из двух стальных полос, причем на лезвии была сталь с большим содержанием углерода (анализ 744). Пять ножей имели торцовую наварку стального лезвия на железную основу ножа, один — косую наварку, еще один откован целиком из железа.

К третьей группе относится всего один нож (рис. 1, 10). Он имеет скругленную спинку при длине рабочей части 6,2 см. Изготовлен целиком из железа (анализ 763).

Таким образом, общая схема технологии изготовления ножей Звенигорода в домонгольский период близка к новгородской. Это ножи-пакеты; ножи, имеющие торцовую наварку стального лезвия на железную основу; ножи с косой наваркой стального лезвия.

В XIV—XV вв. (период расцвета города) продолжают изготавливать ножи, имеющие торцовую наварку стального лезвия, но преобладает технологическая схема, не свойственная предыдущему периоду, — изготовление цельностальных ножей. Это связано, по-видимому, с общими процессами стандартизации ремесла и упрощением в связи с этим технологической схемы изготовления ремесленной продукции.

¹ Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде Московском. — МИА, 1949, 12, с. 125—133.

² Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 48—56.

³ Там же, с. 54.

ХРОНИКА

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1977—1978 ГГ.

Работа сектора славяно-русской археологии в 1977—1978 гг. была сосредоточена на исследовании проблем: 1. Этническая история славян и их соседей; 2. Генезис феодализма на Руси и у соседей Руси; 3. История и культура древнерусского города; 4. Возникновение и развитие славянской и древнерусской культур; 5. Типология и хронология средневековых древностей Восточной Европы. Большое внимание сотрудники сектора уделяли работе над томами «Археологии СССР».

Вопросами, связанными с этнической историей славян, в течение многих лет занимаются В. В. Седов, И. П. Русанова, Г. Ф. Соловьева. В 1978 г. И. П. Русанова закончила плановую тему «Славянские поселения V—VIII вв. в Кодыне на р. Прут» и продолжает изучать раннеславянские памятники Повисленья. В итоге многолетних исследований Славянской экспедиции под руководством И. П. Русановой был накоплен большой материал, послуживший основой для написания докторской диссертации, которую И. П. Русанова защитила в 1978 г. Г. Ф. Соловьева завершила тему «Этнические особенности восточнославянских племен погребальным обрядам (VI—XII вв.)».

Большой интерес вызвали проведенная в 1977 г. конференция «Славянская керамика V—VIII вв.», в которой принимали участие и зарубежные коллеги из Польши, Болгарии, Чехословакии и других стран, а также организованный в 1978 г. международный симпозиум в Киеве «Происхождение славян».

Продолжалась работа по изучению этногенеза соседей славян. Так, всестороннему анализу археологических культур восточноевропейских финно-угров посвящена работа Р. Л. Розенфельдта «Племена Верхнего и Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э.». Вопросы сложения и развития салтово-маяцкой культуры нашли отражение в книге С. А. Плетневой «Хазары», изданной в СССР, а затем — в расширенном варианте — в ГДР. Происхождение южных соседей славян рассматривается в работе Г. Б. Федорова «Этногенез румын по археологическим данным в румынской историографии».

Некоторые исследования сотрудников сектора касаются проблем генезиса феодализма на Руси и у соседей Руси. А. А. Юшко изучает историческую географию Московской земли XII—XIV вв. Вышла из печати книга Л. В. Алексеева «Смоленская земля X—XIII вв.»

Роль археологических источников в освещении периода военной демократии и становления феодализма у народов Восточной Европы обсужда-

лась на теоретическом семинаре сектора. Этой тематике были посвящены доклады Л. А. Голубевой «Археологические признаки городов Северо-Восточной Руси», А. В. Кузы «Археологические признаки ранних городов Южной Руси», Г. Ф. Соловьевой «Образование союзов племен у восточных славян по данным погребальных обрядов», Г. Е. Афанасьева «Социальные отношения алан Северного Кавказа в V—VIII вв. по данным погребального обряда», А. К. Амброза «Борьба христианства и язычества в эпоху переселения народов», С. А. Плетневой «Черты военной демократии у кочевников средневековья», А. В. Чернецова «Сельское хозяйство и социальное развитие у восточных славян в догосударственный период».

Большой интерес представляют исследования сотрудников сектора в области истории и культуры древнерусского города. Этому способствуют полевые исследования, проводимые В. П. Даркевичем в Старой Рязани, А. Ф. Медведевым — в Руссе, Т. Н. Никольской — в Серенске, М. В. Седовой, Д. А. Беленькой и М. А. Сабуровой — в Суздале, М. Д. Полубояриновой — в Болгарах. В настоящее время готовится серия монографий о различных русских городах: Л. В. Алексеева — о Друцке, Брянчиславле, Мстиславле, Ростиславле; Д. А. Беленькой — о Китай-городе XII—XV вв.; Т. И. Макаровой — о древнем Корчеве; Т. Н. Никольской — о древнерусском Серенске; В. В. Седова — об Изборске; А. Ф. Медведева — о древней Руссе; М. В. Седовой — о Суздале.

В 1978 г. вышли в свет монографии М. В. Седовой «Ярополч Залеский» и М. Д. Полубояриновой «Русские люди в Золотой Орде». Закончена большая плановая тема А. В. Кузы «Малые города древней Руси».

Коллектив Новгородской экспедиции под руководством Б. А. Колчина и В. Л. Янина продолжает археологическое изучение Новгорода. О результатах работ этой экспедиции Б. А. Колчин ежегодно докладывает на заседаниях сектора.

В последние годы оживилось археологическое изучение крымских городов и в частности средневекового Херсонеса, исследование которого возглавил С. А. Беляев. Он закончил плановую тему, посвященную мозаикам «базилики на холме» в Херсонесе.

Постоянный интерес у сотрудников сектора вызывает проблема возникновения и сложения славянской и древнерусской культуры. В этой области успешно работает В. П. Даркевич, защитивший в 1978 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. В настоящее время он начал большую тему «Праздничная жизнь средневековья». Вышел из печати альбом «Клад из Старой Рязани», составленный В. П. Даркевичем и А. Л. Монгайтом.

Т. И. Макарова закончила монографию о древнерусской черни, а Т. В. Николаева подготавливает работу о древнерусской пластике из камня XI—XIV вв.

Теория древнерусского искусства находит свое отражение в трудах Г. К. Вагнера. Вышла в свет его крупная монография «Проблема жанра в древнерусском искусстве», переизданная в 1978 г. в США. В том же году опубликована монография А. А. Медынцева «Древнерусские надписи новгородского Софийского собора». Сейчас А. А. Медынцева приступила к теме по эпиграфике домонгольской Руси. Вышла из печати книга Н. Н. Велецкой «Языческая символика славянских архаических ритуалов». З. М. Сергеева исследует культурно-экономические связи западнорусских княжеств с Прибалтикой в X—XII вв.

В последние годы в круг интересов сектора включены и проблемы истории и археологии кочевников. К изучению алано-болгарских древностей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры приступил Г. Е. Афанасьев. И. Л. Кызласов начал работу о гротовых погребениях Хакасии.

Сотрудники сектора принимали участие в международном симпозиуме «Славяне и номады» в Болгарии. В 1977 г. в Институте археологии АН СССР был проведен Советско-Венгерский симпозиум. Подготовлен к печати сборник статей «Древности Евразийских степей» под редакцией

С. А. Плетневой. Успешно продолжают работать Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция в СССР и Болгаро-Советская экспедиция по изучению раннесредневековых памятников Болгарии.

Все сотрудники сектора работают над вопросами типологии и хронологии, посвящая этой проблеме большую часть своего труда. Исследуется, в частности, проблема типологии и хронологии средневековых древностей Восточной Европы. А. К. Амброз завершает большую плановую тему по хронологии северокавказских раннесредневековых древностей. В 1977 г. Г. Е. Афанасьев защитил кандидатскую диссертацию «Хронология раннесредневековых памятников Северного Кавказа (по материалам могильника Мокрая Балка)».

Большое место в работе сектора славяно-русской археологии занимает составление и подготовка к печати соответствующих томов «Археологии СССР». Два тома — «Восточные славяне VI—XIII вв.» и «Кочевые народы Евразии в эпоху средневековья» — уже сданы в издательство. В настоящее время сотрудники сектора готовят следующие тома: «Древняя Русь: «Финно-угры и балты в средневековье»; «Причерноморские города, Кавказ и Средняя Азия в эпоху средневековья». В создании этих томов принимают посильное участие все сотрудники сектора.

В. В. СЕДОВ

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫЧЕСТВУ

Проблема духовной культуры раннего славянства имеет первостепенное значение для глубокого познания славянской истории, этногенеза славян и взаимодействия их с балтами, германцами, скифо-сарматами и другими древними этносами. Вся жизнь ранних славян, их хозяйственная деятельность, быт, культура и искусство были неразрывно связаны со славянским язычеством, пронизаны языческим мировоззрением. Средневековая духовная культура славян и после принятия христианства в более или менее значительной степени была связана с язычеством, унаследованным от праславянского периода. Поэтому тема «Язычество славян» является основой проблемы их духовной культуры.

Заметным событием в изучении культуры славянства стал Международный междисциплинарный симпозиум по славянскому язычеству, состоявшийся 21—23 мая 1980 г. в Брюсселе и Генте (Бельгия). Он был организован Институтом высшей школы Бельгии в сотрудничестве с Секциями славистики Брюссельского и Гентского университетов, Центром по изучению древних религий при Гентском университете и Международной комиссией по изучению славянских культур. Инициаторами симпозиума были бельгийские ученые Ж. Бланкофф и К. Баквис. В нем приняли участие свыше 50 ученых, работающих в различных областях истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклористики славян. Кроме страны — организатора симпозиума, представленной славистами и историками древних религий из университетов Брюсселя, Гента и Антверпена, в его работе участвовали ученые СССР, ГДР, Венгрии, Болгарии, Польши, Франции и Западного Берлина.

Общим вопросом славянского язычества был посвящен доклад польского историка-медиевиста А. Гейштора «Истоки и этапы славянской религии». Докладчик показал, что знания, накопленные наукой по славянскому язычеству, нельзя изучать в единой плоскости, и подверг их структурному анализу. Являясь сторонником теории крупного французского ученого Ж. Дюмезиля, согласно которой в религиозной идеологии нашла отражение прежде всего социальная структура общества и только

на фоне последней можно правильно понять восходящую к ней структуру языческих представлений, А. Гейштор дифференцировал духовную культуру славян-язычников в соответствии с их социально-общественными отношениями в разные хронологические этапы развития. Докладчик показал, что языческое мировоззрение и роль божеств изменялись по мере развития славянского общества. На раннем этапе главенствующими божествами были Род и Велес, на поздней стадии верховным божеством становится Перун.

В докладе Ф. Винке (Бельгия) «Племенное начало религии древних славян» было обращено внимание на элементы славянского язычества, восходящие к родовой и большесемейной жизни первобытных славян. Докладчик утверждал, что языческое мировоззрение славян в значительной степени связано с их ранней племенной жизнью.

С большим интересом на симпозиуме слушались доклады археологов. Археология выгодно отличается от других наук прежде всего тем, что она постоянно и активно пополняет свою источниковедческую базу. В результате археологических раскопок научные знания по славянскому язычеству в последнее время значительно возросли и конкретизировались, получили отражение такие детали, о которых еще несколько десятилетий назад ученые не имели никакого представления.

Автор настоящей статьи в докладе «Языческие святилища и идолы восточных славян» исследовал материалы о местах совершения языческих празднеств и ритуалов. Святилища подразделены на племенные, обслуживавшие более или менее крупные группы славян (таковы Перынь под Новгородом, святилища, выявленные в Подолии и Буковине, так называемые болотные городища Смоленщины и Белоруссии и др.), и малые, в которых совершалось моления небольшое число людей, обычно расположенные непосредственно на поселениях (Ходосовичи, Нижний Воргол, Шумск и др.). Основу всех святилищ составляли круглые площадки, возвышавшиеся над окружающей местностью и обнесенные рвом или валом культового характера. На площадках ставились идолы. Значительная часть их была деревянной и не дошла до нас. Некоторое представление о них дает деревянная скульптура из новгородских раскопок. В разных местах восточнославянской территории встречены каменные идолы. Среди них преобладают скульптурные погрудные изображения мужских божеств. В южнорусских землях, где славяне испытали влияние провинциально-норманской и иных культур, известны сложные каменные изваяния, к числу которых принадлежит и Збручский идол. Археологами найдены также изображения домашних божеств.

Археолог из ГДР И. Херрманн посвятил свой доклад культовым постройкам и культовым фигуркам VIII—XI вв. северо-западного региона славянства. Одним из замечательных культовых строений славян является недавно открытое археологами святилище в Гросс Радане (округ Шверина). Это деревянная крытая постройка размерами 12,5 × 7 м. Ее стены были устроены из вертикально поставленных брусьев, верхние концы которых оформлены в виде схематически изображенных голов. Над входом висел череп тура. Следы деревянных культовых построек зафиксированы раскопками и в других местах расселения балтийских славян. Они восходят к кельтскому храмовому строительству, что является дополнительным аргументом в пользу происхождения северо-западного славянства из районов Силезии и Малопольши, где на рубеже нашей эры славяне — носители пшеворской культуры контактировали с кельтами. В докладе И. Херрманна рассматривались также культовые деревянные фигурки — изображения языческих божеств, найденные при археологических раскопках на территории ГДР.

Польский археолог В. Гензель в докладе «Пережитки языческого культа в средневековой Польше» остановился на некоторых средневековых изображениях, хранящихся в музеях. Сопоставив с археологическими находками, он определил их как наследие язычества раннего славянства. Существенно, что средневековые изображения находят соответ-

ствия в древностях поморской и пшеворской культур, выявляя давние истоки славянского язычества.

В докладе «Погребальный обряд между Эльбой и Вислой в VI—X вв. как источник изучения религии западных славян», прочитанном Е. Золль-Адамиковой (Польша), анализировались археологические данные по похоронному ритуалу. Докладчица показала, что славянам с глубокой древности был свойствен обряд кремации умерших. Славянские захоронения обычно безынвентарны или малоинвентарны, что обусловлено их языческим мировоззрением. На окраинах славянского расселения сказывается влияние неславянского ритуала. Обряд труположения, по мнению Е. Золль-Адамиковой, появляется у славян под воздействием христианства. В VIII—X вв. в славянских могильниках распространяются захоронения с оружием и богатым набором украшений, что обусловлено развитием общества, выделением племенной и дружинной верхушки.

Ж. Бланкофф прочитал доклад «Два сюжета из язычества древней Руси». Первый сюжет касался орнаментики, восходящей к изображениям луны. На материалах археологии исследователь показал, что характерные для древнерусского женского костюма привески-лунницы имеют глубокое европейское начало и их появление обусловлено языческим поклонением луне. Вторым сюжетом доклада был культ медведя, имевший широкое распространение в лесной полосе Восточной Европы.

Большой интерес представляют доклады, основанные на разнохарактерных источниках. Так, в докладе западноберлинского слависта Н. Райтера, посвященном роли коня в языческой мифологии славянства, были использованы и народные обычаи, описанные этнографами, и русские былины, и южнославянский героический эпос, и немецкие средневековые хроники. Докладчик показал, что в языческих представлениях славян конь и человек часто составляли духовное единство, конь сопровождал человека и на земле, и в загробном мире. У балтийских славян конь выполнял роль оракула, ему были посвящены языческие храмы.

Различные материалы использовала Г. Шуберт (Западный Берлин) в докладе «Роль женщины в народных верованиях южных славян». По утверждению докладчицы, в мифологии и языческих представлениях южнославянских племен господствовали женские культы, что было обусловлено ролью женщины в обществе. Широкое распространение мужских культов, по мнению Г. Шуберт, связано у южных славян с влиянием христианства.

Доклад Н. Станге-Жирововой (Бельгия) «Культ волка на Руси» был построен на фольклорных и этнографических данных. В нем утверждалось, что волк у восточных славян был объектом языческого культа, связанного с поклонением Велесу. Этнографические и исторические материалы в докладе Л. Силард (Венгрия) явились основой для обстоятельной характеристики и выяснения происхождения нестинарства — обряда, сохранившегося в отдельных селениях Болгарии и Греции и заключающегося в поклонении огню (танец на горящих углях).

В ряде докладов было обращено внимание на необходимость привлекать новые источники для более полного представления о славянском языческом мировоззрении. Лингвист Э. Айхлер (ГДР) в докладе «Славянская палеолингвистика и славянская история» показал, что существенные сведения по славянскому язычеству содержатся в топонимических материалах. В частности, ему удалось доказать на основе топонимики, что праславянским божеством был не только Перун, но и Мокошь. А. В. Чернецов (СССР) обратил внимание на древнерусский изобразительный материал, который может быть вспомогательным источником в изучении языческих идолов, волхвов, колдунов, культовой и магической обрядности. Интересные поиски следов славянского язычества в немецких письменных источниках раннего средневековья предпринял Э. Доннерт (ГДР). Оказалось, что немецкое население унаследовало у славян междуречья Эльбы и Одры целый ряд представлений, восходящих к языческой поре. Я. Штетылло (Польша) прочитал доклад

о Стефане Пермском, проводившем христианизацию пермяков в XIV в. Видя элементы сходства в деятельности Стефана и процессе христианизации Руси, исследователь утверждал, что житие этого святого является дополнительным источником по восточнославянскому язычеству. Несомненный интерес и полемику вызвал доклад Ж. Роберти (Франция) «Языческие элементы в русских народных праздниках XVII в.» В этих материалах, действительно, трудно отчленить языческое наследие от народных обычаев. Однако большинство выступавших в этой связи утверждали, что нет смысла делить элементы духовной культуры славян на языческие и народные, поскольку в дохристианскую пору вся духовная жизнь славян полностью исходила из языческого мировоззрения. В сообщении И. Форраи (Венгрия) были охарактеризованы древние верования и обычаи, сохранившиеся у славянского населения Венгрии. С. Янев (Болгария) показал, что для изучения славянского язычества может быть использована и современная литература, в частности болгарская, в которой имеются описания отдельных языческих элементов.

Таким образом, на симпозиуме были рассмотрены самые различные аспекты духовной культуры славянства дохристианской эпохи и получили освещение элементы средневековой славянской культуры, которые были унаследованы от язычества. Были подведены итоги изучения основных вопросов славянского язычества. Симпозиум показал, что для успешного исследования духовной культуры славян необходимо объединение усилий ученых разных специальностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ
АО — Археологические открытия. М.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВАИ — Вестник археологии и истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
ГАКО — Государственный архив Калининской обл.
ГИМ — Государственный исторический музей
ГО СССР — Географическое общество СССР
ЗВАК — Записки Всеукраїнського археологічного комітету
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИРАО — Известия Русского археологического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПАО — Псковское археологическое общество
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РД, VI — *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899, VI
РИС — Русский исторический сборник
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
PAN — Polska Akademia Naukowa .

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, И. В. Дубов.</i> Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований)	3
<i>Е. А. Горюнов, М. М. Казанский.</i> Спорные вопросы изучения пеньковской культуры	10
<i>Е. Н. Носов.</i> Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э.	18
<i>И. К. Лабугина.</i> Итоги изучения культурного слоя Пскова	24
<i>З. М. Сергеева.</i> К изучению культурно-экономических связей западно-русских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов)	30
<i>О. М. Иоаннисян.</i> О раннем этапе развития галицкого зодчества	35
<i>С. М. Новаковская.</i> К вопросу о галереях белокаменных соборов Владимирской земли	43
<i>Ю. М. Лесман.</i> О сидячих погребениях в древнерусских могильниках	52
<i>Ю. А. Краснов.</i> Рало из Токаревского торфяника	58

Полевые исследования

<i>А. А. Пескова.</i> Древний Изяславль	66
<i>Г. Н. Пронин, В. В. Мильков.</i> Раскопки древнерусских памятников в Новгородской области	73
<i>В. Я. Конецкий.</i> Нередицкий могильник	83
<i>И. В. Исланова.</i> Раскопки Бежицких курганов и городища Еськи	86
<i>П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.</i> Дворец в Полоцке	91
<i>М. Ф. Рожко.</i> Крепость Туставь	99
<i>Т. В. Юркина.</i> О раскопках в Вязьме на Смоленщине	106
<i>В. И. Кильдюшевский.</i> Об одном из типов керамики XIV—XVI вв. крепости Орешек	111
<i>А. А. Юшко, Л. С. Хомутова.</i> Ножи из раскопок Звенигорода Московского	116

Хроника

<i>Г. Е. Афанасьев.</i> Работа сектора славяно-русской археологии в 1977—1978 гг.	120
<i>В. В. Седов.</i> Первый Международный симпозиум по славянскому язычеству	122
Список сокращений	126

Славяно-русская археология

КСИА, вып. 164

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. А. Калинина
Корректоры Д. Ф. Арапова, А. Б. Васильев

ИБ № 18314

Сдано в набор 25.09.80. Подписано к печати 12.12.80. Т-19639.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л.
12,1. Тираж 2450 экз. Тип. ван. 1815. Цена 1 р. 30 н.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12